

Александр Воловик

УГЛЕГЛАЗАЯ МГЛА

Стихи

УДК 821.161.1(081)Воловик А.

ББК 84(2=411.2)6-5я44

В68

Воловик, Александр.

Углеглазая мгла : стихи / Александр Воловик. — М.:

Новый Хронограф, 2014. — 496с. —

ISBN 978-5-94881-266-3.

CIP PГБ

ISBN 978-5-94881-266-3

© Воловик А.И., 2014

© Издательство «Новый хронограф», 2014

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ «САМ СЕБЕ АВТОР»

А.Воловик дебютировал в сборнике «Граждане ночи» (1991., сост. О.Чугай), Его герой — гротесково простодушный интеллигент, бесхитростные излияния которого в застойные годы с неизбежной логикой приводили к антисоветчине, а ныне полны убийственно наивных сентенций о персонажах постсоветского карнавала. Воловик блестяще фиксирует шизофренические состояния соотечественника, который уже не способен на самоидентификацию и «на сто дублёров расчленён».

Истоки поэтики Воловика — обэриуты, Саша Чёрный, Н.Глазков, иногда чувствуется интонационное влияние А.Галича. Герой А.Воловика знает, что почём в этом мире, ворчит, но не скрывает природного оптимизма, того эротически радостного вкуса в жизни, который нельзя симулировать.

Ольга Постникова, 1993 г

*АННОТАЦИЯ К ПОДБОРКЕ СТИХОВ
НА САЙТЕ «РУССКИЙ ПЕРЕПЛЁТ»*

Александр Воловик — земное воплощение скромности. Самоироничный и мягкий голос, отсутствие обычной нашей поэтической нахрапистости, сдержанное и необязательное «ага» в ответ на моё предложение издать его книгу, отсутствие уязвлённости непризнанного мастера и боязливая оглядка на профессиональную критику выгодно выделяют его на фоне нашей нагловатой поэтической братии. Тем более удивительно, что Воловик — поэт «без дураков», копатель своего канала и строитель своей мельницы, кажется, до сих пор считает себя перепевком Александра Галича. Возражу. Голос Воловика оригинален и чист.

*Алексей Ивантер, сайт «Русский переплёт»,
<http://www.pereplet.ru/text/volovikobfebo4.html>, 2004.*

*РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
«СВЕРСТАТЬ ВСЕХ НАВЕК»*

Булгаковским духом от начала и до конца пронизан этот сборник. Не знаю, кому как, а мне Александр так и представился — грустным Мастером, из своего полуподвального окошка наблюдающим проходящий мимо цокающий и гупающий мир... Я бы назвала эту работу «зеркалом века», потому что пропитана она той необыкновенно верной гражданственностью и философией, присущей матёрой публицистической поэтике прошлого века, вряд ли признавшей бы на стыке времен в Воловике «рупор эпохи». Слишком уж он пронзителен и правдив, слишком ироничен и беспощаден, слишком дорожит словом. Хочется, очень хочется подержать в руках осязаемую «бумажную» версию сборника. Только вот сбудется ли? Ведь литература такого уровня и качества сегодня мало востребована «производителями духовных ценностей». Вот и Автор — о том же... А между тем, подобная поэзия необходима как воздух, надлежаща как пища, бесценна, как национальное достояние. Она воспитывает, она просвещает, она направляет и ориентирует, потому что она — вечна...

*Инна Молганова, редактор литературного журнала
«Точка Зрения», <http://lito1.ru/sbornik/1194>, 2005*

*ИЗ СООБЩЕНИЯ О ВЫХОДЕ КНИГИ
«ДОГОВОРИМСЯ О ВОЗДУХЕ»*

Важные черты стихотворений Воловика — их иронизм (порой переходящий в публицистичность) и, в то же время, языковая игра, часто вполне самодостаточная

Данила Давыдов, «Воздух», 2006, №2

*ИЗ СТАТЬИ О КНИГЕ
«ДОГОВОРИМСЯ О ВОЗДУХЕ»*

Это вторая книга поэта, известного по многочисленным публикациям в таких журналах, как «Огонёк», «Крокодил», «Вопросы литературы», «Крещатик» и др. Конечно, в предках А.И.Воловика числится Саша Чёрный; конечно лирический герой (здесь это словосочетание вполне уместно и серьёзно!) А.И.Воловика живёт по шоломалейхемовской максиме: «Смеяться полезно, врачи советуют смеяться!» И, конечно, не будем спорить о том, умерла ли классическая поэтика классических и традиционно зарифмованных размеров. В стихах А.И.Воловика она, представьте себе, таки не умерла!

Лирический герой Воловика говорит от имени немолодого человека, посетившего, что называется, сей мир в его минуты роковые. Нельзя сказать, чтобы он, этот человек, был по-тютчевски счастлив, но... жить-то надо! Воловик продолжает естественно и просто современную традицию развенчания романтического образа поэта-учителя, поэта, этого самого служителя муз. Этот лирический герой, конечно же, не знает, как устроен мир; то есть он честно признаётся: не знаю, мол, как устроен мир; не знаю, что будет после громко высказанного «А». То есть, наверное, «Б». Ну а потом? «В»? Или «Ц»? Пока, мол, не ясно! Но на самом-то деле он всё знает. Мир — это цирк, и цирк отнюдь не безопасный. Этот лирический герой то и дело клянётся, что он — маленький человек, да, тот самый, но с лёгкостью обращается к реалиям этой очень большой и мировой культуры и литературы.

Фаина Гримберг, «Когда шепчет муза» 2007

*ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ
«КОНТАМИНАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ»*

Третья книга московского поэта объединяет стихи последних пяти лет. Очень широк арсенал поэтических изобразительных приёмов — от катрено-эпиграммного, казалось бы, невозможного к серьёзному восприятию высказывания, до визуального — в виде рюмки — стихотворения про

похмелье, акротелестиха про букву и местоимение «я» (упомянутые штучки напоминают общеизвестные эксперименты В. Брюсова), метрической географией страны («Пути-размеры»). Поэтика Воловика местами блистает чуть ли ни полисемантикой Строчкова, местами ироникой «Крокодила» и 16-й полосы «Литературки», но книга в целом воспринимается как лирическое высказывание поэта, не идущего на эксперимент ради эксперимента, а просто свободного в выборе и формы, и стиля.

Дарья Суховой, 2011, «Воздух», 2011, №1

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ «ЦАЦА ТАТА»

Господа актёры и ведущие, этот сборник — вам! Тренировка речевого аппарата обеспечена. Мне совсем не хочется искать в этом сборнике скрытые смыслы: пусть это будет сборником новых сочинённых скороговорок, остроумных, весёлых скороговорок и только.

Лала Мирзоева, редактор отдела поэзии сайта «Точка зрения»: <http://lito1.ru/sbornik/5884>, 2011

ПОХВАЛА ВОЛОВИКУ

...Поэтические тексты Александра Воловика стереоскопичны, объёмны. Многомерны. По-

скольку конгломератом образов, смыслов, звуков, а даже и отдельно взятыми словами (лексика богачейшая!) они воздействуют непосредственно на подкорку рядового цивилизованного читателя, а эрудита общего плана дополнительно приводят в откровенное восхищение богатейшей системой образов и смыслов...

Поразительна в стихах Воловика поистине редчайшая способность автора вызывать сочетанное воздействие и на умственную, и на чувственную составляющие в сознании читателя. Менее поразительна (то есть — совсем не удивительна) прискорбно малая известность этого замечательного поэта вне пределов литтусовки: такое личностное качество, как скромность и деликатность в отношении к собственным произведениям, — в наши времена подлинный раритет.

Недалёкого как бы «любителя поэзии» сложно структурированные тексты, к счастью, оставляют равнодушным. Почему к счастью? — Равнодушие не побуждает к дальнейшему чтению, тем паче — к попыткам усвоить смыслы, заключённые в тексте, увидеть ёмкую картину информационного пространства, освоенного человеком разумным за тысячелетия. А не особо широкая известность блестящего, остроумного мастера парадоксальной интеллектуальной поэзии — несомненный признак элитарности его творчества...

*Нина Огнева,
аннотация к книге «Похвала алфавиту», 2012*

ИЗ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ «СЛОВО ЗА СЛОВО»

У Александра Иосифовича Воловика — отличный звукоряд-шелкопряд. Иногда он «балуется» сочинением чисто звуковых стихотворений. Подчас они звучат, как палиндромы — странно, многоголосо, с потаенным смыслом. Слух Александра музыкален, это заметно и в стихотворениях другого плана, где звукопись не является «целью творения». Это очень важное качество для любого настоящего поэта. Остается всего ничего — соединить звук со смыслом.

«Слово за слово» — книга избранной лирики. Но, поскольку у Александра Воловика найдется не одна сотня очень достойных стихов, я подозреваю, что он может набрать еще, как минимум, с десятков подобных «избранных». Остроумных, ритмичных, с непременным обыгрышем идиом, с самой что ни на есть современной лексикой. Сразу видно: это — поэт XXI века.

*Александр Карпенко,
"Дети Ра", № 9 (119), 2014*

* * *

Январский ветер, но — почти весна.

Не 90-х, нет! 80-х.

И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.

Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвётся в щёлку. Но почти — весна.

Вернись, игра, пиши моя контора!

Еще провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.

Но жуток пережень грядущих дел и бед.

Гляжу: копеечка. А это белый свет.

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША

Сергею Белоголовцеву

У менестреля и министра,
у атташе и алкаша
звенит, как нимб и как монисто,
необъяснимая душа.
Она летает и бушует,
подобна плазме и огню,
и ощущает душу жулик
и партгрупорг, и инженерю.
Крестьянин, в сумрачном навозе
копаясь кончиками вил.
И за бойцом летит в обозе
душа на паре хрупких крыл.
Интеллигент страны Советов
и соль земли — рабочий класс,
ужель идеализма ветошь —
душа — гнездится тоже в вас??..
Ужели гид нематерьяльный
вас вводит в радость и тоску?
То — как джигит — в сальто-мортале
коня меняет на скаку?..

КНИГА ЧУДЕС

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насыщенном днесь,
не о текущих лепешках, отравленных содой.
Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу.
Празднично брызнет рассыпчатой пеной Праздрой,
и кордамон, салютуя, зависнет над Псоу.
Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...
Странно совку в непредвиденном мире сладостей,
трудно жевать сочетания букв — постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая.
Проще усвоить: от сердца — хороший коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки.
Вот *кон-соме*, *про-фит-роли*. А вот, на полях
почерком ржавым проставлены цены эпохи.
Славлю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь. Но в разумных пределах, конечно.

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся — музу
и плодить соответственно — гимн, серенаду, оду...
Мне ведь тоже дано — хоть в автобусе — уединенье.
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем.
Что — Свобода? Она — одиночество, или — деньги?
— Нет ответа. Поскольку мир — нè обитаем.
Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.
Простота воровства, звуковой набор деклараций.
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ,
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!
А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные — друиды, дриады, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.
Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов.
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

дублёр дублёру рушит ловко
его опорный аргумент.
Мы все дерёмся на-отлично:
вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность:
направо прах, налево дух.
Рефлексы все из строя вышли,
сгустились сантименты в стресс.
Не существую, даже мысля:
утратил к пище интерес!..
Дублёров бешеная свора
меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора,
не друг-товарищ и не брат.
Пора уволить всю команду:
эксперимент зашел в тупик.
Но кто из нас подаст команду?
Кто — *настоящий* Воловик??..

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один — облезлый,
никудышный, дурно пахнущий старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и — наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..

Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
в штапельной миниюбке с клёвым таким бантом.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилося и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится — гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!
Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме — электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошлое, просыпаясь иногда на беду.
— Дедушка! Обождите меня! Я — Ваш преемник.
Можно — до остановки с Вами дойду?

ПЯТЬ СТРОФ

Иосифу Липкину

Не пройтись ли по карте морскими путями,
с верхотуры упав на тропу авантюр?
Сшить Атлантику Зингером, выйти к Панаме
и по-Тихому тур предпринять в Порт-Артур...
Курс рассчитан по лампам в плафоне каюты.
Под надежным компасом — надежный топор.
Сорок градусов ром, и четыре минуты,
чтоб сверстать всех навеки в единый набор.
О чугунная матрица в форме матраца!
Напряженный Гантмахер* строки и столбца!..
Представления групп** ...

Матросня будет драться.

Ну, не глупо ли, братцы, стоять до конца!..
Но бессовестно бдит комендор бесноватый,
отпивающий склянку в назначенный час
(да, про ром уже было...), и близится к пятой
и последней строфе земноводный Пегас.
Вот она.

Одинокий мой парус прочертит
незабвенный пунктир в нереальной дали,
и на карте проступят, как водится, черви —
то ли знаком любви, то ли страхом земли.

*См. Ф.Р.Гантмахер, Теория матриц, М.,»Наука»,1967

**См. М.А.Наймарк, Теория представлений групп,
М.,»Наука»,1976

В ностальгическом дизайне оформляя каждый шаг,
по местам былых лобзаний отправляюсь не спеша.
От Сокольников к Арбату и в Черёмушки с Филей
носит юности фрегаты ветер памяти моей.
По Таганке, по Мясницкой, у Рождественских ворот
прохожу, и будто снится это утро, вечер тот...
Та скамейка, эта липа, тот троллейбусный маршрут...
Тридцать три беззвучных клипа перед взором проплывут.
Всех припомню поимённо, с кем был близок и знаком.
А фрегат разнознамённый пролетает с ветерком.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как — по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд —
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!
Быстротечные нулевые года,
т.е. от нуля первого по десятый,
пока почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи
на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.
Во всяком случае, я б оттолкнулся
пятою *ошпóренной* от современности и — айда —
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.

Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
6-я статья Конституции

неуклонно катится под уклон.

С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатал бы Пятое колесо.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.
Задержался бы, застоялся бы
ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душной курилке,
ЛТП (личный творческий план),
стенгазета по вечерам.

Производственные чаепития,
мемориальные пряники,

строго с портретов — вожди.

Все ещё живы и деятельны.

Дети лопочут и ползают — пи-пи да ням-ням.

А чуть выше — сангвиником-козликом
я по лесам, кинозалам и даже озёрам
(не бодаясь!) скакал.

Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск *методом тыка*,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче — найду.

И неожиданный после увенчанный закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.

То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент превратила предыдущую в ерунду...

Ещё на ступеньку-другую, и вот:

год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.

Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом

я вижу, как будто вчера...

Июнь. Полыхание запаха: липа.

Не злой, но всё-таки, кажется, зной.

Август-сентябрь. Жара.

И отчётливо слышно лязганье танков из-за бугра.

Но выше, выше!

Туда, где доска в интегральных красуется кружевах,

где среди лекции по *диффурам* приёмник,

чуть ли ни детекторный — Гагарин! — вскричал.

Несанкционированный выплеск восторга,

манежные струи очищающих вахт...

Всё теперь — наше! Москва — космопорт,

спутников гордый причал.

И ещё: по склонам грядущего МКАДа

укладка квадратной травы.

Целина, где восходы, свинарник

и розовый тальник на нём.

И картофельные пыльные будни,

без годов и без дат, увы...

Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,

а когда-то скакал и резвился

весёлым и глупым конём.

И на угли глядел у костра,

однозначно и монотонно угасающие к утру.

И думал:

вот это запомню теперь навсегда

(и запомнил — вот!)

А наверное, это я (да и все мы)

в такую играли игру,

как бы двигали фишки: работа, урок, поход...

Я смотрел как на площади Красной —

И постоянно отсутствовал
пропавший без вести папа,
которого я никогда не видал...
Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.
По дороге в Москву
безликий мужчина в кепке надо мной,
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:
«Подъезжаем к Казани» — сказал —
и с этою фразой
я почему-то всегда живу...
Но ещё из времён было самое давнее,
скажем, времени — дно.
Стульчик высокий, кажется, серый,
но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет
медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна —
она называется просо — стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ

На время забыть об общем, частности тронуть.
Залаять, увидев ворону в пушистом небе,
и постараться

в предправедном гневе
именно в ней увидеть врага.

И не глядеть в ту сторону,
где с когтистого трона
стаи ворон и воронов,
так же, как эту ворону,
внушают небу:

Кощей, в облаках упрятан,
и Баба-Яга.

Двугорбым горит Араратом

ревность моя к пернатым

Черна и бескрыла зависть —

ведь мне не достать, не доставить
на борт Ковчега

малой жижицы ила, почвы грядущих кочевий.

И не сконструировать в бункере кивера
мирное мне гнездо.

От начала тетрадной страницы

и до

голубых гильотин в мастерской переплётной

я все пел бы и пел, и друзьям перелётным

было б слаще мне сниться

среди синевы.

Но сказано: «Жука клевала птица.»
«Хорёк пил мозг из птичьей головы»...
Но птица Рух, таскавшая птенцам
заместо мух — из них воспитанных слонов...
Но Буревестник,
небесам
кричащий о примате катастроф!..
Меня остановили эти «но»
и предписали частности забыть,
об общем вспоминая.
И вот: от чёрных крыл темно,
и морщит небо и знобит,
и рвёт в куски всё та же злая стая
с непредсказуемых орбит.
И баба бесится Ягая...
И гром гремит...

ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ НИЦА

I. ГЕРАкл

Как ты прошёл — в игольное ушко,
такой непозволительно огромный!
И не расскажешь, как тебе — не *стрёмно*
ли, не темно ль? А может быть — легко?..
И где теперь твой непомерный мир,
твой Зурбаган, Камчатка и Дудинка?
Севморпути твоя любая льдинка,
Твой Питер, твой Кавказ, твой Измаил...

Адью — *Аккорд алеющей Авроры* *.
Беда — *безжизненно больной бледнел.*
Всегда — *Валькирий вещей видя взоры,*
Геракл — *глашатаем гробниц горел.*

03.,10.03.2007

* Использованы строки из стихотворения Г. Ница,
написанного им в 1960-е гг.

Аккорд алеющей Авроры
Безжизненно Больной бледнел.
Валькирий вещей видя взоры,
Глашатаем гробниц горел.

II. 26 МАЯ 1966 ГОДА

В 66-м году, 42 назад
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.
Вот я роз букет везу (розы — расцвели!),
к жениху на Курскую, после — на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.
Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Мáшину знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...
Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа — нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

26.05.2008

* * *

Как это я забыл о том,
кто делает зарубки
на самоструганном столбе
из мачты корабля!
Так можно потерять себя
среди этой мясорубки,
по незнакомым неживым
почтительно скорбя.
А он идёт неспешно в лес
собрать плоды и фрукты,
он доит коз, а их навоз
на грядки он кладёт.
Вот появился и исчез,
и только дым из трубки
обозначающий его,
летит среди небес.

БОЛЕРО

Владимиру Стrogкову

Где гиены и тигры, и прочая злая напасть,
и, гремя, «Болеро» разрывает лиан пелену —
усмирить безотчётные бы «убежать» и «напасть»,
помечтать о простом, поглядеть, например,
на луну...

Ах, Селена, скажи, хороша ли была белена?
Верно — да. Ведь недаром тревожна полночная темь.
Не сегодня ли тронулись — материки, племена
с пересиженных мест неизвестно, куда и зачем...
Нет ни воли, ни вольницы в странном
движении том.

Только ритма узор, только вредный искус ворожбы.
Это маг, или кто — заставляет стремиться гуртом
к подневольной свободе (другой
не приемлют рабы)?

Захлебнулась клепсидра, петух проворонил рассвет.
Ускакала кукушка с курантов кремлёвских ворот.
Тишина, и забыты кликухи несущих ответ
за медлительность мигов и за мельтешенье длиннот.
Но колотятся мирные «спи» о бандитскую «вдарь»,
и акцентом тамтама тотального душу свело —
в преисподнюю тьму, или просто
в рассветную хмарь...

Но бессменно внезапен финальный обвал «Болеро»,
и упругая чаща упрямо смыкает листы,
и граница свободы, невидимая в суете,
всё равно на замке.

Маскируют «Бехштейна» кусты,
и ручные зверушки шлифуют свои фуэте.

МАКЛАЙ

Умом Папуа Новую Гвинею не понять...

В.М. Герцик

— Туй, Туй! — повторял он, тыча себя в грудь.

Н.Н. Миклухо-Маклай

Я — не ровня народу в метро.

И не ровня народу нигде.

То — зачем я пишу не про то.

То — чего я хожу в бороде* ...

— Я — Маклай! — говорю я, — Маклай!..

И перстом себя тычу в живот.

Отвечают мне: «*Нэ понымай!..*»

Мол, тебя только равный поймет.

— Где же равные?! — ором ору.

От меня сторонится толпа.

Всяк свою распевает муру,

пляшет собственноручное *па*.

Будь ты равный — сквозь гогот и лай

я б словил позывные твои...

Если правда я малость Маклай,

значит вы-то уж точно *Туй!*

* Сбрил, уже сбрил!

ЧАЙНИК

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... — Могилы? — Ну да.
Розы — стихотвореньям, а прочее — в прозу.
Так прозаик распишет — шарман (лепота)!
В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без то́лку — увы),
развлекаюсь ли контаминацией литер
или с френдами *газусь* журналов живых —
всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! — неловко головка от туловища...
Погляди, не бойсь, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону —
прочь от проводниковых драконовых мер.
Да, о розах! Я рос и не нюхивал чайных.
То же самое — чёрных. В бокалах *аи*.
Я — о прочем. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

Владимиру Герцику

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная — ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая — весь, как автопилот.

Я человек. Во льду ли я — всё, как в жерлѣ Везувия.
Тут не игра, в дыму моё — всё: и душа, и плоть.
Действие — наказуемо. Рухнет — лови внизу его.
Крайний-то — я! — Ату его! Вот — бытия оплот.

Я человек неумения.
Я человек, потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания.

II

Я человек воскресения.

Жизнь проскользнёт без трения,
но — за крупицу времени, сорок каких-то лет —
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!

Я человек говорения — тусклого, но горения.

Не для меня гниение: мне не пристало — тлеть.

Я — человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.

Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разумения.

Я человек вдохновения.

Я человек созидания.

Я — Человек-Мироздание!

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу — пожалуйста: титр,
а не разгляжу — кто-нибудь да подска-
жёт...

этот сюжет

разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что — Поэт!
Мне что́ по этапу — что́ по этажам,
что́ влёт — что́ ползком;
что́ запеть — что́ запить.
Неважно — позор или славу стяжать.
А важно: что звёзды, что Солнце блестит...

АНТОНОВКА

Август на осень оставил смог.
Но не густой, и я смог отладить
слёгший — полёгший под сленгом — слог
в тексте — костистом (лишь звука ради).
Мой звукоряд весь октябрь зяб —
как у барона рожок, как зяблик —
к *нашим* баранам возврат — в рюкзак,
празднуя — в обществе спелых яблок!
Там — залился! — Так поют щеглы —
быдлу, смердящему перегаром...
Крайние меры помочь могли б
малым сим — мылом. Мылом малым.
А мимо со свистом — то лес, то гарь,
желтея песочно, ведь осень, осень!
Столовая. Кладбище. Бар. Бар
крикливые виллы. Чёрнополосен,
белый шлагбаум проплыл во мгле,
где кудри торфяников длили тленье.
Огонь, огорошен водою, млел.
Клесты, краснорожи, с рябин слетели.
Пора бы и мне дожидать снегов,
сося что попало в глухой берлоге.
Лелеять надежду, беречь любовь,
пригубить эзопов язык для пробы.
Но рельсы, как сёстры, бредят Москвой.
Антоновки вздох все следы попутал...
И я возвращаюсь домой — герой,
плодами нё перегруженный путник.

Елене Морозовой

Я выжил в хрупком мире чемоданном,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я ффрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

2011

* Образы этого стихотворения взяты из чудесной книги Елены Морозовой «Фиалковые поля» YAM-publishing (г.Саарбюкен, ФРГ), 2012

ЛИЧКА

Уставши выковыривать изюм
певучестей из жизни сладкой сайки...

Б.Л. Пастернак

Я по жизни ползу не спеша, как улита.
И душа — как болото времён неолита.
Коллективное зло личным благом залито.
Я не миссионер. Не ищу прозелита.
Одиночка без сникерса и без поп-корна,
старичок, чьё сугубое мнение спорно,
я, хоть опытен — глуп, как юнец до сих пор.
Но! —
сам живу по себе. Не желаю — соборно.

Посылаю приватно приветы и байки.
Не тусуюсь за зёрнышком в избранной стайке.
Не стучу. Не мечу правду-матку на сайты.
И свой личный изюм ковыряю из сайки.

За секундой секунда сгорает, как спичка.
Мчит по жизни меня одноместная бричка.
Ну, двухместная!.. Нё, например, электричка...
Не участвую в форумах. Нравится личка.

СКАЗКА

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто,
по правде сказать.
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.
Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,
в лубяную избушку
к косматой взъерошенной ведьме.
Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух
и пихать меня в печь поспешит ли,
подставив лопату.
Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?
прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»
И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.
И воскликнет весёлым девчоночьим басом:
«По мётлам!»
И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!
И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.
В *vitu novi* летим, вроде Данта с Петраркой, *ва-аще*,
или как мастерок с разбитною своей маргариткой.
Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.
Хрен догонишь нас: ты, иммортель,
недостаточно прыткий.
Я стал тоже иной — обольстителен, строен и юн.
И в любом направленьи сумею обрушить удар свой
Кроме Волка, со мной рыжий Кот,
между прочим, баюн.
И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

Счастлив, кто падает вниз головой.
Мир для него хоть на миг, но иной.
В.Ф. Ходасевич

Свеча фаллическая жгла
рой насекомых вздорный,
обесхитинивших тела
в суицидальном порно.
Парад алел и пеплом пал,
и, словно маршал шарма,
я принимал мотылькопад
и щурился шикарно,
жаля с псевдовысоты
тех, кто летал и ползал,
их погорелые мечты,
погибшие без пользы...
А всё же сто́ит — мотыльком
превысить степень риска:
взлетишь, сиянием влеком,
и в пепел обратишься.
Удобрит, выброшенный вон,
твой пыл богов угодя...
Не Вечность? — Пусть! Хоть миг, да твой.
В сей век. В сей год. Сегодня.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Как фотоновый поток — навесу,
как наждачного искра́ колеса —
по Садовому катаюсь кольцу
и сезонно дожидаясь конца.

Время вышло, и о нём не жалея...
Это — было. А теперь выбирай.
Если нолик на конце — юбилей.
Если два их, то водичку сливай.

И пока ещё по жилкам журчит
и головка ещё варит, урча —
если крестик, то вообще помолчи
да не ляпни ничего сгоряча.

Ну и что, что я к закату иду!
Я и в эту пору фору вам дам.
Не желаю быть властителем дум.
А желаю быть ласкателем дам.

К ВОПРОСУ О ПИВЕ

Однажды некто в общепите пива
спросил и тут же пиво получил.
Его сосед поморщился брезгливо,
поскольку пива он не выносил.
Ему *вносил* ядрёный квас в стакане
сам метрдотель, усач и патриот.
Не пьющий пива пива пить не станет,
тогда как пьющий пиво пиво пьёт.

МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ

Когда огорчусь, загрузу, затоскую,
когда на зрачках зачернеют кресты,
я медленным шагом пойду в мастерскую,
пойду в мастерскую, где чинят мечты.

И в очередь сяду — как все, неудачник,
мечтатель — как все! — и, конечно, чудаки.
Больную мечту я ладонью дрожащей
прикрою от взглядов нахальных зевачи.

И вот — подойду. Улыбнется приёмщик
и нежно погладит бесценную вещь.
Часы на стене заколотятся громче.
А может быть, сердце. А может быть, дождь.

Он скажет: «Поломка серьёзна». Посмотрит
сурово и прямо зелёным лучом.
(На улице будет светло и морозно).
— «Зайдите во вторник, часам к четырём».

Уйду. И до вторника, опустошённый
и сторбленный, буду сидеть не у дел.
В саду, в стороне от крикливых пижонов
я буду мечтать о разбитой мечте.

Во вторник её получу я обратно
и, радостный, спрячу её под пальто.
Я буду доволен. Мне будет приятно...
Но всё-таки всё это будет не то...

СПИРАЛЬ

Творец — теоретик скорее, чем практик.
Венец арифметик — скопление галактик.
Но график развития космоса в точки
по мере прогресса подтянет виточки:
Земля — не звезда же! Пустыни и горы
за место в пейзаже не кончат раздоры,
пока не покажутся — как в окуляре —
двуногие злыемышлёные твари.
Под ними скребутся невинные мышки,
беседуют буквицы с буквами в книжке,
которые молча строчит авторучка
(такая писучая тонкая штучка).
Ползёт паучок по седой паутинке,
качается пчёлка на тощей былинке,
красивая бабочка крыльями машет,
полезный микроб создаёт простоквашу.
Урчит протоплазма в невидимой клетке,
молекула страстно прильнула к соседке,
и вирус становится собственным братом,
и непредсказуемо крутится атом.
Протоны вращаемы (судя по *спинам!*)
и неисчерпаемо *антинейтринно...*
Но даже ему не прорваться на волю —
за рамки единой теории поля!

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ

Оборваны стропы стартующих строк,
и где подсознанию кретину
разлитый на стопки сознания поток
в единую вылить картину!
Вот полбутерброда, компьютер, очки,
порог, поводок, мостовая...
Попробуй, с подругой в метро проскочи,
когда на посту постовая!..
А рожи и лица различных систем —
точь в точь как герои мультяшек.
Хоть опохмелиться охота не всем,
но дух в совокупности тяжек.
Подбиты прямым попаданием впросак,
скачкая без звона и хруста,
домой к своим мымрам банкиры трусят
и где-то немножечко трётся.
Прилежный, как снайпер, дитёнок сосёт
пустой указательный палец.
Учёный всезнайка про гранты просёк
и Соросу стрóчит, засранец.
И Вещий Олег изгоняет коня,
и Воланд чудит свои штучки,
и кордебалетом пинают меня
небесные страницы тучки.
И девки путанки глядят из окон,
почти ничего не смущаясь.
Я сам-то с Таганки. Бреду босиком.
Простите, что к вам обращаюсь.

* * *

Какое имеешь ты право
быть лучше, чем кто-то другой,
из общего скомканный праха
и общей набитый трухой!
Но даже затуркан в массовках,
не смеешь быть хуже других,
из личного пламени соткан
и личную трель протрубив.

* * *

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное — когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда — единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевки слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она врубает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё — виртуально: водоём, премьера, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

Я подошёл к месту моей работы.
Через ограду висели ветки жасмина.
Я обломал ветку, висевшую ниже.
Запах жасмина напомнил былое время.
Прежнее время устойчиво и стабильно.
Это же был не жасмин, а простая груша...

♥ ♥ ♥

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.
Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон.
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

КАК ПРИНЯТО...

Как принято у нас на Востоке,
который, как и Запад, ни с места,
любая маломальская песня
имеет посередке цезуру,
похожую на маленький синус
в его неположительной части,
дотошно соблюдающий фазу
движения двугорбого зверя.

Как принято у нас, у приматов,
в приличных и порядочных стаях,
уныло, как студентки *N-фака*,
где *N* определяется ночью,
выходят от и.о. Гутенберга
на волю — чистой повестью тексты,
крутящие в районе Динамо
свои договорные сюжеты.

Как принятая вовремя *доза*
от холода спасет и от СПИДа,
фигура умолчания смысла
восполнит недержание слова.
Как принятый в почетные члены,
миг, якобы прекрасный, недвижим,
и прыгают по строчкам поправки,
как принятые в первом же чтенье.

Интеллигент, и должен рефлексировать
и напрягать извилину, как бицепс.
А жизнь проходит — малоэффективная,
хотя давным-давно уже — за 30.
За 40 тоже... Упоенье Будущим
давно иссякло. Но всего смешнее,
что 50 ушли за тёткой с дудочкой,
и 60 — опять-таки за нею.
Тела былых календарей вдоль стен висят
и лазаря лабают а капелла...
Того гляди — туда же канут 70,
страхнув, как накипь, всё, что накипело.
Я ленту жизни украшаю титрами.
так вдохновенно, будто бы скрижали.
Интеллигент, и должен рефлексировать.
Жизнь отражать. Вот я и отражаю.
Но скрипнет в отражателе метафора,
жизнь исказит, сомнёт и искорёжит.
Читатель! погоди! Не целься в автора,
Он отражает только так, как может.

ОБМЕН

Со столбов обрываю листки телефонного кода.
Ты готов на обмен? Предложения жажду и жду.
Мне желателен рай
 с безраздельною райской свободой
за крошечную тьму, совмещённую с пеклом в аду.
Пусть отныне кружат надо мной
 мои синие птицы,
пусть топырит смешно
 простодушные перья фазан.
Не взглянуть бы назад и от жалости не обратиться
в камень или бревно,
 не рвануться бы только назад!
Ты готов на обмен? Только честно!
 Отдам без обмана
за любовь каламбуры, в которых считался мастак,
за снижение цен —
 Ювеналовы стрелы (с колчаном!)
и бесплатно — от юмора: чёрную метку и флаг.
Разве розы мои рождены из паров керосина!
Разве выживу — злясь,
 выражением общим безлик!..
Жало *злыя* змеи возвращаю теперь Серафиму
за непламенный взгляд
 и за свой, хоть и косный язык.

ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ*

В мир проведён по кастингу,
душ золотою ковкою,
я — Воловик лекарственный,
я — снеговик с морковкою.
Что же, что небо пасмурно,
словно бы бесом создано!
Я исцелю от насморка
и от любви без отзыва.
Я успокою боли и
все рецидивы — побоку!
Прочь! — чернота меланхолии,
ревмодонтоза колики!
Цапнет це-це ли цепкая,
кляцнет тоска ль клыкастая —
хватит махать рецептами!
Я Воловик — лекарственный.

* Воловик лекарственный (*Anchusa officinalis*) обладает противовоспалительным, антибактериальным, ранозаживляющим, мягчительным, отхаркивающим, жаропонижающим, потогонным, мочегонным и антигормональным действием. — см.: http://www.klumba.info/flowers/anchusa_officinalis.htm

МОСТОВЫЕ

Мостовые.

Идут мостовыми
постовые — к постам,
часовые — к часам,
на такси — вестовые
с вестями свистят
(шоферам — чаевые...)

Я иду мостовой.

На мосту
на ступенях — снежинки,
не перилах — снежинки,
и бросаются вниз головой
на стеклянную реку,
и не слышно ни крику, ни плеску —
тишина и покой.
Будто время хоронит мечту.

На мосту
между парами фар
к вертикали
пройду
парапета...
— Что вы!
Песня моя не допета!..

Улыбнётся фонарь
и качнёт головою под ветром.
В мягкой шляпе из фетра
прохожий пройдёт на бульвар.

Проплывут,
как надежды, под мост
удивлённые льдышки.
Это оттепель:
скоро мороз
снова в звонкие
хлопнет ладошки.
И запляшут снежинки в окне.
Утром женщины возле молочной
ослепительно белой подошвой
прошагают по ним в полусне.

1965

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ

Едут мысли, поцелуи,
наставления и боли
едут юноши, пируя
под парами алкоголя.
Едут барышни с глазами,
нарисованными ярко.
Едут маленькие с мамой
и мечтами о подарке.
Едут зависть, удивленье,
доказательство и имидж.
Едут локти и колени,
едут отчество и имя.
Едет бомж, мочою пахнет,
и больной, шарфом замотан.
Еду я с тяжёлой папкой,
авторучкой и блокнотом.

2000

СЛУЧАЙ

Дует весенний безлиственный ветер.
Гонит весеннюю жгучую пыль.
Гонит «жигуль» в некрасивый кювет.
И — кувыркается автомобиль.

От головы у водителя враз
кепки летит пёстрокрылый мотыль.
Лик его тут же меняет окрас:
розовый — сер стал и красен чуть-чуть.

Дядя водитель! Постой! Я сейчас!..
Нет... Он навеки отправился в путь.
Он улетаёт в бездонный эфир.
И — не догнать его, и — не вернуть.

Ветром он сдут. А вот в лучший ли мир?
Точно ли вечен там — демисезон?
И исчерпал ли он скучный лимит
В городе пыльном, в доме седом?

КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ

Композиторы живут — в мире закорючек.
Лапки кверху — ножки вниз, *tra-la-la-la-laj!*
Их скрипичные ключи до чего скрипучи —
прямо хочется на них запереть рояль.

А кругом идёт борьба в мире капитала.
И — где капитала нет — тоже всё борьба.
Каждый каждого тузит, лупит чем попало.
Всякий гнёт свою спираль, *pa-ba-ga-ba-ba!*

Победители живут в мире авторучек:
то автограф подпиши (прописью, в рублях),
то в блокнотик адресок (так, на всякий случай).
Или — к бомбе приравняй: кинул, и — *ba-bah!*

Композиторы живут в мире нахлобучек:
победителям не та музычка нужна.
Ой, лабайте вы не рок, а кантату лучше,
или будет вам *bo-bo, na-ni-na-ni-na...*

Победитель — всегда похититель,
он с победы имеет трофей.
Им обобран правитель и житель.

Ключ от города, девственность фей —
всё его теперь, даже *de jure*,
ибо он неподсуден теперь.

Ибо этой великой фигуре
небожители ныне родня.
Перст творения — он. И натуре

просто незачем делать меня.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ

Внешне с виду я как-будто спокойный,
нет в помине ни апломба, ни гонора.
А душа моя — фантом преисподний,
прямо и точности Медуза Горгоновна.
Я чего-то вычисляю про атом,
я рифмую, развлекаюсь верлибрами.
А она — всё кроет внутренним матом
без зазрения чего бы то ни было...
Вот когда мы с ней расстанемся в бозе,
я отправлю своё мясо бессмертное:
пусть маленько пошукает в обозе,
где пылятся запасные да сменные.
Может, выудит какую поплоше,
там, б/у от душегуба партийного,
или, может, от Тоттоши с Кокошей
с сохранением их лика портретного.
У злодея-то: на морде — злодейство,
а в уме, поди, цветочки пахучие...
Вот сольюсь с его душою совместно —
буду жить цельный век в благополучии.
Ничего-то мне не надо иного.
Кыш протоны да нейтроны с верлибрами!..
Но не скажет никакой Йегова,
то ли самое нам даст, что мы выбрали.
Может, это ещё всё под вопросом —
в отношении замены на лучшее...
Но с каким же мы останемся *носом*,
если туловища мрут вместе с душами!

ЕДА

Ротонда пышная! Изысканный *Максим!*
Не зная ваших недр, не воспитаешь вкуса.
О соус *бурдоннэ*, *жюльен* с полусухим
Шато де Вилль!.. О негр, похожий на Иисуса,
макающий, смеясь, в полупрозрачный гель
в хрустящем золоте витую *тарталетку*...
о волны декольте, щемящая *Шанель*,
о — в горном хрустале цветов мохнатых ветка...

Виденье из других краёв, времён и цен:
безудержный цыган отплясывает в *Яре*,
и потных чаевых положенный процент
сам заползёт в карман, коль *половой* в ударе.
Зубастость осетра не вяжется со злом
(как гений)... О, играй, свет, с хрусталами в прятки.
О алая икра! Божественный залом...
О чуткий расстегай на розовой подкладке...

Или — пельменная... О уксусный настой!
О «*Жигулёвское*» с наклейкой по лекалу...
(Воспоминаний мёд, горчащий и густой..
Ещё чуть-чуть и в нём тарелка бы летала...)
Или — *люля-кебаб*: ну что пред ним *хот-дог!*
Козьявка в пухлом, символчик Америк...
Я в сквере дожую с капустой пирожок.
И брюки подтяну. И молнию проверю.

КАК — ПРАВИЛЬНО?

Мальчик Жан позвонил на французское радио (папа Жана — клошар: он у нас бы был бómжем) и сказал: «Извините меня, бога ради, но — я не знаю, где ставить *аксан* в слове бóнжур...»

Компетентная тётя гарсону ответила, что вопрос непростой, отражает заботу о родном языке и что завтра же к вечеру пневмопочтой получит он оттиск работы по лингвистике, то есть по языкознанию, из которой поймёт сын клошара (в натуре), что пора — при таком как у них состоянии — позабыть и о бóнжуре, и о бонжуре.

Мальчик Жан посопел в микрофонные дырочки — жаль его! Сочиняю и вместе реву я — он мобильником крякнул — гаишники йначе оштрафуют — и тихо шепнул: «Оревуёр»...

ЭТЮД

Она издавала панический крик,
который был слышен издалека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скромных мужчин,
я даже сказал бы — трэфных хряков,
и дюжину кофеев «капучин»
без закуси на-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые — город — газон — кровать,
она говорила одно: пустяк
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол — ни о ком...
Пойми теперь, кто — бормотал, вопил,
и кто — выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая былё —
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-ведения её.

МЕММАКЕР

В составе нового «OFFICE», а я делаю MEM-MAKER. Два провода к вискам (через USB-порт). На экране моя память. Т.е. то, что я помню. Как бы. Её можно прокручивать на экране последовательно или фрагментами в произвольном порядке. В некоторых местах сплошной серый фон. Там всё забыто. По краям этих участков можно пройтись меньшим шагом (т.е. с бóльшей разрешимостью), и там могут проявиться слабо вспоминаемые мною обрывки, по которым Memmaker экстраполирует «близлежащие» события, они могут найти отзвук в моей памяти и сделают доступными ещё сколько-то ячеек, содержимое которых также отобразится на экране. Можно включить такую опцию (*Make*) в меню *Edit*, что если Memmaker ошибётся, т.е. экстраполяция не будет соответствовать истине, то в моей памяти эти ячейки останутся открытыми и события, произведённые программой станут моими неотъемлемыми воспоминаниями.

Но ведь это значит, что там, где всё совсем серо и экстраполировать нечего, я могу создать новые воспоминания, которые также присвою посредством опции *Make*. (Не забыть отключить и стереть память о применении этой опции!)

Более того. Я могу удалить из собственной памяти неприятные воспоминания, стыдные, может

быть, позорные для меня и вместо них создать новые, например, о путешествиях по на самом деле невиданным мною местам, о спасении мною девочки на пожаре, об участии в иных героических событиях и т.д.

Я так смогу отредактировать свою память, что просматривать её на дисплее *Metmaker*'а окажется ежедневным ни с чем не сравнимым удовольствием. Я как бы смогу вновь переживать всю свою долгую жизнь (не подозревая, что часть её выдумана мною же), и пропадёт навсегда жгучее чувство сродни клаустрофобии, которое живёт у меня в низу живота и выдаёт совершенно настоящие болезненные спазмы, когда голова моя плывёт, и я чувствую, что схожу с ума, что я сейчас начну, безумствуя, биться о невидимые стенки так называемого настоящего, из которого — я знаю! — невозможно вырваться в милое прошлое, даже во вчерашний день, когда мы с Симой и её дачной подружкой, поставив за забором, окружающим дачные участки, Симину игрушечную палатку, собирали землянику в маленькие эмалированные кружечки. А потом загредел гром, мы увидели приближающуюся тучу, быстро собрались и побежали домой... А грозы так и не было. Она разразилась только ночью, уже под утро... Даже туда мне уже нет пути! Но теперь, с *Metmaker*'ом, всё это доступно мне снова и снова.

И снова я молодой, и со мною собака любимая Долли и кошка любимая Мурка. И Рина ещё мо-

лодая и мясоедыщая... И бабушка, дедушка живы. И мама бежит, не хромая, со мною по Крымскому мосту глядеть, как колонны молодых иностранцев по набережной мчат в Лужники на открытие Фестиваля, крича и махая: «Мир, дружба, водка!..»

Любви и влюблённости тоже... Вот, где уж я всласть порезвлюсь, редактируя прошлое!..

Ведь то, что было со мной, находится только в ячейках загадочных памяти, то есть в каком-то брожении частиц, биотоков, дерьма, протоплазмы и химии. И значит, возможно создать такое всего сочетание этого вместе, которое, может быть, всю переменит картину.

*Для этого, собственно, мною
и создан удобный Mettaker!*

ИГРА С ВРЕМЕНАМИ ГОДА

ФЕВРАЛЬ

Февраль отрыгнулся бензином
в солёную липкую квась,
и в воздухе сером и зимнем
усердно заря занялась.
Заняться-то ей бы хотелось
цветущим и солнечным, но —
её ночегонная Эос
направила тропкой иной.
Повеяло вдруг перегаром,
кислятиной, хлоркой, лапшой.
И телом усталым и старым,
и старческой тусклой душой.
Сменить бы испорченный воздух,
презрев, что дурак и старик.
Забуть о чернилах венозных
и в эту... в пролётку бы — прыг!..

КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ

Мокрое ухо снега сосёт деревня.
Древне плятятся окна.
Хочется кокнуть стёкла,
чтоб убедиться, что они — не бычий пузырь.
Бессловесна снежная ширь.
В отдалении лес.
А у леса медведь на уме.
Здесь сидишь, точно в тюрьме,
словно в белой тюрьме,
где решётки — вёрсты до города.
А устроить побег
через снег —
хлопотно, дорого.
Буду сидеть, как сурок —
отбывать свой срок.
Зато — через пару недель —
брошу этот мёртвый «отель»,
где живу сейчас постояльцем.
Зелёный огонь поманю я пальцем
и вкусно глотну знакомый запах бензина.

И вот уже в ночь вонзила
автомашина
резкий, как стон
(или лучше: как крик)
острый
 жёлтый
 двойной
 язык —
 фар.
 Скорость.
Час.
Стоп: тротуар.
Лампа дневного света.
Должен быть где-то...
Ах, вот и он —
неон!..

1967

СНЫ КРЫШ

Чёрно-белые крыши, любовницы февраля,
что вам снится, запутанным

в снежном пуху покрывала?

Может быть, вы поехали, тихо вертясь и шалая,
розовея ладошками, льдышек узор созная.

Осторожнее, кровли! Вас кружит февраль,

точно вальс,

вас щекочут рыжея, ручки на ржавеющих рёбрах.

Как посланцы весны, как её развесёлый аванс,

капли прыгают вниз, вроде мальчиков

малых и мокрых...

Я зелёной сосулькой сверкаю с карнизов и крыш
и, срываясь, в сугробы звеню головой,

как капелью.

Здравствуй, солнце! Твой лик в небесах —

ослепительно рыж.

Поглядишь на тебя — аж глаза

превращаются в бельма...

МАРТ

И март, когда снег, как и сказано,
марок и зёрен,
и детское солнце —
не то, что зимой
умудрённо
вполглаза глазело
сквозь чёрную рваную воду,
сквозь варежку тучи
в солёную кашу асфальта —
а юное,
то, что хохочет по мрамору неба,
что мячиком скачет
свободным, пустым, разноцветным
и смотрит вполглаза
на углые наши безумства.
И всё это — март:
неразменные дохлые будни,
и кошкины страсти,
и солнца футбол оголтелый...

РЕЧКА СХОДНЯ

Извивы стиха непредсказуемей тика.

Там буква мелькнёт, там — слог, а вот это — что там?..

Петлисты: река и уши преступного типа.

Он пентиум, типа, заносит над нашим счётом,
не гамбургским, правда. А по реке — барашки,
вроде, агнцы, а в перспективе — жаркое...

Электропоезд мчит через мост к «Трикотажке».

Солнце сменяет дождь... Непостоянство какое!

Сходня бурлит, завивает круги и петли.

Тут был когда-то лес и, должно быть, леший.

За наяд не скажу, не знаю, были ли, нет ли...

(Вот у меня таки б́ыли — вихры, враждебные плеши!)

Я уж не с кровью рифмую любовь,

а всего лишь с болью.

Прячется кобальт неба в столовой гжели...

То, что когда-то звонко звалось любовью,
тихо влетает в синее, без движений...

Чаю ли выпить? Выплыть ли — на дорогу...

Вторит изгиб изгибу, как сказка — факту.

Ночь в стихах рефлектирует понемногу.

Звезда звезде посылает месседж но факсу...

Синее станет серым. Слетают листья...

Осень. Штампы аллюзий впишите сами.

Я уползаю в тёплое закулисье.

В собственную тарелку. В родные сани.

МИХАЛНА И ОСИПЫЧ

И говорит Михална Осипычу

(они на лавочке сидят над прудом):

— Эх, нам бы, Осипыч, с тобой кирпичу
какой бы мы с тобой отгрохали дом!..

— Ты что, Михална, заболела? Окстись!

Тебе трёхкомнатная разве мала!

Ты только вспомни, у Петровны надысь
фазенда полностью сгорела, дотла.

— Ты мне Петровну непутёву не тычь.

Она же, дура, не промазала брус.

Тем боле, я ж тебе талдычу: кир-пич!

Огнеупорный!.. Нет, ты слышала, Дусь?

(Тут Евдокия шкандыбает с мешком):

— Слыхать-то слышу, только в толк не возьму.

Огнеупорный чтой-то мне не знаком.

— А ты куда? — Морковь на рынок везу.

— Почём морковка-то?.. Гляди, одна шваль.
— С ботвой дороже, за кило четвертак.
— А если оптом — это Осипыч встрял.
— А если оптом, то бери хошь за так.

— Михална, слышь, дают ботву задарма!
— Ну, размечтался, держи ширше карман.
Трухую ейною набьёшь закрома
в ущерб высококалорийным кормам!..

— Нет, баба Дуся, тут выходит облом.
Твоей морковки дармовой не хочу.
Вот мы с Михалной бы отгрохали дом,
дак не купишь ни хера кирпичу...

АВГУСТ

Ah, mein lieber Augustin!..

Песня

Август, лунный мой лучик косой!
Ты ногами скользишь
сквозь поток метеорный.
Неизвестно, какой полосой
начинается жизнь,
но кончается — чёрной.
Милый Август, так что же, кончается — всё?!..
и проходит, как красное лето, *mein lieber*?..
С хрустом давит нас пёстрое колесо,
отменяя свободный, якобы, выбор.

* * *

Сегодня — такой день: 4 девятки.
«Малая проблема-2000».
Эти «проблемы» до того хватки —
в них углубишься — попробуй выскочи!
Но я не увязну, надеюсь, в цифрах
(всё-таки математик бывший!)
А исторгну свой ритмический выкрик
по поводу, который сейчас отыщем
и который всегда и живо трепещет,
например, время, работа и деньги,
а ведь это — жизнь, её образ; вещи...
Правда, опять в числовом исчисленье.

Эта жизнь подойдёт цеховым терапевтом
но нет, чтоб путёвку в профилакторий:
её шприц пролетит цирковым пируэтом
по непредсказуемой траектории,
А жизнь проскрежет пилкой циркулярной:
сквозь нолик игольный протащатся числа,
недели и годы — как полк регулярный,
и — финиш, безжалостный, как зачистка,
не то чтобы грянет, а просто рухнет,
как с неожиданно мокрым стуком
с потолка залитой соседями кухни —
заплесневелая штукатурка...

9.9.99

Нас залило дождём. Но разве это повод
пролить из бочки рифм хотя бы полведра.
Нет, лучше подождём. По крыше стихнет топот,
и туча, струи сбрив, на юг пройдёт, бодря.
Пусть лопнут пузыри на полотняных лужах.
Пусть радуга загнёт семь пальцев расписных.
Пусть зарево зари нам головы закружит,
и лёгкий солнца гнёт на лист оттиснет стих.

25 СЕНТЯБРЯ*Наталье Сафроновой*

Сегодня явлен результат рождественских
пост-постных оргий (всяк в которых пьян),
как пишет в книжке про солдата Джексона
писатель романтический Сароян.
Там речь о совпаденье дней рождения
спустя десяток лун от торжества,
Причина — в каковом и есть, по мнению
всех, ну, по крайней мере, большинства.
Когда чего-то долго не позволено,
а после вдруг разрешено оно,
то мы не знаем, радоваться что ли нам,
или скорбеть о том, что всё равно
проехало... Ах, скорбь не конструктивнее
восторга глупого... Всё, в общем, суета.
Кругом пейзаж, как вернисаж с картинами...
Так или иначе, а дата прожита.
Двадцать шестое — клонит солнце к ужину.
Метро озаглавлено строкой.
Чем завтра будем (будем ли?..) разбужены?
Каким восторгом? Скорбию какой?..

25.09.2001

* * *

Я выпил пива, весел и здоров.
Зарплата мне лежит на депоненте.
Всё к лучшему в прекрасном из миров,
хоть катится он в нуль по экспоненте.
Нефть сякнет. Молока нет у коров.
Лосось издох. Канцерогены в «Кенте»...
Лежит зарплата мне на депоненте!
Всё к лучшему в прекрасном из миров!
Мы стали достояньем комаров.
Как будто в наказание, суров
к нам климат стал, и ветер ветви вертит.
Лежит зарплата мне на депоненте —
иных дороже радужных даров.
Всё к лучшему в прекрасном из миров!

ГЕЛИОТРОП И КУПОРОС

БЫТИЁ И СОЗНАНИЕ

Ныряем в мироздание, как рыбка в водоём.
И в очередь Сознание встаёт за Бытиём.
Но морщит лоб Сомнение и портит цвет лица:
— А ну как, тем не менее, движение — с конца?
Материя — обмылочек духовных пирамид,
а Бытиё — в затылочек Сознанию сопит!

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог — край обетованный. Дьявол — визу.
Бог дал дорогу. Дьявол — автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог — снова глаз. А этот — телескоп.
Бог — сладкий сон. Чёрт — раннюю побудку.
Бог сделал ноги, дьявол — «мерседес».
Бог воду создал — враг похитил пламя.
Бог — крылья ангелам, а эскадрильи — бес.
Бог дал царя. А чёрт ему — Парламент.
Бог — виноград. А чёрт — аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый — матюгальник.
Бог — рай зачатья. Бес — презерватив.
Бог дал жену. Шайтан — гарем стоспальный.
Бог — звуки сфер. Нечистый — звон монет.
Бог — сто язы ков. Чёрт — со словарями.
Бог — Откровенье. Дьявол — Интернет.
Бог весь — Добро.

— А чёрт?

— судите сами.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Эразм! Агриппа! Франциск Ассизский!
Пожалуйста, научите меня азам.
Что важнее: лептонов летящих писки,
или списки любовные фамилий дам?
Счастье — это что же: звериный оргазм?
Или, может, счастье — вещи兹ьм мещанства?
И нельзя ли обоих их спарить разом,
как, к примеру, время с этим... с пространством?
Скажите, первичнее — *ТО* или — *СЁ*?
Или — что-то третье?..

Вот *père* Иннокентий Пятый
всё выступал: «Ребята! бросьте вы это всё!
Не берите в голову, ей-Богу! Выпьем, ребята!..»
Или всё-таки прав был бедный сэр Исаак,
не застанный с прислугою ни на пленэре, ни дома,
который понимал, что *это* — вредный пустяк,
а счастье выражается через коэффициенты бинома?..
Человек ведь смертен, подвержен заразам,
зарезан может быть — в любое мгновение!
Так чего же делать, достопочтенный маэстро Эразм
Ваше с коллегами какво будет высокоучёное мнение?

ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ

То в кодексе ветхом, то в юном завете,
то в моно-, то в многопартийном труде
ловцы человекoв расставили сети:
то эти — то эти, то эти — то те.
В скрижаль этой жизни я вписан навечно,
но с неба, конечно, хватать не готов
ни пентаконечных, ни гексаконечных,
ни тетраконечных (заплечных) крестов.
Плыву между ними беспечною рыбкой,
кошунствую грязно в бесплотной душе.
А внешне я — паинька с робкой улыбкой,
«пардон», — говорю, — «у-тю-тю», и вообще...
В скрижаль этой жизни я вписан навечно —
не в кучке-могучке, а сам по себе.
Прощайте, ловцы даровых человечков.
Завидую вашей посмертной судьбе.

ДЕСЯТЬ КРАТКИХ БИОГРАФИЙ

Девочка Маша катается с горки.
Мальчик Илюша копейку нашёл.
Лена скользит на банановой корке.
Митя песок переносит ковшом.
Вовочка дёргает Таню за косу.
Лёва игрушки хватает без спросу.
Катя танцует, Инесса поёт.
Зиночка с бабушкой в церковь идёт.

Маша у зеркала. С циркулем Дима.
Кате с трудом, но даётся в шпагат.
Инне сольфеджио необходимо.
Ищет Илья за сараями клад.
Леночка в лифчике прячет шпартгалку.
Вовка за Танькой летит в раздевалку.
Лёва милицией взят на учёт.
Зина на память молитвы поёт.

Вовка гимнаст (и, естественно, Танька).
Дима — конструктор фотонных ракет.
Инна — в «*Ля Скала*». Илья служит в банке.
Катя в «*Большой*» поступила (в балет).
Лена в «*Плейбое*» и «*Дамском журнале*».
Лев под охраной на лесоповале.
Маша — ведущая телепрограмм.
Зина — с утра собирается в Храм.

Вова с женой олимпийцы (по сальто).
Катя — звезда. *С чистой совестью* Лев.
Лучше Инессы нет в мире контральто.
с Машей — сравнить ли иных королев!
Замужем Лена за южным монархом.
Мальчик Илья стал крутым олигархом.
Димину грудь тяготят ордена.
Зиночка *кò-ленопрè-клоненà...*

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Имея левую руку с извилиною громадною,
я уважаю науку оккультную — хиромантию.
Она объясняет веско,
что жизнь мне дана не наскоро,
что много в ней счастья, блеска,
что бабами вся заласкана.
Мне хиханьки всё да хаханьки,
мне до ста — тосты да танцы...
Но кто это там, такой махонький?..
Клешнёй к извилинке тянется...

ОТРЫВОК

Есть упоение в бою
А.С. Пушкин

Есть упоенье в невезенье,
когда одно влечёт другое.
Охота тяпнуть чарку зелья —
не для веселья, а — напротив.
В окне напротив кто-то ходит,
роняет вещи с перепою,
уныло роется в комоды
и девичью теряет честь.

Но эту честь находит кто-то,
не эта Кто-то, а другая.
Она трезва и на работу
летит, скользя на повороте.
Её спасает незнакомый
и, трафик утренний ругая,
с неё снимает насекомых
и в свой фольксваген просит сесть.

Она, стесняясь, отдаётся
его внезапному порыву.
Ей ничего не остаётся,
как на мужчину положиться.
Он опытен: его повадки
солидны, но не заунывны.

От бицепсов на брюках складки.
Очки предполагают ум.

Они знакомятся поближе.
Она приехала из Риги.
Там было классно, как в Париже,
латышкой только бы родиться,
тогда в Измайлово бы это
ни за какие бы ковриги...
...Она у одного поэта
про времени читала шум...

Обое, кажется, культурны,
и в лёгком воздухе коньячном
витают дух литературы —
поэзии и, постмодерна.
На всё — от музыки до джинсов —
почти что глядя однозначно,
они знакомы как полжизни.
Он ей почти уже бойфренд.

Она Кибирова читает
почти что наизусть, попрыгав,
смешною чёлкою махая
от возбуждения, наверно.
Он слушает благоговейно...
Ему, пожалуй, ближе Пригов.
Он любит также Рубинштейна,
и ничего, что тот еврей.

они из кинопанорамы
выходят в ясный вечер мая,
сочувствуя роскошной даме
(Ким Бессинджер, и Бельмондо с ней),
с приязнью к главному герою,
друг дружку за руки хватая,
они, увлечены игрою,
в её Гольяново идут.

От их шагов немонотонных
сбегают с тонущих помоек
собаки, крысы и вороны,
но попугай, как бы подослан,
вдруг ухает, и башни страха
возводит разум-параноик:
там, впереди, маньяк опасный,
там хулиганы водку пьют...

ДЕЛЕНИЕ

Микроб сказал: делиться надо! —
своей микробихе законной, —
ведь дети — старости отрада
и оправдание судьбы.

Она ему: в деленье — сила.
Хоть нас и много миллионов,
но мы с тобой — одна бацилла,
и — кто же, ежели не мы!

Ах, сколько сил отнимут дети!.. —
бактерии переживали.
Они писали Спирохете
(а он микробам всем отец),
чтоб разрешить им умноженье,
и разрешенье им прислали —
посредством именно деленья
плодить потомство, наконец.

И вот, как повелось веками,
был миг деленья скор и сладок.
Они сошлись: вода и камень,
гелиотроп и купорос.
Семья жила и шевелилась,
но неожиданно в остаток
болезнетворный выпал вирус,
который вскорости подрос.

Он захватил уже полмира:
Москву, Антверпен и Шпицберген,
ему поют гармонь и лира,
и Солнце светит для него.
Не так ли мы, большие люди,
пытаясь Истину низвергнуть,
сидим на ней, как на верблюде,
не замечая ничего?..

ШТУЧКА

Куда-то штучка потерялась.
Ну, где же, штучка ты моя?
Нет штучки... О, какая жалость!
Как буду жить без штучки я!..
Ах, как со штучкой было мило,
спокойно, хорошо, тепло...
Лишь злая чёрная могила
теперь манит меня зело.
Огонь без штучки — дым да угли.
Почти не виден жизни смысл.
Мечты фонарики потухли.
Был сладок мир — теперь он кисл.
Сижу, глаза на угли щуря.
Лишь мысль одна ползёт, змея:
когда же штучку отыщу я?
О где же, штучка ты моя!

АЯ

Пужая пожарных негаданным светом,
поймёт даже тех, кого ввек не няло,
внезапная ведьма XX века,
АЯ или, лучше сказать, НЛО.
Косматая тварь из космических далей,
взамен помела пылесос оседлав,
старинных нечистых она поудалей:
блондинка, на майке лиловое *LOVE!*..
С ней дружат чекисты, ей льстят генералы,
она с профессурою накоротке.
Лимитчица — но не шагала по шпалам
и лома с кайлом не держала в руке.
Советская власть ей открыла границы,
открыла страницы, от масс не тая.
Что, если не Баба-Яга, а — Жар-птица —
волшебная яркая злая АЯ?!
Коварная ведьма, ну будь человеком,
сознайся, не ты ли — разумный дельфин?
Магнит в треугольнике инопланетном?
Таинственный врач в глубине Филиппин?

ЛУННОЕ*Лере Римской*

Сначала заходит вечернее солнце
туда, за дома.

Потом пробегают зелёные зайцы
в тугих проводах.

И вот из-за туч на востоке крадётся
в тугих проводах

Большая Луна и лучи посылает
туда, за дома.

Тогда раскрываются окна ночные
одно за другим,

и мы на карнизы выходим ночные,
один за другим,

и, взглядом зелёным стараясь проникнуть
туда, за дома,

легко, как зелёные зайцы мы мчимся
в тугих проводах.

Готовые смутные игры затеять
в тугих проводах,
мы зайцев зелёных пугаем и гоним
туда, за дома.
Большая Луна нам лучи посылает,
один за другим,
и мы в её сторону движемся ровно,
один за другим.

Но выскочит розовый заяц с востока
в тугих проводах,
Большая Луна поплывёт, угасая,
туда, за дома,
и мы отвернёмся от красного неба,
один за другим,
и медленно мы заскользим проводами
туда, за дома.

* * *

Тропинкой, похожей на прочие,
движенья напротив не против я
Но тут настаёт многоточие,
хлебало раскрыв многоротое.
Кривую срезает, уродуя,
и вот обращаюсь в валета я,
бесмыслицу многобородую
младым поколениям советуя.
Они наступают, орясины,
на пятки мои ахиллесовы.
Такая идёт катавасия,
хотя ещё всё-таки весело...

БИОРИТМЫ

Кто другой — так навряд бы и вынес,
пальцем ткни — он и то заорёт.
А во мне бултыхается синус,
мельтешит то назад, то вперёд.
Интеллект ослабел — ну, так что же!
Я ж за это изящен душой!
Огрубел? — Но, как синус, под кожей
круто пучится бицепс большой.
То прогнусь я в немыслимом *висе*,
то в науках проснусь корифей,
то, как птичка, я плаваю в выси,
то бряцаю струной, как Орфей...
Если ж промах, то в таком разе —
что́ Сион мне, Олимп да Парнас!
Ну, немножечко сдвинусь по фазе,
амплитудой проткну резонанс!..
Жизнь скользит, словно волос по бритве,
с каждым мигом всё меньше права.
И качают её биоритмы.
А качаться она здорова!

НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА

Казалось, всё — мура, а вот те на: телекинез!
Кто телепат, тому астральное открыто.
А нам талдычили всегда —
мол, гуманизм, прогресс...
А вот, что оказалось — без Главлита!
Внушаются отличникам пятёрки в дневники,
гнушаются уборщицы сортиром —
метла летит по воздуху с совком вперегонки,
и мысли мудро управляют миром.
Себя телепортируют с базара на балкон
домохозяйки, а из школы — внуки.
Бредут автоконвоем преступившие закон,
и Совесть им выкручивает руки.
Гипноз — почти ликбез,
когда знаком от сглаза код.
Спиритуальность укрепляет волю.
Разумно-добро-вечное само собой взойдёт,
когда медитативно биополе!

ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК

Графоману тексты любви, а особенно стихи.
Вурдалак почистил зубы, а особенно клыки.
Графоман достал тетрадку, изготовился писать.
Вурдалак ползёт украдкой и готовится кусать.
Графоман в тетрадь заносит вдохновенные стихи.
Вурдалак над ним заносит офигенные клыки.
Графоман в катарсис входит, издавая хриплый рык.
Вурдалак отраву вводит в кровь, вонзая острый клык.
Графоман теперь, укушен, тоже станет упырём.
Вурдалак его послушал и издох. И мы умрём.

ДЕМОНЫ

Я когда-то вычитал в Книге Иносказаний,
будто бы Демоны правят миром,
и каждый — гений.
Но — темно. Преподай, демонолог,
основы об этом знаний.
— Где же вы, Демоны! — вопию,
упав на колени.

Может, они внутри нас, или где-то вне
(как начальство?..)
— О Демон Света! Сиятельный демон Света!
Освети, проснись!
В просвещении поучаствуй!..
— Где пюпитры твои, Музыки Демон?.. —

Но нет ответа.
И Демон Света, хозяин квантов, корпускул,
из жалости что ль — чтоб без стонов —
добьёт баклуши...
И Демон Дома не чистит труб,
не квасит капусты,
но в боязни озноба
забился в стенку *по уши*...

Это ли Демоны — точки размером с атом!..
Или — которые осовели от сна и жира?!..
Нет! Но — пугают лицом беспардонно усатым
беспартийные Демоны Паспортного Режима.
Демоны Сумерек: «Ура!» и «Рады стараться!»
Демоны Дворники не метут: они — понятые.
А метут — Демоны-Монстры,
сборищ гроза, демонстраций,
и Демоны Школ, карающие за запятые.

Демон ближе к трамвайному хаму,
чем к робкой серне.
Сунь ему палец — зубы воткнёт
по самые дёсны!..
Истинный демон ведёт себя архискверно.
Но зато деяния его всегда судьбоносны.
Может, он ростом или там рожей не вышел...
— Кто им считает!
Их — вечность, покой несказанный...

А всё-таки — выше они меня, или я их выше?..
И права, виновата ль наивная
Книга Иносказаний?

ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ

— На что иголочка Кощею,
Для штопки шапок и вещей?
— Нет! К голове надёжней шею,
Кощей, иголочкой пришей!
В его иголочке таится
та искра, из которой вмиг
огонь огромный разгорится,
и в том огне сгорит старик...
И он, бессмертный лишь условно,
всегда бежит, всегда дрожит
и утверждает *уголовно*
возможность вечность пережить.
Иван-царевичей с десятков
голов натыкал на шесты.
Он помнит, как был резв десятый,
и позабыл войну с шестым.
Но вот одиннадцатый скачет
и грозной палицей трясёт.
Ах, это значит, это значит,
что роковой подходит счёт.
Остались два шеста пустые,
светила не замедлят ход,
и кровь змеиная застынет,
когда двенадцатый придёт.
Он всё свершит с великим толком —
по предсказанью и судьбе.
Но ту Кощееву иголку
не сломит, а — возьмёт себе!

ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ

Яйцо — начало и основа,
в нём жизнь и смерть для всех вещей.
Сломай иголку, и Кощей
умрёт, бессмертный лишь условно.
Как будто некий Вечный Жид —
за грех наказан вечной жизнью.
Но — отражён в яйце, как в линзе —
и смерти он не избежит.
Мы все немножечко кощеи,
что наша жизнь? — Одна мура.
Напрасно ищут топора
податливые наши шеи,
напрасно нам покой сулит
наган (и пули боевые)...
— Нет! Только *иглотерапия*
нас, как кощеев, исцелит.

Каков топ, таков и прихлоп
В.М. Герцик

Я жрец жратвы, питон питанья.
Переступил порог порока.
Я пекарь пекла, пир пираньи.
Кино кинолог. Рака рока.
Я чадо чада городского.
Я, может, инок да иначе.
Я меч: *могить* и мучить скован.
Я парка парка, дуче дачи.
Я кукарача в кукурузе
Кол колокола. Топ в прихлопе.
Шут парашюта, пузо музыки.
Пророк с прорехою на попе.
Я чукчи чучело чумное,
еврей Европы, финка финна.
Вины сугубое вино я
и донна Анна, что невинна.
Я барракуда баррикады
Я *прана* крана, честь числа я.
Я — истукан у эстакады,
башибузук Бахчисарая.
Я счётчик щёчек щекотливых,
попсовых попок попечитель.
Я послевкусье после сливы.
Душ торопливый потрошитель.

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вДали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уняв
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит медным взглядом* (для внушенья страха).
И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» — на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понуриясь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.
И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотоядно...
«НАД ОМУГОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни шурь —
на мне не отыскать порока пятна.
Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя
влечёт меня в объятья всё смелее.
О как бы в них хотел очнуться я,
когда бы не валилась на меня
Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...
О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаду в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент — и жизнь пройдёт, как сон.
Он выплюнет завязку от кальсон,
И вот: стихотворению — развязка!

* Если человек взглянул на другого человека медным взглядом, то уж рано или поздно он неминуемо убьёт его. — Д.И. Хармс, «Медный взгляд»

АЛЕКСАНДР

Александр сказал сурово
Света Литвак

Александр сказал **сурово**.
Александры *это* могут.
Их примерная жестокость
переходит все страницы.

Александр вистует клёво.
Александр мечтает много.
Александр покажет фокус
и на небо заглядится.

Александр берёт: вершину,
взятку, даму (на колени).
Александр торгует оптом
и снуёт по интернету.

Александр рожает сына.
Александр взымает пени.
Принимает: залпом стопку
и — за чистую монету.

Александр бежит погони.
Александр разносит вирус
(то компьютерный, то штатский:
то на диске, то — целуя).

Александр сидит на зоне,
умножает плюс на минус,
изрыгает *огнь* из пасти
и нацеливает пулю.

Александр — ужасный воин,
клоун, бард, поэт и график.
Александр — корононосец.
Он певец и пролетарий.

Александр несётся с воем
на слонах и на жирафах
Александр любит нонсенс
и снимается с гитарой.

Александр — огнепоклонник,
чемпион собачьей вязки.
Александр — любитель пива.
Александр — ценитель слова.

Александр — герой-любовник,
Рыцарь Ордена Подвязки.

— Дайте мне аперитива! —
Александр сказал сурово.

ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!

Взгляд обольстительной кретинки
светился, как ацетилен

А.А. Блок

Ищу сюжет, не глядя на реальность.
Что — жизнь? — Игры в мозаику расклад.
А прикуп многократно огорчал нас.
Не глядя, я швырну его назад.
Вот, например, с Петровки на Тверскую
идя... зачем?... Ну, скажем, за вином,
я встретил бабу страшную такую,
что позабыл, как разложить бином.
Она несла цыплёнка расчленёнку:
пакет прозрачный был красноречив.
В её мозгу уже кипел бульон, как
в моём — бурлит из букв речитатив.
Мы встретились, как трое те у Блока:
ацетилен, матрос и керосин,
но только, в соответствии с эпохой,
был я — (необольстительный) кретин.
Чеканя шаг и ПДД наруша,
она была, как видно, ценный кадр.
И ножки, именуемые «Буша»,
в пакете исполняли *danse macabre*.
У туалета платного кабины
она своей тряхнула стариной.
В испуге разлетелись воробьи на

другие крыши; кошки стороной
кабину обегали и, мяуча,
неслись, что называется, стремглав...
По небу грузно пронеслась туча.
Собор стоял недвижим, многоглав.
Я тоже встал, роняя в страхе зонтик
(но, падая, он в воздухе увяз).
Я вспомнил старый фильм...
— да-да, Висконти!.. —
которого не видел отродясь.
Но вот — мы разошлись, и посветлело.
Мне показалось: вновь я молодой.
К стиху рвалась душа и к телу тело,
и из толчка запахло резедой...
Мы разминулись, словно два трамвая.
Была та встреча — роковую? — Нет!
Я просто за вином шёл, вспоминая
биномиальный коэффициент.

С.Л. и Н.Б.

Сегодня Коля был без Светы.
Она ушла к кому-то в гости.
Их в эти гости приглашали
когда-то вместе, но увы —
однажды Коля два бокала,
разбил, нечаянно, конечно,
с ужасным грохотом и звоном
в тех самых, чопорных гостях.
Теперь те чопорные гости,
верней, хозяйева, наверно,
имея недочёт бокалов,
уж Колю в гости не зовут.
И вот, приходится сегодня
ему вести какой-то вечер
литературный, где стаканы
выбрасываются вообще...

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ

Дума

Известны стихотворцы да злодеи. Простой народ не бálуется славой. И непарадоксальные идеи растут в моей башке некучерявой. Вот, например, писатель Достоевский — прекрасно знал писательское дело. Его тут и сравнить, пожалуй, не с кем: он понимал, кому что наболело. И вот — висит доска мемориала на доме, где он бодрствовал и кушал, откуда в ночь он выходил, бывало, надвинув шляпу глубоко на уши... А вот шофёр, фамилии не помню. Водил такси, как бог — без нарушений. Ему найти среди шофёров ровню непросто тоже: он был, вроде, гений. Но где он жил, с кем знался, матерился, когда почил (а может, жив поныне?), качал права, женился, шёл на принцип?... И где Доска? — А нет доски в помине. Или вот я: седой, почти что лысый, пишу стишки, чего-то там считаю. О мраморной доске я и не мыслю, но что ж я зря на свете прозябаю! А может, надо, чем мусолить атом, рвать розы славы на другой работе? Устроиться, к примеру, Геростратом, чего-нибудь спалить или попортить... Да я не о себе, а так, к примеру... Ведь равню все профессии почётны. Но где-то есть отмеренная мера: одних равнять богам, других — животным. Герои же, чьё имя на заборе, о ком шумят, обожествляют коих — не сроду в мономаховом уборе: общественность — вот отоварил кто их. Мораль проста: доска — критерий внешний, по существу, неверный и случайный. А надо жить негромко и неспешно и — наслаждаясь ароматом чайным.

БУРБАКИ И ДРУГИЕ

Мне привиделся сон — скажем так: это проще всего: Поясню, что *по жизни* когда-то я был — «математик». Сон, что я, как статуя, и в руке интеграл, как весло, и являются мне корифеи различных тематик.

Приходил Рунге-Кутт, приносил наименьший квадрат: извлекал корешки из остатков. Пожалуй, неглупо. Был Лебег, но без меры скучал и пытался удрать... Галуа заявился. Не сам, а, как водится, с группой.

Сон мне снился под утро, скорее всего, на заре. Там носился Ферма с пресловутой своей теоремой... Были: Абель, Безу. И, ряды расставляя, Фурье заключал в уравнения мир, в чём давно натерел он.

В перекрестье осей ухмылялся трёхмерный Декарт, шевелил Лобачевский сведёнными в точку очами. Кто-то (кажется, Марков), колоду мусоливший карт, вычислял вероятность... И всех Бурбаки поучали.

Научиться б и мне математике! И поучать всех кругом, а они — уважали и слушались чтобы... А то выйдешь на форум — да хоть в Литсалон или в чат — не хотят замечать столь достойной и мудрой особы! ☹

Впрочем — если подумать — зачем послушание мне! Да живите, как знаете, только ко мне бы не лезли... Чтоб и я — как хочу... Но об этом я в будущем сне сообщу, как он только приснится. А правильной — если.

Не в Азию визу,
не ключик кастальский,
а то, что не надо —
купил телевизор,
а он оказался
исчадием ада.
Мне только и свету —
футбол в воскресенье,
мне ж по фигу книжки!
Казалось бы, нету
греха в микросхеме,
а наось поди ж ты!
Экрану подлюке
как есть всё едино —
что секс, что насилье:
кошмарные глюки,
разврата лавина...
— Чего же купил я!
Ну ладно бы друг па-
радоксов Капица —
про ямбы, про бомбы...
А там только трупы,
девицы-певицы
и прочие зомби.
Исчезни, виденье
чернухи блевотной,
назад мои баксы!
Сиё же мгновенье
на баб и на водку
меняю — и баста!

* * *

Я с одним старикашкой гутарил,
и поведал мне тот старина:
на четвёртой струне у гитары
есть заветная нота одна.
Как нажмёшь её пальчиком третьим
самой левой из скрюченных рук —
все диезы запляшут, как черти,
все бемоли закружатся вдруг.
Я нажал, и они закрутились.
Я ещё — заплясали они...
И вся жизнь моя катится в минус
из-за этой весёлой фигни.

ТИПО СЕТОВАНИЯ

ЛЮДИ и (их) **ДОБРО** в одном (скудельном) сосуде
болтаясь, перемешиваются больно.

Плечом об угол, ящиком в лоб,
ноги в грязной посуде.

При этом подслушивающие колокольню
сравнимы с подсматривающими порножурналы.

Кроме тех и других, лузгают семечки третьи.

А четвёртым всего этого мало,

и они соглашаются как минимум на бессмертье.

В этом, как сказано, безумном, безумном мире
все от удач, соответственно, обезумели.

Или же, можно сказать, от радости опьянели,
если считать в пересчёте на промили.

Им счастье скукоживается калачиком,
как ласковая кошечка с шёрсткой пышной.

Я никогда не считал себя неудачником.

А оказывается, вон оно как вышло.

НЕОЖИДАННЫЙ КРАХ

Наш ум трезв.
Мы всё видим.
Мы всеильны.
Нас очень много.
У нас верные прямые руки.
У нас длинные цепкие уши.
У нас ушлые ноги и скрытные ногти на них.
Наши возможности подстать нашим
притязаниям.
Строг взгляд наших стройных глаз.
Наши предприятия экстерриториальны.
Наши принципы адекватны.
Успех координирует нас.
Мы на всё готовы, чтобы
(падает замертво)

СНОВА ЖИЗНЬ

Вблизи вонючего бомжа безлюдная окрестность.
Вот так и смерть: лежи один и ожидай конца.
Кого склоняют в падежах, кто, увлечён невестой,
ей поверяет марки вин и проб внутри кольца.
Кто сочиняет мадригал, кто кисточкой навскидку
ваяет за шедевром, ше-

девральную муру,

кто жизнь последнюю отдал любимому напитку,
мол, так ли, как-нибудь ещё, а всё равно умру.

И очень мало кто — как я — осанну бы бомжу пел
и именительный падеж на палке поднимал.

Мне не свербит небытия жопоподобный жупел.

Я не воплю: «О юность,

где ж твой терпкий карнавал!..»

Он — продолжается! Лечу всё перистей и выше.

Мне всё едино: юрта, чум, яранга, дом, вигвам...

Вот, отпаясничав, как мим,

я в ближний космос вышел.

Вот рухнул разноцветный мир к моим нагим ногам.

А вот опять в моём метро, поодаль от бомжа, я

сцепляю в стих обрывки строк и, в поисках новизн,

то вызову восторг, то смех, меж буковок блуждая.

А вы всё говорили: смерть. А это снова — жизнь!

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил —
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.
Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал: «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПАУК И МУХА

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Ра вно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там — сор. Тот, из которого — стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.
А через полчаса — Парад Планет.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)
Но Марс её в заложницы позвал
и — заложил: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в экс-тазе) рвался и метался,
и в этот таз слезами пролилась
гроза начала мая.

— Кто дежурный?

Убрать! — раздался страшный голос вдруг, —

парад и *это вот* — не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда — вонь!..
— Кто это, — я спросил, — Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон —
о Вечности... И снова всё, как в школе:
глагола первый ощутив ожог,
рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...
Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

КЛАУЗУЛА

(фантастический диалог)

КЛАУЗУЛА (лат. *clausula* — заключение, концовка) — ритмическое окончание слова, начиная от ударной гласной и до его конца.

Любимый, кораблик, задраивать, поздно...

В.В. Онуфриев

«Рифма: от простого к сложному»

— Нам есть, чем гордиться: отчётный период закончен, и мы не попали впросак.

Поднимем же тост за единственный вывод: мы мчимся к победе на всех парусах!

— Любимый, кораблик задраивать поздно, каюты затоплены, в трюмах бурлит.

И только по палубе мечется воздух.

Он ранен, и где же лентяй Айболит!..

— Очнись, дорогая! Сегодня суббота.

До вторника выплывем, вот тебе зуб.

Технички и юнги давно за работой,

и дуют вручную в отверстия труб.

— Но новые волны топорщатся грозно,
и — как его? — шквал, или этот... Мальстрём...
Любимый, кораблик задраивать поздно!
Мы обречены! Мы сегодня умрём!..

— Ты что, дорогая, послушай, не бойся:
кругом тишина. Не аврал, а простой.
Мотор не гудит, экипаж сушит вёсла
и волны нестрашные, синус простой...

— Да нет же! Нас крутит, как в супе пельмени!
Да, это Мальстрём, я читала у По...
Так страшно, что хочется встать на колени...
Любимый, кораблик задраивать по
(Идут ко дну)

Я

Знай: это я!

Козьма Прутков

Я вовлечён в пространство бытия.
Я жизнь прошёл от края и до края.
Я переполнен собственными **Я**.
Я ль виноват, судьба ль моя така**Я**?..
Я погребён под грудями тряп**Я**.
Я зимы не люблю. Ах, мне бы ма**Я**!
Я ем еду. Мечтаю. Жду трамва**Я**.
Я пиво пью вместо муми**Я**.
Я стар теперь. А в детстве, партизан**Я**,
Я был фанатом Дедушки Маза**Я**.
Я весь погряз в гордыне, твёрдо зна**Я**:
Я был. Бываю. Есмь. Пребуду — **Я**!
Я поднимаю собственное зна**Я**!
Я только не уверен: я ли — **Я**?..

Покамест мы пытаемся
добыть чего получше —
побольше, позабористей,
покраще, пожирнее —
к нам качество является
с количеством под ручку,
не ссорятся, не борются,
но порят ахинею.

Покуда мы кумекаем
над текстом, над картинкой,
над схваткой, над копеечкой,
над сносом, над раскладом —
просвищет жизнь кометою,
безумная кретинка,
позвякивая мелочью,
минуя небо взглядом.

Когда же мы спохватимся,
возьмём себя за ручки,
возьмём пеналы-прописи,
за ум возьмёмся разум —
в начавшейся сумятице
вдруг солнце застыт тучки,
и всё кругом накроется
красивым медным тазом.

КОГОТЬ

Индейка держит коготь на курке:
царапнет — и её в расход, как мавра.
А у меня — бубновка на виске (как на висте)
и — на песке — прогноз на завтра.
Я думаю: «Не тронет чертежей
легионер, и не сгнию в оковах».
А между тем, истец его законов,
клинок тяжёлый, нитку рвёт уже.
Не как когда-то Парка-ротозейка,
на службе, а со спицами в руке —
индейка держит коготь на курке...
Да он увяз! Подать к столу злодейку!
И — специи на языке горят,
и повар, как авгур, покончит с птицей...
Я, правда, не сторонник *ауспиций*,
но закусить (и выпить!) был бы рад.
Индейка держит коготь на курке.
Жаль, без меня произойдёт застолье.
Но я взмахну крылами — налегке,
исправив горб отверстием игольным.

ПРО ПОПОВА И ЕГО СОБАКИНУ

Всё хотите про жизнь, мол, как она.
Вот вам быль из её глубин.
У Попова была Собакина.
Только он её не любил.
Попрекал её, делал пакости —
скатерть мятая, суп не тот...
И совсем уже распоясался,
когда *кто-то* съел антрекот.
Он и весил грамм 200 максимум,
но на принцип Попов пошёл.
Поступил с Собакиной так себе.
Прямо скажем, нехорошо...
Ну, а жизнь горит ярким факелом
и наяривает свой ритм.
— Эй, Попов, где твоя Собакина?
— Что я, сторож ей! — говорит.

8 МАРТА

Эта штука посильнее «Фауста» Гёте
И.В. Сталин

Добро и зло лежат в одной постели.
Возвышенное спит в обнимку с низким.
Основа всенародного веселья —
теракт ветхозаветной феминистки.
Восьмого, ещё вся полна секретом
и смесью двух потов мокра, наверно,
Юдифь свершила праздничный секвестр
головке забубённой Олоферна.
Да, в этот раз Любовь не победила
Смерть, что — противно выводам науки.
Тут, видно, высшая вмешалась сила,
и Фауст стал сильнее *этой штуки*.
Но Фауст — нуль, когда мимозы ветки
желтеют — кучно, празднично, сумбурно.
Что жирно подчеркнул товарищ Цеткин
в послании геноссе Люксембургу.

КРЕДО

Вот иду я в направленье цели,
подозрительно на встречных глядя.
Ну как кто-то, микрофон ощеря,
крикнет: «Изложи-ка кредо, дядя!
Ты же стар, ещё вождей Союза
поимённо помнишь и конкретно.
Отрастил — гляди, какое пузо...
В общем, предъяви, дедуля, кредо».
Что сказать, не перепутав тона?
Где сыскать приемлемое кредо?
Кредо — это ж там, у тех, которых...
Кредо — у премьера, у полпреда.
У главбуха или у поэта.
Может быть, у милиционера.
Кредо не разменная монета.
Кредо не исполнишь под фанеру.
Кабы у меня бы было кредо,
разве б я бы чикался тут с вами!
Я уже у цели был бы в среду
(может, и во вторник, но едва ли).
С кредом не рождаются солдаты.
Креду не научат в средней школе.
И не получить его по благу —
только сделать личною рукою.
Так что диктофон давай отключим
и ослабим у подтяжек лямки.
А про кредо — помозгуем лучше —
нужно ли оно простым людям-то!

ЧАСТИ РЕЧИ

Охотник. Чаща. Олени. Топот.
Погоня. Скорость. Копыта. Вой.
Собака. Ветка. Grimаса: злоба.
Винтовка. Тяжесть. Гашётка. Взвод!
Хлестнуло. Грохнуло. Остановился.
Шагнул. Свалился. Рухнул. Лежит.
Сломался. Умер? — Дёрнулся. Виснет.
Рыдает. Просит. Глазеет — жить!..
Лиловый. Громкий. Кровавый. Белый.
Бесцветный. Тихий. Огромный. Злой.
Невнятный. Трепетный. Мокрый. Целый.
Варёный. Вкусный. Полезный. Мой.

ПАЛОЧКИ МАЭСТРО

Пентаптих

1.

— Маэстро, скажите, пожалуйста, который час?

И маэстро, подняв свои палочки тоненькие, пропел опереточным тенором:

— Московское время пятнадцать часов сорок восемь минут и тридцать четыре секу-у-унды!

Для этого ему понадобилось секунд 14 с половиной, так что пропетое время было не совсем точным.

А ещё через 8 секунд рухнуло кирпичное здание, в течение приблизительно полутора веков стоявшее в полукилометре от места описываемых событий.

2.

Немецкие концессионеры строили бойни. Уже построен был целый городок унылых одно- и двухэтажных зданий, при одном взгляде на которые у ведомых коров подкашивались колени передних и задних ног. Заканчивалось строительство двухэтажной «бараньей бойни». Крыши ещё не было, и желающие могли видеть будущее здание как бы в плане. Стены его были непомерно толстыми, так что даже самый злобный баран не смог бы прободаться на улицу, и не было ему ни единого шанса на спасение. На некоторых кирпичах, да чего там

— на многих, почти на всех, были выбиты аккуратные заглавные буквы: М.А.О. «Московское Акционерное Общество», что ли?

Или это что-то по-немецки, и они и кирпичи из Германии своей попривозили...

3.

Летело 18 пожарных расчётов. Впереди всех на красном «уазике» мчался главный бренд-мажор, или как его там... Все машины беспорядочно дудели:

— Дú-у-ду-дú, ду-дú-ду-ду, ду-дú-ду, — пела одна на мотив «Катюши».

— Ду, ду-дú, ду-ду-дú, ду-ду-дú-ду-ду, — «Марш славянки» раздавался из другой.

Третья была так называемым тореадором и исполняла соответствующую арию.

А два пожарных водителя, видимо, совсем уже дошли до ручки (и до точки) и запустили сирену-Интернационал, подпевая разухабистыми полубасами:

— Давай, поедем за соломой! — // быки усталые ревут, — // у нас соломы нету дома, // зато навоза целый пуд...

И было много ещё других музыкальных моментов.

Викторова стояла у раскрытого окна и любовалась на ладных пожарных.

Пожара-то, впрочем, и не было.

4.

Всей улицей собирали деньги «погорельцам».

— Да не погорельцы они, у них просто дом рухнул!

— С чего бы это он рухнул? Ни у кого не рухнет, а у этих — вот... Небось сами и подтолкнули, а денежки-то заранее все выгребли. И телефоны свои всякие, телевизоры импортные, компьютеры, прости Господи...

— Да как его подтолкнёшь-то, у него стены вон какие были, полтора метра в диаметре, немцы строили...

— Какой диаметр, они что, круглые что ли были?

— Сама ты, бабка, круглая. Дура.

— От дуры слышу!..

Хорошо ещё, что в доме, как нарочно, никого не было. Только кошка одна пострадала. Да и ту после за помойкой нашли — живёхонькую.

5.

— Маэстро, расскажите, пожалуйста, каковы Ваши творческие планы?

И Маэстро, улыбаясь, поднял тоненькие палочки свои.

ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА

Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба, внук покойного гранда Угостиньо Сквернандо, в час ноль-ноль пополудни отбывает сегодня с палестинцами биться ради гроба Господня. И супруга Бессильо, ясноокая Пьянка, пьёт четвёртую склянку (видимо, валерьянку), ведь в Голанских высотах, в духоте inferнальной, долг отдаст дон Задрыгес — интернациональный! Что как злой сарацин уязвит его шпорой, или самаритянка соблазнит мандрагорой, иль забывшего спяну пресвятую идею в нечестивую веру обратят иудеи?..

Час отъезда подходит. Но с громадной бутылью Вдруг является рыцарь дон Свиньяго да-Вилья. Дон Свиньяго до гроба предан дону Бессильо. Вот они уже оба — вместе с этой бутылью. Погоди, дон Пьянка, пить свою валерьянку, дон Задрыгес, пожалуй, выйдет вон — спозаранку. Он, в конце концов, весел, он здоров и свободен! Ну ещё один вечер гроб потерпит Господень! Но, в разгар вакханальи не прошедшие мимо, входят в замок Бессильо два святых пилигрима. Они грозно взирают на напитки и яства. Взор потушил да-Вилья. Инфлуэнце всё ясно.

И сказал из них старший: «Значит, в землю Святую в час ноль-ноль ты не отбыл. Я тебя арестую. Ты ж не только подводишь сам себя и обитель, ты Спасителя, может, сим поступком обидел!..»
А другой пилигрим подытожил негромко:
«Стыд и срам дезертирам клерикального фронта! Марш на выход с вещами!» Тут супруга вмешалась и спасла дона Амбу, упирая на жалость.

Донна Пьянка сказала: «Дорогие коллеги! Не катите на дона Инфлуэнцу телеги, ибо дон Инфлуэнца и вот этот — Свиньяго — получили знаменье, чтоб не делать ни шагу. Уж и конь был осёдлан, и супруг, беспокоясь, самолично замкнули мне для верности пояс. Но завыли собаки, и из ясной лазури вдруг чего-то сверкнуло, и — грома громыгнули. Металлический флюгер прямо с крыши сорвался, и из воздуха ангел златокрылый соткался».
Тут вскричал дон да-Вилья, непотребно икая: — Это дух, а я думал — это бочка такая!..
Это дух, а не ангел, он как бочка огромный!..
Поднял голову Амба и заметил: «Не помню».
Донна Пьянка сказала: «Флюгер сломан и ладно. Ангел же оказался духом дона Сквернандо!..»
И воскликнул Свиньяго, в кофе соус накапав: «Мне покойник был должен восемнадцать дукатов. Значит, он теперь в духах, как и в жизни — повеса: Не отдал он мне, сука, ни единого песо».
Тут Задрыгес в Свиньягу запустил табуретом: «Мой прославленный пращур Вами зло оклеветан!

Я такого не помню, хоть стоял с Вами рядом!..»
Пилигримы смотрели подозрительным взглядом.
Рвёт Бессильо перчатку: туговато надета,
дон Свиньяго вскрывает кобуру арбалета,
громко молятся богу два святых пилигрима,
чтобы в ходе дуэли попадали все мимо.
Донна Пьянка в испуге молча руки ломает,
но берёт себя в руки и дрожа продолжает:
«Дух как стукнет об землю электрическим током,
так у нас три коровы до сих пор ходят боком!
И теперь дон Бессильо принимает лекарство,
чтоб не вылететь всеу в преисподнее царство...»

Дон Задрыгес не слышит — колет воздух рапирой,
арбалетные стрелы в креслах делают дыры.
Дон Свиньяго да-Вилья сто из ста где-то выбил,
и любезному другу он готовит погибель...
В это время и вправду небо застили тучи,
засверкало с востока, дунул ветер могучий,
Донна Пьянка как взвизгнет, что-то в сумочку спрятав:
«Боже! С неба упали восемнадцать дукатов!»
И действительно — деньги показала в ладони.
Тут, оружие бросив, призадумались доны.
Ужаснулись монахи, зазвенела молитва,
и бесславно закончилась неуместная битва.
А дукаты святые пилигримам достались:
ведь не зря же молились, не напрасно старались.
И монахи сказали: «Если так, то конечно.
Неспроста эти штуки, видно, кроется нечто...»

Им лекарства налили и поесть дали тоже,
ведь лекарство, оно же — профилактика всё же!
И поев, пилигримы двое суток молились,
и постом очищались, и потом удалились.
И ушёл дон Свиньяго, этот доблестный рыцарь,
не забыв с донной Пьянкой прегалантно проститься.
Пролетело три года удручающим мигом.
Гроб Господень как прежде — под языческим игом.
На замок заперт замок. Пилигримы забыты.
Донна Пьянка в запарке: то шитьё, то корыто...
Дон Бессильо Задрыгес Инфлуэнца-и-Амба
вечерами играет на *viola da gamba*,
принимает лекарство, пребывает в сомненье:
То ли было знаменьё? То ли будет знаменьё?..

ХОЛМС И ХАРМС

— Есть на свете много стран-с.

Столь же стольных городов-с.

— Ну, опять завел романс!..

Это ж просто парадокс!..

— То, что я пишу стихом-с,

так обучен я стихам-с.

Вот. И жил в столице Холмс.

А в другой столице — Хармс.

Оба трубочку курили.

Оба скрипочку любили.

Одного из них убили.

* * *

Что напрасно мечтать о Босфоре!
Лучше двинем эскадру в поход.
Переплыли из мрамора море,
и Босфор с Дарданеллами — вот!
И в пронзительных сполохах молний
некий Час, именуемый Че,
нам мечту о Босфоре исполнит
на гобое в скрипучем ключе.
А уж кто на эскадре притопал,
в Дарданеллах купаться горазд,
тот получит и Константинополь,
наш исконный и вечный Царьград.

ОПЯТЬ ВСЁ ЗАСТЫЛО?

Покоя нет.
А.А.Блок

Опять всё застыло? — Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.
Вот вышли из моды кривые ножи,
удобные для харакири.
Вот разумом быстрым играет Невтон,
вот дактиль сменился хореєм.
И мы изменились — не в этом, так в том:
лысеєм, болеєм, стареем...
От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелится — как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.
Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...
А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем —
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и — вот она! — смерть тепловая.
Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего — несмотря,
что ножики больше не в моде.

* * *

Когда идут к нам прямо в руки,
хоть это часто не с руки,
простые русские кунштюки,
а иногда и кунштюки —
они мешают нам работать,
под руки лезут и в глаза.
Пусть геморрой от них и копоть —
мне всё равно: я только ЗА!..
Вот мне один кунштюк намедни
попался, чистый, как кристалл.
Его я охладил в передней.
Он выл сперва, потом устал.
Он крикал, брякал и чесался.
Я с ним возился, как с дитём —
в интерактиве, в ритме вальса...
Казалось, вместе мы растём.
Казалось, ветхие заветы
уже скрипят от наших зол...
Как вдруг — он лопнул, и за это
меня в поэты произвёл.
И от такого произвола
присев, наклал я много штук —
одною левой, как Сцевола,
с футбольной яростью нацбола
во имя звёзд и комсомола,
как, лопнув, завещал кунштюк.

В ПЕРВЫЙ РАЗ — В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Цвёл в окошке серый цвет, сумерки с утра мокры,
туча, чёрная, как взрыв, села в провода.
Начинающий поэт рифмовал гекзаметры,
а гекзаметры без рифм пишутся всегда.
Начинающий шофёр под кирпич направился.
Юнга — будущий пират просигналил SOS.
Обучающийся вор прошептал: «Пожалуйста!..»
Начинающий юннат вляпался в навоз.
Начинающий гурман спутал с перцем каперсы.
Кашлял будущий алкаш, дёрнув из горла...
Тем-то он и дорог нам, этот день сентябрьский,
что впервые входим в класс — Первого числа!

ПОЕДИНОК

Мария Ильинична с Анной Петровной
пьют чай с чем попало и дышат неровно.
Пред ними мерцает экран голубой.

На нём разгорается бой.

Там Анны Петровны единственный Паша
с любимцем Марии Ильиничны Сашей
(красавцы, спортсмены и кровь с молоком!)

друг другу грозят кулаком.

Давно ли друзей одного от другого
развёл по углам тренирующий Вова!

И вот они встали врагами на ринг,

надеясь на хук или свинг.

Движения Саши изысканно грубы,
но Пашины губы поджаты сугубо.

Ух, Паша! Он ранний, хоть из молодых.

И вдруг — ударяет под дых!

Мария Ильинична шепчет бескровно:

— Твоё воспитание, Анна Петровна,

всегда, извини, оставляло желать...

Не стыдно тебе? Ведь я — мать!

Лишь Анна Петровна вздохнула притворно
и к блюдцу склонилась, поникшая скорбно,
очухался Саша, подпрыгнул, и вот —

успешно провёл апперкот.

Да! Так хорошо не лупил никогда он!

Противник повержен в глубокий нокдаун.

К нему моментально спешит рефери,

считает своё раз-два-три.

А Анна Петровна привязана к сыну,
и через антенну, как сквозь пуповину,
она ощутила ужасный удар
и речи утратила дар.

Грядёт поражение Пашино. Девять.
Но Паша, на лучшее всё же надеясь,
встаёт, и тот Вова трепещет в углу,
и гонг прерывает игру.

Вот так, с напряжением нами воспетым,
проходит турнир с переменным успехом.
Удары, свистки, восклицания, клинч
и гонга воинственный клич.

А в кухне два кадра забытой конторы
согласно гадают: который, который??
Считают, что лучше бы был волейбол
и кушают свой валидол.

А я бы сказал им: «Бабули, не надо!
Неважно, кому из них светит награда.
А важно, что чем бы ни кончился спор —
с победой останется — Спорт!»

МЕТАФОРА СМЫСЛА

Испачкав ладони тавотом
(вот подлый закон бытия!)
ищу, где же крантик? — А, вот он!
И мыло, и пемза. Ну, я
отмыл. Проясняются мысли,
и чешется, где-то внутри
рождаясь, метафора смысла...
Смотрю, на часах уже три.
Меня одолела икота.
Я съел, может, что-то не то...
Но что? — В этом весь и прикол-то!..
В сортире, в трамвае, в метро —
себя познаёшь постоянно
и чаще на слух, чем на глаз.
На полочке но-шпа стояла.
Изжога, как съел, унялась.

РАКУРСЫ

Есть ракурсы, где, мордой *не казист*, я всё ж смотрюсь.
И пусть не шибко *кряжистый*
и даже толст (местами),
не столь настырен, как хотё-
лось бы — так это ж плюс!..
Но уж и минусов не столь,
чтоб вы читать не стали.
Не Цицерон, не Демосфен,
не Пушкин, не де Голль,
я не устраиваю сцен,
не топочу ногами.
Пусть шевелюры на ветру
не шевелится *смоль*,
пускай в транскрипции навру
и не исполню гаммы —
всё это внешне. Не беда,
что в прозе я не Пруст,
и то, что прост, как мячик, й —
в поэзии не Бродский*.
Но я — надёжен, как скала.
Немного грузен? — Пусть!..
А скажете, что корифей** —
Я засмеюсь: «Да бросьте!»

* вариант: *неброский*

** вариант: *графоман*

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести — трёп.
И мне бы сказочку, и вам речь.
А не *покажется* роман — сжечь!
Какая скука — лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.
Волхвов наитье — прототип строф ...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет —
ни иероглифов, ни альф, бет.
Гермес. Слетает с язычка текст:
«ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».
Баян, на каторгу струны сев —
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун — в Стикс!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок —
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина — чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что — вдохновение! — В висках кровь...
И — тем не менее — каскад строф.

* Здесь: Днепр etc.

Шрифт включает Ё и знак вопроса,
circonflex'ы и *accent aigues*,
символы Ω -переноса
и значок, похожий на серьгу*.
Их, конечно, вытерпит бумага.
В сущности, по-честному, экран...
Впрочем, есть и принтер...

Вот ума бы!

Памяти хотя бы миллиграмм.
Ведь при этом, значит, переносе
(пресловутом) чистится регистр.
В общий нуль идут: партайгеноссе,
бомж, и академик, и министр.
Переменят плоть и вор, и ангел.
Рыцарь нов, но тот же щит его.
Внешний мир один инвариантен:
косное бессмертно вещество.
Жизнь — иное. Суета и смета.
И — экстаз... Короче, это — Я.
Литеры унылая гамета.
Знойная зигота бытия.
И из этих кубиков, как фраза,
vita nova — сладостно горька.
Фабула единственного раза.
Форма прозябания белка.

* @

С.М. Олиновой

Как сказать — тихо или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленый сырок рожу,
(и моя — гляди — вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом —
хоть в обмылках быта — её аналог.
За которым — когда он как звук подан —
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод *тыка*
всех надёжней, ибо — и в том хохма! —
жизнь сама утечёт, бурней рвоты.
Но — сама-сама, а всё ж *так* хоть бы,
а *инаге* очень уж неохота...
А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как — лучше?

...но зато — дуэт для скрипки и альтя!

Д. Самойлов

Трио для принтера, клавиатуры, экрана,
будучи начато, в общем, достаточно рано,
за полночь выдаст последние такты финала —
два-три листа распечатки, и это немало.
Два-три листа. Но с нуля таки тикает таймер.
Скрыта в программном продукте гармонии тайна.
Пусть эта тайна о частном, своём, не о сущем.
Два-три часа, и последний автобус упущен.
Паника дома. Квартира, как паникадило,
двор освещает и улицы даль, чтобы было
как бы светлее на скользких дорожках фортуны...
Но — для экрана! для принтера! клавиатуры!

Любитель зелёного и голубого,
любимец небесного, но и земного,
я знать не хочу, из кармана какого
я выну последнее слово,
горсть литер, дремавших дотоле в спецхране.
Для смеху оно, для любви или брани
возникнет в неведомый миг на экране —
я знать не желаю заранее.
Но мне интересно: когда это будет,
заметит ли небо, земля ли осудит,
остудит ли время, узнают ли люди
меня в этом чуде.

И юде.

В МЕТРО

Кто скачет, кто мчится, а кто — на метро,
и в недрах читальных вагона,
портфель упирая соседу в ребро,
листает Дюма и Дрюона.
Гремит кольцевая что твой циклотрон,
травмируя органы слуха,
и буква протоном пронзает вагон
с космической скоростью духа.
А мне — в непомерной гордыне моей —
и книжек читать неохота,
я сам себе автор: Щедрин и Мольер,
сам Дант и за Вальтера Скотта.
Я делаю сам и сюжет, и мотив,
и, как подобает Поэту,
я, лично священную жертву забив,
зову Аполлона к ответу.
Леплю в подземелье слова на слова,
осталось расставить акценты.
Закончу — и сразу мне всё — трын-трава:
ведь я не нуждаюсь в оценке!
Я сам высший суд! Из туннеля на свет
лечу как на крыльях — не хуже!
И ликуя, ответ мне поёт Мусарет,
а мне он — и на фиг не нужен!

* * *

Душа моя, я бессловесный твой.
Тебе я бедный родственник телесный.
Прости мне этот лепет, этот вой,
что в простоте я называю песней.
Прости, что не могу как на духу,
освободить тебя от оболочки
и только колупаю шелуху
на матерьял для самодельной строчки.
Душа моя! Пожалуйста, проснись!
Прости, что вдохновенья миновали,
и всё, что есть, всего лишь экзерсис,
игра высокопарными словами,
что в час, когда иные везунки
скакали к небесам на Сивках-Бурках,
не рвался с ними я вперегонки —
тебя лелеял в пухлых закоулках,
на вкус не ощущавшую потерь
и завистей не знающую скрытных...
Душа моя, давай, взлетим — теперь,
крылами ревматическими скрипнув.

Коли можешь не писать — не пиши.
якобы Л.Н. Толстой

Вот я пишу. А ведь мог бы совсем не писать.
Лев Николаевич были бы мной недовольны.
Лучше пахал бы, мозолисто сжав рукоять.
Лучше тянул бы баржу вдоль по матушке Волге.
Лучше вертел бы баранку да шашни крутил.
Строил бы хлев и дитёнку строгал бы баклушки.
Что ж тебя тянут потоки сгущённых чернил?
Рифмы какие-то. Ты не срамился бы лучше.
Лучше б возил по деревне бочонок дерьма.
Всё ж золотарь, не чета дураку графоману.
Лучше б паял да лудил. И не те времена,
чтоб за строку поднесли тебе хоть по стакану.
Лучше бы в вольном эфире шукал Би-би-си,
в век перестройки держал бы кармашек пошире.
А амфибрахий к каждому просятся в стих.
Пусть обождут: невпротык положение в мире.
Вот, как подумал бы Лев Николаич Толстой,
если б узнал, что пишу я, а мог не писать бы.
Непротивленец был граф. А огрел бы сохой —
не зажило б и до самой серебряной свадьбы.

МОЯ НЕПЫЛЬНАЯ РАБОТА

Мой спорт — Поэзия.

Четырёхстопным стартом

сперва размяться: станса три-четыре.

Потом еще стопу добавить справа

и переинсталлировать акцент.

С восторгом графомана-перестарка

сбить смысла чучело

остротою пробной в тире —

тире — лирическом и рифмою корявой

дать фору славным классикам со стен.

Поэзия, моя непыльная работа,

чернильная висюлька вдохновенья,

включай свой механизм слоноподачи,

слонопотамом вдумчивым реви.

Осуществляя таинство Свободы,

кусай себя, подобно сколопендре

и саламандре — хоть горя и плача —

для ради извлеченья «до-ре-ми».

Поэзия. Моё, как говорится, хобби

по интересам. Литобъединенье.

Кружок друзей. ДК. Кружок поэтов.

Литстудия в парткоме ЦДЛ.

Цех первой книги, и в его утробе

в порядке многомесячного бденья,

старателен, а более приветлив,

я потихоньку зрел. И вот — созрел!

ПРОРОК

Ко мне подходит как-то раз
один у светофора,
и ну руками тыкать в глаз,
мол, виждь... и всё такое.
За ухо дёрнул, идиот,
аж содрогнулось нёбо.
Впихнуть хотел чего-то в рот,
наверное, микроба.
Отрежу, говорит, язык,
гадючье вставлю жало
и уголь — в нутро...
Да это ж псих!
Мне психа не хватало...
Я громко крикнул: «Караул!
Садизм! За что боролись!!» —
следя, чтоб он углём не ткнул
в мою брюшную полость.
Ну, тут он сразу перестал
и сгинул за домами.
И вдруг — вдали затрепетал
стрекозьими крылами...
А я с тех пор строчу стишки.
Заняты непустое —
жечь воспалённые кишки
чернильной кислотой.

ПАМЯТНИК*Exegi monumentum...*

Когда, локтём круша цивилизацию,
я насмерть вжат в автобус, в самый пик,
то чувствую, что ближе стал к Горацию,
точней, к тому, чего он там воздвиг.
Что ж мне — за обелиски что ли прятаться!
Для пантеона я созрел почти.
Вот мой проект: вишу под 30°,
в руке пятак и в воздухе очки.
Вокруг, как подобает, предстоящие —
скопление сумок, туловищ и шей —
и выставка красивых, как по ящику,
отечественных в том числе вещей.
Глядел бы век — вздохнуть бы мне сподобиться
Гораций! Вам бы жить при НТР!..
Гораздо те мудрей, кто вне автобуса,
владельцы «Мерседесов», например.
Как жаль — меня когда-то не заметили,
а то и мне бы в «Жигуле» — лафа!
Ведь я ж не хуже их, и междометием,

даст бог, не зарастёт моя строфа!
Но мне бензином их не оскоромиться
Вишу — не отоваренный фирмой,
и истекает чей-то фарш сукровицей
на монумент нерукотворный мой
Пусть мудрецы вершат свои деяния,
мне не до них: и у меня — дела.
Да мне и изваянье — подаяние,
и уж подавно — не до барахла
Но есть такие вещи, друг Горацио,
какие — ты, конечно знаешь сам,
которые всё снятся нам и снятся нам,
всё снятся нам и снятся, мудрецам.

СВОБОДА ИЛИ ТАЛАНТ?

Предложил бы мне тролль-гигант
или, скажем, бог:

— Тебе что — Свободу, или талант?

Выбирай одно из двух.

Я бы сразу брякнул: Свободу!

И не задуматься бы мог.

А напрасно: зачем она уроду
бесталанному, если вид, звук,

если движение, мысль, теорема,
стихотворный или цирковой трюк —
всё было бы едино и недостижимо,
и не человек бы был, а — хряк.

Или кто-то другой, от персонажей Брэма
отличный только покроем брюк.

И была бы: Свобода нагула жира.

А разве свободен — дурак!

А если бы я чуть-чуть подумал,
сказал бы: Талант, ясно!

И не усомнился б: упаду, мол,
связанный стальной цепью.
И тонко всё понимал, чуял,
от несвободы бы страдал ежечасно
в окружении фантомов, чуел,
образов своих бесценных.

Обсценных словечек, впрочем, не надо.
Выход есть, как в метро говорят.
Свобода она и пробуждает таланты.
А талант — внутренних свобод ряд.
Так что встанем на баррикаду,
младую, как в Эрмитаже, грудь обнажа.
А таланты — в свете Свободы лампы —
сами посыплются искрами из-под ножа.

* * *

Мои стихи формальны, не душевны
не оттого, что я от вас скрываю
свои признанья и свои прозрения,
сомнения, вдохновения, размышления,
своей судьбы кудрявые загибы,
А потому, что — НЕТ их у меня!

Те, кто имеет подлинную душу,
такое бестелесное создание
(т.е. созданное нечто — не известно,
кем, для чего, зачем, когда и сколько...),
они-то этим обладают всем...

Они витают в разных *эмпиреях*,
они нектар с утра употребляют,
амброзией занюхивают чинно,
перо в персты, и — рифмы потекут...
А у меня подобные понятия —
когда я трезв — глухое раздраженье
лишь вызывают. Только кружка пива
внушит и мне лирический настрой,
текущему подобный. Но теченье
его не до Каспийского дотянет,
как Волгу — моря; седины Байкала
не замутит мой неглубокий стих,
и Логика великая (с заглавной
её пишу я буквы) не одобрит
высказываний этих неконкретных,
в которых смысла не было и нет.

ВОТ ЭТОТ ВОТ БЛОКНОТ*

Некий воловиковед,
диссертацию строча,
как-то нападёт на след —
ну, допустим, Ильича**.

И продаст ему Ильич
не объёмистый кирпич,
а блокнот вот этот вот
в пятнах разных нечистот.

Этот воловиковед
донесёт его, дрожа,
(и) сильно заблагоговев,
до 6-го этажа.

Там уверенной рукой
развернёт его, и — вдруг! —
текст увидит вот такой.

И проймёт его испуг:
не во сне, а наяву
(он) держит ценный автограф!
И в 4-ю главу,
и ещё во много глав

щас внесёт он ценный вклад
и цитату (не одну!).
А в его работе ВАК
обнаружит новизну.

* Подчёркнуты места, где читающий демонстрирует левой рукой слушателям то, о чём говорится в тексте, указывая на это пальцем правой руки. Указательным, естественно.

** Ну, есть у меня, например, внук, Василий Ильич.

От обеденных столов
в стороне прилавков книг.
Вот для книжников улов —
прижизненный Воловик!..

Купит книжник, тароват,
с толстой пачкою банкнот,
антикварный экспонат:
мой вот этот вот блокнот.

В эксклюзивном интервью
(он) скажет: «Я обрёл мечту.

А отдал я лишь свою
пачку пухленькую ту!..»

И, вербальный, словно титр,
— в небеса б ему тропа! —
тихий ангел пролетит,
выкаблучивая па...

Милый воловиковед!

Я не дед тебе, не сват.

И не позван на банкет,

но ору тебе: «*Vivat!*»

И хозяину банкнот

тоже я ору: «*Vivat!*»

За вот этот вот блокнот,

очень ценный экспонат!

ПРАЗДНИК ПРЯНИЧНЫХ БУКВ

Поступает обычным путём
даровой урожай,
залитованный автоцензурой
с дозволенным матом.
Гонораров июля дождётся ль
неласковый май?..
— Пионеры! Несите скорей
колосок в элеватор!
Пожирая батон, я кейфую
в кухонном тепле.
И ножу обречён
ароматный тираж урожая.
Я ж не знаю, почём
созидательный труд на земле,
чернозёмные хляби,
метафора теста живая.
Мне привычнее — текст.
Переставить и вынуть слова.
Заострённым акцентом
царапнуть контекст непечатый...
Солон дактиля кекс.
Кислы дольников трын и трава.
Праздник пряничных букв.
И на сладкое — кнут непечатный.

В ожиданье транспорта позволим
поиграть с собой в свободу воли.
Вот сижу я в Болдинском лесу.
и Жар-Птичек шариковых перья
я грызу, как Пушкин, и теперь я
пользу несомненно принесу.
Привнесу в родимую словесность
кое-что несвойственное ей.
Средь еврейских болдинских корней
(на арапа выбранная местность)
пятистопный отыщу хорей
да как стану им дундеть и гукать,
классиков занюханных аукать
лирой ненастроенной моей.
Старость, нерастраченную съюна,
мне на то оставила фортуна,
чтобы это...
(и тут подошёл трамвай)

НЕ КИРПИЧИ

Слагать не кирпичи, а лёгкие слова
в воздушные дворцы для вечного паренья.
Не ведая стыда, лепить стихотворенья,
как бог, из ничего — идея не нова.
Весёлые слова, задумчивые бденья...
Но антитезы ждёт сонетная канва,
мол, кинет жизнь поэт в источник вдохновенья,
и станут кирпичей весомее слова!
Сказал — и застит свет кирпичное виденье,
и истекает пот из водосточных труб.
Вот-вот развалится добротное строенье,
и Полигимнию навеки сгубит труд...
Нет! Нет! Не кирпичи, а лёгкие мгновенья,
а лёгкие слова — для вечного паренья!

В лирике поэзии ничуть не больше,
чем рисовки. А фальши — и больше, и чаще.
То есть, изобразить себя — собой же,
но — экзальтированным и вопящим...

Недоумеваю, наблюдая ваши игры.
Икру удивленья мечу окрест.
Мы ведь похожи: вонзаясь в нас, иглы,
исторгнут идентичные писк и треск.

Девушки! Мы же чувства схожие холим!
Мужчины! Разве розно мы видим дам!
И первый же блин одинаковым комом
по нашим прокатится сковородам...

Почему же вы такие другие?
Лирика, религия, там, НЛО,
пение хором, филателия,
футбол, физкультура, «добро», «зло»?..

Ведь истина-то не на этих тропках,
а — даёт максимальный кайф
составление из льдинок *разнокоротких* —
слов, как мальчик — помните? — Кай...

Вот и я: лебединую под фанеру
впаривая арию вам во рты,
сальютую зачарованным пионером
Снежной Королеве моей мечты.

Понять, кто талант, кто бездарный
что съест всех собак на Руси!
Поэзия так элитарна,
что прямо хоть стих выноси!
И вот его в жизнь выношу я,
в житьё, извиняюсь, бытьё,
простейшую речь ритмизуя,
вводя поэтизмы в неё.
Что жизнь — только пиво да воды,
квартира, карьера, фирма...
А жизнь со стихами — Свобода
(хотя, может быть, и тюрьма).
Я в тайную дудочку дую,
секреты метафор ищу,
как жалкий несун — в проходную
стихов сочлененья ташу.
Вот-вот зазвенит и забьётся
над строчками солнечный нимб,
и небо над ним развернётся,
и бездна завоюет под ним...
Но прозу и небо, и бездна
(особенно бездна!) — страшит!
И внутренний цензор (О бездарь!)
на страже комфорта стоит.

УЛЁТ МУЗЫ

Я в смятенье, в панике: улетела Муза.
Ах, *камена* старенькая, ты ж пропадёшь!
Хрен с ними, с сонетами, наелся их от пуза.
Надо догонять её, *хошь, не хошь!*..

Шапку на все пуговики, *на ноги перчатки*
(с классиков по буковке, глядишь — сюжет).
Ох, творить не хочется... В текстах опечатки...
Вылетела в форточку!.. Что за жест?..

Бабуленька, милая, не видали даму?
Ну, такая: крылья, венок, ридикуль...
Шлейфом пыль сметает вместе со следами...
И ещё летает, легка, как тюль...

Говорит бабуля: «Да что ты, дядя!
Я тут караулю день-деньской.
Антересно дело сидеть, на вас глядя,
но я не углядела дамы никакой».

...Рыщу по бульвару, Остоженке, Ленивке,
по заулкам малым (её пугает шум).
Зыркаю по окнам: может, по ошибке...
Помолчите, бабушка, я Музу ищу!

А она всё шепчет чего-то, шепчет.
Всё сжимает странный смешной ридикуль...
В венке облезлом... И шлейф поблекший
хлопает, как выстрел, о шаткий стул.

ЗАВИСТЬ

Становится ясно, что, кроме воды кипячёной
и рифмы, ничто — сотворённая мною строка.
И белая зависть, темнея, становится чёрной,
и грудь каменеет, и тянется к яду рука.

Но всё-таки зависть ещё не смертельна, пока
ответствует разум эмоции этой никчёмной.
И я не Сальери какой-нибудь недопечённый.
Я благоразумен, и мне не свалить дурака.

Мне — литеры вновь перемешивать вплоть до нуля,
забить кулаками как тесто распухшую зависть.
Амбиции в сторону! Ступу заправить, не зарясь,
водой, и толочь её — лишь развлечения для...

Но ступа взлетает, и я на борту её — заяц.
И чёрная зависть, как ведьма стоит у руля.

ПОЭТЫ

* * *

Голсуорси был Иван,
и Тургенев тоже Джон.
Хоть они из разных стран,
каждый был из них прожжён
в негасимом мастерстве
и в сюжетах мастаки,
хоть в Лондóне, хоть в Москве —
первой классики руки.
В продолженье лет и зим
мы за это помним их.
И читаем их, и чтим,
и даже посвящаем стих.

ПОЧИТАЛ СЕБЯ

Почитал себя. Пряновато.
Не ко времени суечусь.
Рассуждения вянут в ватах
мятых переживаний, чу-в-с-т-в.
И, пока ещё вижу света
лучик тоненький, волос, блик,
сам пришпорю себя советом.
— Ну-ка слушайте, Воловик!
Сочинительствуй поточнее.
Чушь никчёмную шугани.
Чтобы вяли или синели
уши и не только они.
Чтоб читатель (ну он же — я же!)
почитав (как в ЧК побыв) —
нечто чуждое, Бабые-Яжье,
оживил, пожевав, как жмых,
стих дамоклов в намоклых стропах
строк, порубленных в Леты ров...
И безглаво забьются строфы
слить багровую с литер кровь.
И, шкодлив, точно Макс и Мориц
(два в одном! Это что ж, мутант?!) —
бюст сваял бы, нерукотворец.
Да себе — не кому-то там.
А не то — не подравшись сроду,
что победы! — не быв и бит,
не на цоколь, а — сразу в прозу.
В невербальную прозу. В быт..

* * *

Памяти Д.И. Хармса

Он приходил домой, певец абсурда
постель из слов стелил он на полу
и камни многозначные лежали
ничком на перевёрнутой строфе.
А у него в окне светило блюдо,
и шкаф скрипел на рельсах голубых,
и пудель тёр хорошенькую морду
о розовый кирпичный абажур.
Курил он кошку, серую как трубку,
как воздух — из окошка выходил.
Но ночь над Невским серая стояла,
где был когда-то Пушкин. *И — убит.*

ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ...

Э.Т.А. Гофман, Э.Т.А. Гофман...
Вы рисуете в тетради
рюмку с крылышками. Это
значит — Вы навеселе...
Это значит: для забвенья,
вдохновенья, воспаренья,
ради звуков сладких пеня
был наполнен сей сосуд.
И таинственный Щелкунчик,
хохотунчик, кувыркунчик
изготовился зловещим
цыкнуть зубом трудовым.
И когда младая Юльхен
затворится с мужем в спальне
и игрушечный солдатик
честь условную отдаст,
из тетрадки вынет Гофман
псевдогреческую наблу*
(ключ от кода) — рюмка звякнет,
крылья в небо понесут.

* Набла (∇) — математический символ, «оператор Гамильтона»: [$\nabla = (\partial/\partial x, \partial/\partial y, \partial/\partial z)$]

ПАМЯТИ Г.В. САПГИРА

Поэт ушёл.

Сонеты на рубашках

печальными качают рукавами,
и камушки *разрушенного фриза*
мостят ему дорогу до креста.

Да, до креста...

В предпраздничном Париже
(который безусловно стóит мессы)
крещённый почему-то Николаем,
не избежит уж *Парадиза* он.

Улыбчивый ему протянет руку
посланец белокрылый и слащавый
и увлечёт на *горнии* вершины
для чтения, неслышного для нас.

Он тоже станет ангелом, конечно,
как посуху прошелестев по строфам,
взлетев от лианозовских помоек
в Москву, Париж и далее везде.

Там, вдалеке троллейбусного круга,
в иных *кругах*, для нас невероятных —
возникни вновь, рассыпанный Лошарик,
из капелек хрустальных — соберись!

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Памяти Виктора Гиленко

Снова потеря. Всё чаще и злей
этот зажившимся мстительный дар
времени. Гороскопический змей,
словно взбесившись, грызёт календарь.

Ты серебристым таким лепестком,
сном голубого подсолнуха плыл,
с грубостью мира почти не знаком
в переплетенье трепещущих крыл...

Утро, казалось, ещё не причём:
солнцу — сиять, а минутам — ползти.
Знал ли ты утром о том, что включён
день воскресения в счёт Девяти?..

Днём аритмически билась в груди
кровь, и кошмар набирал оборот.
Ах, кабы встреча ждала впереди
с тою, любимой, что вышла — вперёд!

...Был бы конец, как начало, хорош,
смерть бы под вечер казалась игрой
(прямо, как жизнь): тут чуток поживёшь,
глядь — воскресенье; мир, значит, иной...

Нет же!.. Всё кончено до темноты
с узкой, как лист, серебристой луной.
Все чудеса — голубые мечты.
Вот и подсолнух цветёт голубой.

30.07—10.08.2001

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО

Июнь дотошно соблюдал закон
дождя — чтоб ливнем лился, а не капал.
В июле груша штурмовать балкон
взялась, десант плодов отправив на пол.
По крутоярам, спускам и горам
свирепо, как Батый или Аттила,
за ливнем вслед решилось на таран
светило и щедрее засветило...
Но время шло. Того гляди — пурга.
Сентябрь уже прошелестел победу.
А лето — в ссылку: поливать юга
послал по злему, видимо, навету.
Октябрь... ноябрь... Открылся, как сезам,
сверкнув неосторожной белизною,
лихой январь. И вот: исчез вокзал
навек. И сердце дрогнуло, больное...
О Киев! Ты — не содрогнулся ль весь,
не дал ли воплю горестному волю,

когда тебя покинул твой певец,
взят навсегда морозною Москвою?!..
Но нет, ничуть не дрогнула земля,
не приуныли *нарные* хохлушки,
и не поникли в скорби тополя
и завязи осиротевшей груши.
Народ рысцой привычною бежит.
Двуцветный прапор реет без печали.
Как мало тех, кто помнит и скорбит,
осознаёт, кого мы потеряли.
Твои стихи листая наугад,
столь яркие, что можно ощущать их,
мы видим не простуженный Арбат,
а летним ливнем залитый Крещатик.

2004

Я вхож в один кружок
богемного, похоже, толка.
Где с серьёзными постмодернистами
и симпатичными концептуалист **Ками**
закусываю: то постным пловом,
то острым словом,
то салом французским
постмодернистские перформансы,
концептуальные инсталляции.
Водку. Стихи.
Весёлый мат интеллигентский.
Никотиновый дым.
Шум. Палиндромы. Предметы искусства.
И смотримся мы, как пришельцы с Марса.

Я видел в книжке постсоветской фото.
Фас, профиль и глаза.
Горящие от ужаса глаза
безумного замученного Хармса.

Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты —
они ж пишут стишки и куплеты!
Что же я-то! Скорее за стол.
Только крошки смету, и — пошёл!
Так. Про что? Что сегодня в газетах?
Тему вывернем так или этак.
Может быть, легковесна? — Пустяк!
Важно же — не «про что», важно — «как»!
Всё же лучше бы, чтоб лиричней —
путь-то жизненный очень приличный
(в смысле: длинный — километров пять).
Зря дневник не вёл... Ну, вспоминать!
Значит, так. Моё первое слово —
как была тяжела и сурова
с малых лет моя юная жисть
(распишу так, что только держись!)
Был я молод, прыщав, беззаботен
(озабочен, точней, но не очень)
и копил несозревший гормон,
сам себе, так сказать, гегемон.
Дальше. Школа труда и лишений,
где пророс мой лирический гений
сквозь забор из препон и преград,
и, созрев, получил аттестат.

ПОЭЗИЮ — САНГВИНИКАМ!

1.

Искусство вообще не про нас.
Оно — про холериков энергичных.
Оно трубит и скачет.
Оно — клоунирует!
творец его думает, что клонирует
новые орды холериков — из ничего.
Но вот я: простой простак, значит,
ему объявляю импичмент
И прямо сейчас —
voilà! — опрокину, низвергну его!

2.

Обидно мне, сангвинику,
досадно мне, флегматику:
истерикам — всю лирику,
а нам — лишь информатику!?!..
Пока вы ржёте арию,
сластями обедаясь,
мы, духа пролетарии,
уже соединяемся.
У нас своя романтика
поёт трубою медною.
Умеренные, встаньте-ка,
уверенные в медленном!
А вы, шальные, смелые,
холерами *галимые*,
повесьте вдохновение

как окорок, на крюк.
Тогда как мы, несмелые,
добра и зла не делая,
раскинем кисти вялые
нерасторопных рук...
И вдруг зелёным вечером,
а может, утром вычурным,
у нас возникнет радуга
на пальцах, или где,
и более лиричное,
глубоко флегматичное
искусство вас порадует
минуту или две...

3.

В окошке шумит Дубровка.
Воробушек пролетел.
Яичница в сковородке
чирикает на плите.
На улице пахнет летом
(какое лето — апрель!)
Поэт перед интернетом —
мылится в Коктебель.
Из облака дует что-то.
Все люди кругом равны.
Послушать их — нет заботы
насущнее, чем — блины!
Так нет же! Шурует жарко
стихов штормовой поток.
А вот меланхоликов — жалко:
за них-то заплачет — кто?

КУНШТЮК

Время вдохновенья. Начинаю пенью.
Завершилась осень по программе всей.
Еду в электричке, словно предок в бричке,
стукают колёса об своих осях.
Узкая колея (или же коленка)...
Правды нет и выше, как сказал Поэт.
Эй, салаги, глянь-ка, вот она, нетленка.
Её классик пишет, созидая свет.
Сотворенье мира — чья прерогатива?
Может, скажешь, бога? Да окстись, откель!..
Это я, заметьте, словно чиж на ветке,
попою немного и глядишь — О Кей!
Мир клубится, дышит, он не гладью вышит,
— Может, нарисован? — Бред! Галиматья.
Мною он задуман. У меня во лбу он.
Да и нет иного миру бытия!

ПОЛЁТ

Я сам себе чужд.

Может, там, куда мчусь, я вообще не я...

И жду, удручён скрежетаньем *счетов* и *актов*,
что вот получу *не-платёжное* поручение
(от кого — не знаю) — хотя б на десяток тактов.

И скоро и правда, летучее, как вдохновение,
нисходит (или вздымается?) нечто вроде...

И я начинаю летать, по обыкновению,
то есть своей отвечать, наконец, природе.

Невесомостью, отсутствием тела, лёгкостью
характерно известное всем состоянье лёта.

Высота в ушах пищит специфическим посвистом
(который, возможно, от комплекса рифмоплёта).

Далёкое смотрит близким (и таковым является).

Сущее стало вещим, и мыслям в черепе тесно.

Буквам, значит, просторно —

в классику бы не вляпаться! —

(всё это не относится к данному конкретному тексту).

При этом полёт может быть из окна или с лестницы,
но чаще всего совершается в подzemелье...

И становится мир всё приятнее и полезней всё,
и доступнее всё, как тому дураку Емеле...

Так и летаю, навроде орла или аиста,

неся соответственно — дичь или плод сокровенный.

Но свободный полёт внезапно, как всё, кончается
для иных, тоже не чуждых мне, отпращиваний.

ИГРА

(Прагматически)

Что значит «творчество»? — Оно игра.

Не надо морщиться, водить пора.

Не жалкой салкою, не в домино,

а — вроде сталкера (см. кино).

В ночи торжественной, как балдахин,

жужжат торгующие барахлом:

— Да это ж лежбище баллад и схим...

— Нет, это гульбище шарад и хохм...

— Ах, это поприще ума и чувств!..

— О, вакханалия слогов и ног!..

(Скептически)

Да это, знаете, — мура и чушь.

кому не налили, тот и не пьёт.

Цугцвангом шествуя из бара в холл,

упал вистующий: был мал да хил...

Там и торгующие барахлом,

где храм торжественный,

как балдахин.

(Романтически)

А в утлой хижине, ковчеге дум,
как неподсвеченный, бледнеет ГУМ,
летают чижики, свистит лапта,
и лунным светочем ночь залита.
В сиянье месяцев, в потёмках дней,
миры мерещатся миров чудней.
Они реальнее вещей и тел.
Не тьма анальная, а леса тень.
Не скрежет лифта и не шины всхлип,
не ворон, каркая, роняет сыр,
а — шорох лиственниц, рыданье лип,
дриада арфою струит эфир...
Эфир, как плазма, а душа — фужер,
да не преполнится *ея* объём!..
Наглядным пламенем из фибр, из жерл
да вспыхнет Творчество — Игра с Огнём!

СЛОВО ЗА СЛОВО

Качается кончик невидимой нити.
Чуть-чуть потяните, и я — понесу.
Не в сумке убоину, не на магните
сомнительной скрепки каркас навесу,
а — сущность судьбы, что не в блёклом валете,
но в свете Свободы (каков пируэт!)
Пирует со мной уж какое столетье,
нет, тысячелетье — свободен, как свет,
властям неподвластен, как лунное блюдо,
как ГИБДДшник, слегка вороват...
Над всеми, кто мчится туда и оттуда,
глумится трёх колеров триумвират.
На суд светофора подходит автобус.
Он очень немолод и, кстати, рогат.
В углу его розовом теплится образ
водителя. Метит в троллейбусы, гад,
идущие боком к зелёному змию,
воткнуть незатейливый свой палимпсест*.
Кондуктора Настю, а может быть, Лию
ладони его возмутительный жест —
крутящий баранку изогнутый палец —
смущает, и ёрзает тазом она
по кафельной ванне. И мыло, плескаясь,
иссякло... Но стирка возобновлена,
и строчки настрочена квота дневная,
и сыплются литеры с красной строки,
чей кончик незримый, искрясь и сигналия,
с тем, первоначальным, сплетёт узелки.

* Появление палимпсеста — признак систематического злоупотребления алкогольными напитками — *Википедия*

HARD & SOFT

Тетрадь — мой *HARD*. А лирика — мой *SOFT*.
Периферия вывода и ввода —
мой транспорт (колыбель моих стихов).
Vivat, трамвай! Метро — достойно оды.

По рёбрышкам ступенек сделав *па*
и чуть не загремев по ним при этом,
я *рассмеялся*, даже не упав,
и вот пою вам — внутренним фальцетом.

Я б вызвал интерес — как клон бабуль...
Литературоведов — понимаю.
Но наточил мне славный каламбур
маэстро каламбурное Минаев.

С тяжёлой миной на лихом лице,
с тяжёлой лирой мэтра Владислава
и не закончив Пушкинский лицей,
я — *тронулся*: за предпосмертной славой.

За шагом шаг, как будто годовал,
я продвигался в сторону финала.
То вправду прозревал, то блефовал...
А время — шло. Его осталось мало.

Но диалог себя с самим собой
стал скучен вдруг и реплики неловки...
В чём дело-то? В аппаратуре сбой?
Клопы проснулись в области рифмовки?..

А может, надо было сквозь «нельзя»
переть, как трактор, не топчась в передней...
Или — неверно выбрана стезя?
И надо было заниматься греблей?..

Я грёб и грёб бы, вспенивая муть
у кромки *П. Великого* ботфорта.
Глядишь, и взял бы приз какой-нибудь...
Но поздно, в прошлом всё... Какого чёрта!..

За то, что предал молодости стать,
гореть в одной из адских мне жаровен...
Что ж я молчу? Мне нечего сказать?
Нет, просто скромн я: немногословен.

И молча, не сказав ни ах, ни ох,
покаламбурю сам с собою на спор.
Тогда как *HARD* и (что обидней) *SOFT*
умчатся, клокоча, в далёкий Каспий.

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ

Мудрость плюс мастеровитость
это алгебра для всех.

Результат сложенья выдаст
оглушительный успех.

Надо жить не понарошку,
не мышом со склада дней —
поверяй свою гармошку,
пусть пиликает складней!

Чтобы жизнь предстала сказкой,
да прекрасной, а не злой —
не с прозаиками кафкай —
с поэтессой небосклонь!

Мир обыденности тусклый
повода порвёт и пасть.

То нажмёт на кнопку пуска,
то за денежками — шась!

Тот же, кто мудёр и мастер
(догадались? — Это я!) —
выше страсти, выше сласти,
секса, бакса, бытия.

Он, смеясь, по небу реет,
он касается травы.

Он и светит, он и греет,
он и радуется.

А вы?

* * *

Дм. Авалиани, А. Бубнову, Г. Лукомникову, С. Литвак —
мастерам стиха, палиндрома... вообще — мастерам

Палиндромы, анаграммы,
листовертны и т.д.
рыщут как бы за горами
и в неведомой воде.

Наклонись за отраженьем,
глянь — и вытянешь сюжет —
и из пальца, и из жмени,
без страдальцев и без жертв.

Без какого-либо катор-
жного рабского труда
с симметричного плаката
в рифму лезет ерунда.

Но за этой ерундою,
незаметные почти,
славу стройке и удою
запевают трубачи.

Они дуют, поддувают,
раздувают смысла свет,
но выводит их кривая
в те края, где смысла — нет.

И бесформенная заумь
кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами,
красным смехом хохотать.

Ни сюжета, ни морали,
из трезвона бубенцов —
чики-брики, трали-вали,
ёксель-моксель, цекон цов!..

Если вышуба рюбка
из пруда без труда,
давится, это рюбка,
а — е рюбка!

* * *

Жизнь коротка, а искусство — ого! —
дольше, пожалуй, и нет ничего.
Сколько рифмованных строк ни пиши —
скоро закончится картридж души.
Но и для всех ненаписанных строк
тоже настанет когда-нибудь срок.
Волею случая или ума —
картриджей этих — несметная тьма.

Так что работай себе, не спеша —
не оскудеет, пожалуй, душа.
А оскудеет — другая споёт
в общем и целом, не хуже её.

киТЫ И Я

Стихосложение стоит
на нескольких китах.
Кит первый — **рифма**. Я — джигит:
привстал на стременах.
Пустил фонтан, машу мечом,
галопа мой, как полёт.
И тут никто мне нипочём:
я — классный рифмоплёт.

Но вот я на другом ките.
Здесь рифма не при чём.
Тут нужен **образ**, т.е. «*имаж*»,
ответ вопросу «как?»

(Подобна девушка мечте,
катамарану — чёлн,
отделу виз — отдел продаж
и умнику — дурак.)

С китом **звучания** — игра,
достойная мужчин.
Он «бобоэбби» спел с утра,
а к ночи — «дыр бул щыл».
(Не золотая ль, как игла —
о, как она могла! —
мгла углеглазая легла
на гладь из-за угла?..)

Четвёртый кит трудней других,
крутой, как силлогизм.
С него скатиться можно вмиг,
к тому же, в самый низ.
Тут, если Ленский, то — дуэль,
Пьеро — коль Арлекин.
И — если **смысл** не надоел —
он вот, куда ни кинь.

Киты смеются и скорбят
(я так бы мог и сам!)
И я скачу, как акробат,
теку по их усам.
Там есть ещё штук пятьдесят,
но я такой мастак,
что спеть могу и поплясать —
да хоть на ста китах!

КУНШТЮК

Из двух притяжений ты выбрал земное
Виктория Волгенько

Дуди, оркестров медь. Мурлычьте, славы тигры.
Судачь о том, о сём, газеты скорбный лист.
Не выбравший — суметь, и не сумевший — выбрать,
восторжествуй, Осёл, ума максималист.

Под тяжестью в руках наполненных стаканов
я — самозванный зав исчёрканных бумаг —
прославлю ли в веках твой подвиг Буриданов,
герой, погибший за — плоды обоих благ!..

Летален был итог. Но не перемудрили
учители Начал (не помню их имён).
Тебя сгубил подвох коварной симметрии,
ведь насмерть ты стоял промежду двух копён.

Асфальты и цветы топча пятóй весомой,
и в горних высях след чертя концом крыла,
я в точности как ты — к *одной* копне соломы
не стану вождедель, кусая удила.

Когда ж меня за фук возьмут вражда и злоба,
не выроню ничуть *Викторию* из рук.
Из притяжений двух я выбираю — оба.
Шагаю и лечу. И в этом весь кунштюк!

* * *

Ты лети, моя строка, дактиль-амфибрахий,
к дамам после сорока, а девчонок — на фиг!

Аж до самого нутра жми сердечный клавиш,
и, пожалуй, до утра их страдать заставишь!

Поступь девушек легка среди троп-метафор...
А проснёшься — от звонка (то есть, я, твой автор!):

«Вы же гений, дорогой! Первый в нашем крае!
Ваши строчки... Боже мой! Данте — отдыхает!»

Я читала Вас всю ночь, раз, наверно, двадцать.
Вся в восторге — прям невмочь! И хочу отдаться...»

Я отвечу: «Я же — над — ваших адюльтеров.
Я же, знаете, женат, так что знайте меру!»

Трубку плавно положу, как волну на берег,
и ещё стишок сложу — для пенсионерок.

ИЗ НЕДОДЕЛАННОГО...

Формальная задачка такова:
используя обычные слова,
изобразить обычное явление
так, чтобы закружилась голова
читателя, читающего текст,
хотя б он был из тех же самых мест,
что автор, и сюжет стихотворенья
ему знаком, казалось бы, и, с детства
раннего владея языком,
но без привычки плыть под потолком,
тем более под куполом небесным,
он чертыхнётся, даже *матерком*
покроет автора и только что в завком
не обратится, чтобы ярлыком
того снабдили, впрочем, безвозмездно,
для вслух определенья прямиком.
Затем, чуть только он уразумел
что автор всё-таки в виду имел,
уж тот затеял каверзу иную,
должно быть, больше не имея дел.
Хоть поздно, и пора бы в виде *ню*
заслуженно *отбодрствовать* ко сну,
но я её сейчас поименую
или, по крайней мере, поясню.
А именно: на паре-тройке строф
манипулируя с подменой смысла слов
или так называемых *метафор*,
он как бы в ту же сторону готов
толкнуть громоздкий свой локомотив.
На деле же совсем другой мотив

дудит из-под сурдинки гнусный автор,
читательницу с понталыку сбив.

(Я думаю, все поняли давно:
читатель мой не он и не оно.)
— А кто ж тогда? — кто-кто! — **ОНА**, конечно.
— Лишь **ЕЙ** понять поэзию дано!

IMPRESSION

Тягучий сюжет выползал неспроста
из мякоти сморщенной мозга.
Вибрировал кулер, считая до ста,
а может, до ста девяноста.
Будильник бубнил, что сегодня — вчера.
За стенкой собака басила.
Барахтались, в Сеть угодив, хакера,
и вирус их жалил, бацилла.

Просверлен Светила сверххилым лучом
курсив и погас в одночасье.
Жестоким курсором навyleт учтён
пейзаж и разъят на запчасти.
Потрескалась вечность. В сортире искрит.
Санскрит перепутался с феней.
Осмеян последний истец и обрит.
Как лох, запинается гений.
Настырная совесть бодучей, чем чёрт...
И всё это — мне показалось —
сигнал, что сюжет этой жизни течёт
нам, ссюжетопйсам, на радость.

ТАЛАНТЫ — ПОКЛОННИКАМ

А.А. Блоку, Саше Чёрному, Б.Л. Пастернаку

Делà — чтоб им было пусто! —
и быт — Диоген, прости...
но всё-таки есть Искусство:
музыка, краски, стих!

Что́ — суета, полочки,
житейское море слёз! —
то косы у нас, то тучки,
и тучен у нас укус.

Нам — на вершину виза,
а вы — от любви сомлев —
нам принесёте снизу
котлеты, вино и хлеб.

И долг — платежом, как в банке,
мы вам вернём поутру:
использованную вакханку,
счастливую вашу сестру.

И все обоюдно рады
бряцанию наших лир.
О как гармоничны нравы!
Как симпатичен мир!

ГИМН ФОРМЕ

Под панцирем формы кипи, содержания студень.
Да будет и в будни оно недоступно, и в праздник —
то дат юбилейных, то счастья толчков нелинейных,
и в горе невидимом встанет волной ламинарной.
И пусть оно вязко и дурно на вкус, и невнятно,
но в бравую форму отлито, заправлено, вшито —
взят азимут, значит, и курс на светило, а пятна
на нём не клеймо и позор, а узор и защита.
Овца содержанья, пасомая формы ковбоем,
кнута лишь отведав, достигнет высот медоносных.
Недаром же труд создателя крут и упорен.
О, Форма литая, достойная гимна... Да вот он!
И всякая мелкая сущность, объятая формой,
высокого смысла исполнит своё назначенье.
И в мире, где — истины, равно нагом и просторном,
возвышенно — всё. И — ни дюйма для мелочной черни.

ШТУКИ

Стихотворение — не анекдот.
Не изливание и не глюк.
Не чувств половодье. Наоборот.
Это — УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.
Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«ШТУКА» — то, что летает — над,
фабулу комкая и торопя.
ШТУКИ — первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому???)
— Ну, а про что они? — Ни про что.
— Свет-то прольют? — Ни в какую тьму.
Каждая — абсолютно чиста.
Как эталон. Или — ориентир.
Это — кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.
ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих —
вносят поштучно, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается — стих.
Т.е. УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ*monotonno*

Стихи, написанные ночью на чёрном,
до переписыванья набело утром,
стихи, в которых содержание спорно,
и где незабываемая форма минутна.
Где, точно ногу, отсидев запятую,
бредёт, хромая, по строке препинанье,
стихи, написанные ночью, впустую,
не отражающие суть мирозданья.
Не приводящие к познанию истин,
не одарённые богатством сравнений,
нагие формулы, сырьё, полумысли,
полунамёки, полусны, полутени.
Полукаракули, где почерк невнятен,
полускрываемые матовой тайной,
они, как призраки, висят над тетрадью,
стихи, написанные ночью, случайно.
Ночная сказка, что сознанием мудрым
глазам рассказана, внимательным детям.
И что — что трезвым и расчётливым утром
пирует проза, а стишок неприметен!..

ПЛАНКА

Углеглазая мгла за углами легла.

1962

...и земля обратится в холодный оплавленный шар.
Ну, не шар, эллипсоид. Геоид — не скажешь точнее!
И исчезнут следы человеческого шабаша.
И не жалко, казалось бы. Хрен бы, казалось бы, с нею.
Но когда-то чужою орбитой затянута в поле
влечения, тяги, короче сказать, притяженья,
вдруг, в руках корифеев, она возродит: Лимпопо,
Чили, Мадагаскар. И Москву — чуть заметною тенью.
Вечной славы ища, как лишенец — утраченный хлеб,
сквозь известный кристалл я провижу из тёплого тыла,
как, пинцетом грядущим распято в предметном стекле,
затрепещет бациллой моё уникальное Было.
Паровозик затянет чугунную песню «чух-чух».
Чудо братьев Люмьер — *cinéma* — оживёт на экране.
Хронологию новую слепит космический дух
из событий, какие окажутся прочих сохранней.
Из какого-то сора появится буковка... две...
слово... строчка... И вот — как паук из янтарного плена —

текст... Стишок? — Это ж мой!!!..

(Вероятность — как если бы в дверь постучалась с утра не молочница, а королева).
Корифеи искали ещё, но, увы, не нашли
и спихнули с орбиты ненужную эту планету.
Значит, мне одному отвечать за поэтов Земли,
невысокую планку держать под космическим ветром.
Извините меня, менестрели, поэты и проч.,
Камасутра, Кручёных, Куняев, Гомер, Калевала!..
Я — нечаянно!.. Вы погружаетесь в вечную ночь.
А моя «углеглазая мгла» — гляньте! — классикой стала!
Так не будет? — А вдруг! Что ж, я хуже, чем кто-то иной
и за долгую жизнь ни словом и ни слогом не вышел?!..
— Вышел! Словом и слогом. И шанс этот — мой (нулевой)!
Планка в крепких руках. И всё выше она. И всё выше.

УРОКИ МУЗЫ

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричной!
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.
Что за рифмы, старик!

Так вообще рифмовать неприлично!..

Тут — любимую вспомни в её ненаглядной красе.
Тут — уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.
Там — обценно приправь нашу русскую удаль тоской.
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....
И — корявый балбес — неужели дождусь пересдачи?!
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.
Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..
Ну, и вот она, Вечность — труду и усердию приз!

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТЬЕ

Думать: о почерке и о походке.
Не — о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.
Смерть тепловую влечёт, создавая,
взрыв, и на ВСЁ промежуток — пустяк!
Телом истлел? — Но души сетевая
версия теплится — не в небесах.
Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье —
даром в Рунете даровано, хоть —
всё мирозданье на фокус похоже,
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей...
Всё и кончается Словом. Играя
звуком и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое — не знаю —
там кувырывается в вашем дворе.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ

Лирический стих воплощает душевную боль,
и, стало быть, служит симптомом душевной болезни.
Пожалуйста, лирик, к врачу обратиться изволь.
Гляди, из души у тебя уже чирьи полезли!
Но целый консилиум будет сметён помелом
коварной бациллы, хоть предан по гроб Гиппократу.
И вот: извергают верлибры проктолог и ЛОР,
жуёт логопед амфибрахия трудную вату,
и всё раздраженной поводит плечом терапевт,
готов хирургическим ножиком чикнуть уролог,
юродивой ниточкой тик посылает привет
врачу психиатру

Но рёв бормашины недолог,
и нерв удалён воспалённый, и вроде, тип-топ.
Кейфует душа, в постирушечный пар окунувшись.
Лирический стих побеждён, как последний тевтон,
чтоб больше не смел наводить на окрестности ужас.

ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колено.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо — то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто — на пол
не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой — обглодает последнюю кость,
и вот я — журнально и книжно —
цикутой цикады от(п)равлен на пост,
на мост моего модернизма.
От берега А и до берега Б
он реет — от края до края.
Я — виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликуя. Играя.

* Гугол — самое большое число на свете.

ИЗ ПЕПЛА

Вот если был бы малость помоложе я,
свисталось мне б, как чижику весною.
И как легко мне было б имя божие
тревожить все буквой прописною!
И у меня в начале были б возгласы.
И я б лупил по ласточкам из пушек.
Но скептицизм умеренного возраста
душе не оставляет побрякушек.
Мне нет с небес блатного вдохновения,
и грош души не заложил я в пекле.
Бессмертные мои стихотворения
из лично моего восстанут пепла!

BEHOK COHETOB O BEHKE COHETOB

1.

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Возьмусь и я. А что мне — не под силу?
Да стоит мне лишь ручку в ручку взять —
бумага — слышь! — уже заголосила...
В сонет идет любая дрянь, пустяк,
а поглядишь — выходит даже мило.
Когда б вы только знали — *мамма миа!* —
из сора из какого, из коряг
каких — противно к ним прикосновенье,
но я терплю — не оборвать бы пенье! —
устроен, то есть состоит сонет!
В нём глубины искать не надо, нет!
Он, в сущности, в рифмовке упражненье.
Оно несложно, это сочиненье.

2.

Оно не сложно: это — сочиненье,
не изложение, даже не диктант.
Ты собственное изобразишь мненье,
простую склонность выдашь за талант
и, смысл держа на шее, как атлант,
набычась и притом бахвалясь ленью,
преодолеешь слов сопротивленье
и расположишь строчки, как педант,
чтоб перекрёстная сменялась кольцевой,
чтоб теза с антитезой дорогой
слились в экстазе всем на удивленье,
и синтезом сменился б общий вой,
и зазвенели бы перед тобой
в венке сонеты, как в цепочке звенья.

3.

В венке сонеты, как в цепочке звенья,
 как семечки, к примеру, в огурце.
 И нужно нестандартное везенье,
 чтоб их узнать в лицо в таком гурте.
 И надо необычное уменье,
 дабы прочесть в означенном лице
 то, чего нет в начале и в конце,
 а только промелькнуло как бы тенью,
 метнулось между бра и пылесосом,
 помедлило незадачным вопросом
 и скрылось в как бы розовых кустах,
 выскопарно, как свинья пред опоросом...
 ...Одни сонеты бы не пользовались спросом,
 их *магистрал** объединяет. Как?

4.

Их *магистрал* объединяет. — Как?
 — Да как обычно: в приказном порядке.
 Он их сперва рассадит, как на грядке
 (а перед тем ещё помнёт в руках),
 потом раздаст им чистые тетрадки,
 а одному — повязку на рукав,
 дежурный, мол, и под мотив трёхрядки
 запустит в свет, перстами помахав
 пред носом собственным — на месте ли пенсне —
 и вот движеньем плавным, как во сне
 (почти что незаметное движенье),
 они вступают *a capella* — нё
 во *что-нибудь*. То предъявляет мне
состав капеллы — хоровое пенье.

* Магистрал — сонет № 15, состоящий из первых строк остальных 14 сонетов.

5.

Создав капеллы хоровое пенье,
теперь выносит хитрый *магистрал*
своё администраторское рвенье
на самую большую магистраль*.
И значит, час единственный настал,
когда, как бы по щучьему веленью,
возникнет ниоткуда вдохновенье,
чтоб увеличить жизни *полнакал*.
И будет *магистрал* — с большой дороги,
какую мнут колёса, месят ноги...
Полита потом каждая верста.
Она — его, как арестанта — сроки,
как бога — храм, как барина — оброки
как столяра и плотника — верстак.

6.

Как столяра и плотника верстак
достал (я выражаюсь их словами)!
А нас, читатель, вероятно, с Вами
ничто уже *достать* не может так.
Мы толстокожи. Нам любое знамя
равно серо. Нам быта кавардак
привычнее, чем идеала знак
(не знаю, как назвать его словами).
Стоит жара, иль непрерывно льёт
прозрачный ливень с облачных высот,
пурга, мираж ли, светопреставленье —
нам не до них, читатель, нам поёт
иной Кобзон, наш ко всему подход —
как пациентов клиники: терпенье.

* Т.е., видимо, на дорогу поэтической славы

7.

Как пациентов клиники терпенье
облагораживает! Лучшие врачи
предпочитают умному лечению
текущие анализы мочи.
А ты, больной, надейся и молчи.
Держи в себе своё плохое мнение.
Таблетку, вон, у бабки получи
и жуй себе хоть до выздоровленья.
А то не жуй, авось помрёшь и так.
Шучу, шучу (да ты шутник, однако!..)
Надежды себестоимость — пятак,
цена же — грош в сегодняшних дензнаках.
Минуй, недуг, меня, как полдень — мрак
и как бойцов — стремительность атак.

8.

И как бойцов стремительность атак
не раздражает! Шум, столпотворенье,
пейзажей и построек мельтешенье,
полно народу, всё всегда не так...
Ракеты, танки, лошади... Бардак!
И, наконец, народов истребленье...
Нет, я бы лично воевал не так.
Как — доложу в секретном приложенье.
Бойцы — грубы. Как их нелепа форма!
Они — если в кино — идут на *порно*.
Не на «Чапаева», а на Мерлин Монро...
Да это мне, пожалуй, всё равно.
Сюжет к строке пристраивать упорно —
весь кайф венка (хоть это не бесспорно).

9.

Весь кайф венка, хоть это не бесспорно,
в том состоит, что можно им мести...
Да нет... то венником! А этот — как бы орден,
на то он и лавр^ов и потому в чести.
И если лавр с венка покамест не оборван,
то им увенчанный, беспечен и мастит*,
здоровой пищей ублажает аппетит
и не корячится в труде своём упорном
на благо Родины, ведь он космополит,
и долг ему нимало не велит
предпринимать то, что смешно и вздорно.
Но мы-то знаем, чем народ велик,
в чём замысел и Чей в нём виден Лик:
в том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*.

10.

В том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*,
научного подтекста вовсе нет.
Всё в простоте, какая там Сорбонна!
Стоит сонет. За ним ещё сонет.
За тем — ещё... Как по сигналу горна
в торжественном преддверии побед,
развёрнут строй их, как парад планет.
И стяги рифм над ними реют гордо.
Всё на своих местах, не как попало.
Под мудрым руководством *магистрала*
здесь строчка каждая весома и права.
И глаз обрадован незыблемостью строя.
В наш век увидишь часто ли такое —
стихи стоят по струночке: ать-два!

* Не грудница!

11.

Стихи стоят по струночке: ать-два!
Одна строка другой велеречивей.
И погляди, читатель терпеливый,
тут так же чётко строятся слова!
И только буква, атом неделимый,
всему стихосложению голова,
как моря гладь — приливы и отливы,
разнообразит строчки и слова.
Я б букве гимн исполнил на трубе
за переменчивость: она то А, то Б,
то что-то третье: γ или Θ,
пусть даже Ν* или Ъ —
я всем им рад и никому не враг.
Хотя, по мне, надуманно всё это.

12.

«Хотя, по мне, надуманно всё это» —
намедни я заметил сам себе,
играя роль завязанного поэта,
такого мэтра, ушлого в пальбе
из пушек по пернатым. Фраза эта
красиво кукарекала в уме,
но я не понимаю, хоть убей,
умна она, или в ней смысла нету...
Когда же понимания итог
прочертит чиру возле самых ног
и в темноту швырнёт гранату света,
то вместе с ним придёт и немота:
где правит разум, там душа пуста.
Такой порядок вреден для поэта...

* Гамма, тэта — греческие буквы; алеф — еврейская буква

13.

Такой порядок вреден для поэта
(и, в сущности, для всякого лица).
Поступим так: пускай ума монета
подольше не выкатывается
из портмоне души (и из сонета!).
Пусть светит всем до самого конца,
и старого склеротика в юнца
пусть превратит, хотя б на треть момента!
Пока душа бессменная жива,
ей по сердцу и безусловно сладок
свой личный ум и свой родной порядок —
приемли всё, только своё — сперва.
Я, например, на правила не падох,
а лучше так: кто в лес, кто по дрова.

14.

А лучше так: кто в лес, кто по дрова.
Резвись, перо, курсор, реви, динамик!
Летай, смычок, как мудрая сова,
и муза — прилетай, *хорош динамит!*
Качай, качок, хоть мышцы, хоть права.
Кто против нас, тот, значит, снова с нами.
Свобода — вот единственное знамя.
А кто свободен, тем и трын — трава.
Заканчиваю. Надо бы мораль
вписать в не очень строгую, но — форму,
что, мол, трудился и не зря марал
карандашом — блокнот, рулон в уборной,
счета... Но пусть, поскольку я иссяк,
Венок сонетов пишет каждый всяк.

15.

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Оно несложно, это сочиненье.
В венке сонеты, как в цепочке звенья.
Их *магистрал* объединяет, как
состав капеллы — хоровое пенье,
как столяра и плотника — верстак,
как пациентов клиники — терпенье
и как бойцов — стремительность атак.
Весь кайф венка (хоть это не бесспорно)
в том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*,
стихи стоят по струночке: ать-два!
Хотя по мне — надуманно всё это...
Такой порядок вреден для поэта.
А лучше так: кто в лес, кто — по дрова.

ОСТАНОВЯСЬ НА ПОЛУШАГЕ

ПРОШЁЛ МИЛИЦИОНЕР

Прошёл милиционер и сказал: «Вырезвитель»
Девушка процокала, шептала: «Любовь...»
Пробежал мальчишка, кричал: «Посмотрите!»
А у меня — не было слов.
А трамваи с красными стёклами ездили.
А — цивилизация цвела вокруг.
И подумалось: «А что, если —
и я что-нибудь скажу... вдруг?»
И взвечерело. Мысли, как сумерки,
сгустились над вокзалами век.
И — носовым платочком из сумочки
я потерялся в толпе навек.

1965

МИГ

Ропот.

Из ропота —
роботы —
в боты.

С работы — ты.

Я — навстречу.

Чу: чувство...

Увесист
ствол.

Дышит густо
сердца вол.

Го-

ря-
чась,

не замечу,

как —
ботинком —
прямо в грязь...

Упадёт на плечи вечер
чёрной вспышкой острых глаз.

Переменчивым зигзагом
удаляющимся шагом
промелькнёшь весенним флагом,
светом солнечным струясь...

И трамвая
красный демон
 подойдёт,
тихо тронется и —
 где он?!
— По-
 во-
 рот...

1963.

СЕРДЦЕ-ВЕЩУН

Сердце — вещун, а душа — мера
Нар. мудр.

Прошлое — прощу ль его! — прожито-придушено.
Будущее светится из-под спящих век.
Сердце, как вещун: оно прощупало грядущее,
шаркнуло по месяцам, прошерстило век.
Как баркас Бермудами, окружён я мебелью.
Стол грозитяся гранями, шкаф страшной Чечни.
Что же скажешь, мудрое?
Что провидишь в небыли?
Хоть кардиограммною каракулей черкни.

Остановясь на полушаге,
глазами список пробежала
тех, чей фонарик из бумаги
раскрасить тушью надлежало.
Вдруг иероглифов зигзаги
на миг иначе увидала:
— Мы рядом здесь, — она сказала.
А он добавил: — На бумаге...
Слова свистели как свистульки
и как дробинки или пульки,
и как синичка в тёмной сини
свистит на шёлковой картине.
Как в море тающий кораблик.
Как улетающий журавлик.

ПОД СТУЛОМ СМЯТАЯ БУМАЖКА

Под стулом смятая бумажка:
ты на свиданье не придёшь.
И в белом платье не заплывёшь,
не скажешь: дождь...
Ты просто не придёшь. Нелепо
автобус дверью хлопнет, пуст,
и дождь хромающим калекой
пройдёт, как на костыль — на куст
опёршись... В серое раскрашен
пейзаж и город, день и ночь.
Под стулом смятая бумажка.
Ты на свиданье не придёшь.

CAFEMAX

Тут максимально проходит вечер.
Набатом вече гремит драже.
Его, как бисер, друг дружке мечем,
и каждый мечен драже уже.
Иной девице в стихах неймётся,
мол, ей сосцы целовал пацан.
Какая цаца! Но цыц! Немотствуй.
Такую поцеловал бы сам!..
Ревём да стонем, но — не за деньги!
Нас слава манит, как сатана...

А между столиков привиденьем
проходит медленная Она...
Я воспалён, как мартен и домна.
Я Ей не ровня, я крепко влип.
И, зеленея, цветёт бездомно
Она на том на краю Земли...
Устойки столик. На стенке телек.
Хрипит хореев в гортани ком.
Хрипеть не стоит. Уймись, истерик!
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда знаком.
Ты не был с Ней никогда.
Ты не был.

УТРО

Губы города — Трубная площадь — скривились зелёным углом бульваров в гримасу утреннего трамвая.

Потом засмеялось. Меж рельсами загрохотали булыжники, точно блестящие зубы, и этой улыбкой испуганные поднялись серые тряпочки голубей и стали с неба стирать ночной невидимый нимб.

Первый рассветный троллейбус, ещё не привыкнув к движению, упрямо старается вырвать рога из чёрных тугих параллелей.

Весёлые, как пионеры, составленные в пирамиду на поле Большой Спортивной Арены, выстраиваются в радугу прозрачные капли и, спрыгнув, торопятся броситься в подземную речку Неглинку.

Кусты на Цветном бульваре умылись и встали один за другим, как рифмы в поэме о Солнце.

А Солнце уже возникает за Сретенкой в переулке и гладит заборы, крыши домов и верхушки деревьев зелёной лапой луча, мягкого, как кошки.

АТАКА

Сперва настроить ритм для завтрашнего марша:
подбор изящных фаз и нежных амплитуд.
Засаду осветить юпитером поярче.
Начистить сапоги (и это ратный труд!)
И, белый флаг подняв, пойти в парламентёры
и требовать **ау!**диенции с послом.
Внедрить надёжных глаз пронзительные взоры
туда, где уязвим предательский заслон.
Усилить блок-посты, и, чтобы не скучали:
лазутчиков — в наряд, а прочих — на губу.
Поджечь бикфордов бант бенгальскими свечами
и выйти — одному! — на бранную тропу.
И через тайный ход времён невинной дружбы
проникнуть в цитадель — тут надобен и ум :) —
А после — применить секретное оружие,
оно и завершит ожидаемый триумф.

ВЕСНА

Весна! Я нов. И ново всё кругом —
деревья, мост, Арбат, орлы вокзала...
А может, сам я начался с начала,
поскольку с этим миром не знаком?
Знакомлюсь: ты. А за твоим окном
есть солнце. Утро (т.е. солнце встало).
Вот этажей собранье — это дом.
Вот слово — это то, что ты сказала.
И, наконец, любовь. Ей трын-трава
всё, кроме плоти терпкой и пахучей.
Она неотвратима, словно случай,
добра и зла, опасна и — права!
И вот стихи — убогие слова
из у неё украденных созвучий.

Ах, пойти бы к тебе,
вернуть бы «вчера» — опять.
По бульвару, свернуть направо,
Арбат пройти...
Чёрный кофе сварить,
закурить и собратся спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти...
Ах, пойти бы к тебе...
Но черны твои окна, черны.
Точно темень волос твоих,
в них поселилась — Ночь.
Ходят серые мысли, как серые мыши,
как сны,
точно серые сны,
которых не превозмочь.
Ты ушла далеко.
Ты сверкаешь в ином — дому.
Ты зашла, точно Солнце,
за мой золотой горизонт.
Я один.
Ухожу — один. Ухожу во тьму.
Без тебя — тяжело дышать.
Как азот — озон...

Я — один. Ни Луны, ни звезды.
Тишина. Кошмар.
Закрываю глаза —
перед ними — твоё Лицо...
Как писали когда-то:
*«Madame, я во власти чаръ.
Побѣдить ихъ —
мало отъищется храбрецовъ»*...
И напрасно себя
предлагает к утру — заря.
И напрасно по радио
рады куранты — бить.
Эта ночь без тебя.
Эта ночь, убитая — зря.
Это время,
которого мне — не возвратить...

.....
Я сижу на скамейке.
Бульвар мне глядит в глаза.
Мне сочувствуют кроны
осин, тополей и лип.
Ах, они понимают,
что мне без тебя — нельзя,
и наивно считают,
что я навсегда — погиб.
Но ведь это неправда?
Скорее — скажи, что нет!
Что сегодня же снова
вернётся — позавчера?!
И что стрелки часов
не плетутся за нами вслед,

а едва поспевают
за вензелями пера?!..
Я встаю со скамьи
и — с бульвара — направо, в Арбат...
Эта краткая улица —
10 минут пути.
А потом — чёрный кофе сварить
и собраться спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти!

* * *

далёких звёзд лучи исходят нитями
вонзают точки тело тёмной тени
усталые работы мысли мускулы
подставлены окне ночному ветру
обнажена полночна соблазнительна
роняешь пепел белые колени
погашен свет последние корпускулы
умчались 300 000 километров

А в июне был прощальный
вечер. Ты сказала: «Липой
пахнет». Запах чуть печальный
был приветлив, как «спасибо».
Это был конец романа.
Расставаться было грустно.
Было сумрачно и странно.
Непонятно и минутно.
Было тихо и тревожно.
Было слышно, как за нами
Время ходит осторожно,
поднимая, точно знамя,
белый листик календарный —
пропуск в будущее время.
Был июнь. Стоял прощальный
вечер. Тишь. Прощанье. Темень.

* * *

Осенью я тебя встречу снова.
Поздоровуюсь медленно и пройду не спеша,
чтобы ты заметила, как сурова
стала к тебе моя душа.
Чтобы ты поняла, что никогда не вернётся
моя рука на твоё плечо.
Чтобы ты не заметила, как сердце бьётся
и как из лёгких осеннее небо течёт.
А синий вечер на звонких улицах
листом золотым в проводах запоёт,
и мне в звенящем звуке почудится
запретное имя твоё...

ПИШИ ПРОПАЛО

Продолжим тему, что жизнь — игра.
Подол шить тем, у кого с утра
в саду висело плодов — число.
Но — дура! — съела! Произошло...
«Укрыть фигу-уру! Стыдом умру-у-у!..»
Сердитый гуру сорвал игру.
Ревел, как барин: «Зачем не раб!»
Рай был бездарен. Была б игра б!

.....

Играют дети клави́р фоно.

Играет ветер, гудит в окно.

Игра — без краю! (О, как я с Ней
во сне играю!..)

И — как во сне —
играет солнце на трубах дней.
И греет сон сей, но вдруг слабей...
Игра без правил, и всё на кон.
Как кто убавил свет из окон!
Доска тускла и дебют забыт.
И куклукскланит — в капоте быт.
Король в цугцванге? — Да он валет!
Спроси у Ванги про старость лет.
Спроси про серость, про белизну...
Цвелось и пелось, а вот слизну-
ла злая бяка, как языком...
Пиши, однако.
— Куда?
— В местком.
— Чего писать-то? Скачать с чего?
Что нет недостатка? Что всё черно?..
— Не надо жалоб и куражу.
Пиши пропало.
— Пишу, пишу.

Ах, силлогизм, при чувстве — челядь,
непостижимом, как Сион!
Как математику поверить
в произвольность аксиом!..
Играть не буквой бы, а смыслом,
взлететь, хотя бы вполхрома!
Но рвутся перепонки систол
и плевры серой бахромы.
Чтоб тут дышать, хватая жадно
озон озноба, чуждый рта,
имей иной дыхалки жабры,
прецизионную гортань.
Не волк, но перекуйся в кузне,
сварись в 13 котлах,
пройди труда искус невкусный
и под каток асфальтный ляг.
В овечьей шкуре зубоскала
укрой укромный силлогизм.
А алгебру его вокала
гармонией поверит — жизнь!

Быть может, всё в жизни лишь средство
для ярко-певучих стихов
В. Брюсов

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
какой ни получишь сигнал.
Пусть даже подарит Пандора
свой ящичек, чтобы — *сыграл*.
Сыграй. Например, в ре-миноре.
Народ зарыдает навзрыд...
Но помни: *memento*-то — *mori*!
Забудешь — а он не простит.
Ты будешь стремиться всё выше,
но вновь понедельник, и вот —
в подельники к чёрту запишут,
дадут от ворот поворот.
А дальше в какой-нибудь вторник
свершится судьбы произвол.
Тот, чьё бытие не бесспорно,
будильник на вторник завёл.
Так выкинь обиду из сердца,
пусть в нём только боль и любовь.
А жизнь — эксклюзивное средство
для ярко-певучих стихов.

ВОСПОМИНАНИЕ

Арбат, ещё не пешеходный,
пыл туристический, походный,
гроза, колонны у реки,
мы босиком, как босяки,
тропинки склизь в полуовраге,
бифштекс (с картошкой что ли...) в «Праге»,
«Дом книг» (Калининский проспект)
и юности *плюсквамперфект...*

**ОБРАТНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ
ИЛИ FUTURE IN THE PAST**

Пройдут года и молодость,
столетье отстрекочет.
Давно я сбрею бороду
и выращу животик.
Ты — за планетной толщею
поселишься — увы,
и внуки (но не общие)
прискачут к нам, резвы...
А тут чугунной бабою
снесут окошко с видом,
добив надежду слабую,
что тешил индивидуум.
Или надежда тешила,
наоборот, его...
Не знаю. Ну их к лешему.

Не будет — ничего.
Не будет места этого,
где были мы с тобою.
как будто сдует ветром
или бульдозер сроеет,
тропинка вниз обвалится,
земля слетит к реке.
А что с Арбатом станется,
где мы — рука в руке — —

Кому помешало, что шёл 68-ой!
Чего его было менять 69-ым!
А может, ошибка в коде? машинный сбой?
А может, нечётко помечен нечуткий атом?..
Мгновенья из часа не выдернуть, не сдержать..
На зуб не взять, не остановить, не пощупать.
И не ухватить удачу за хвост, на рать
идя, а она Ягой оседлает ступу,
рванёт, грохоча, и посеет в Отечестве дым,
и он полыхнёт неизвестно каким пожаром...
О год, в который я был почти молодым,
моё поколение разведший по хрупким парам!..

КОГОРТА МУЖЧИН

Максим шёл вприпрыжку, Кирилл — тяжело, как пахал.
За ними иные копьём или пикой бряцали.
Их не догоняя, брёл старенький микроцефал
Он был Анатоль. Это так его вычурно звали.
Они отправлялись найти неизвестно чего.
«Охота на Снарка» припомнилась мне беспричинно.
Максим был кудрявым, Кирилл был солидный мужчина.
Был лыс Анатоль. Это было смешнее всего.
Максим — музыкант. Привлекал его, значит, вокал.
Он пел постоянно: на кухне, в сортире, на пашне...
Кирилл — посолидней. Усы окуная в бокал,
он был громовежнец, как Зевс небольшой и домашний.
Максим и Кирилл, и другие — в них сила и стать.
И цель им сияла подобно дневному светилу.
А что Анатоль! Уж ему-то вообще не светило...
Но он вслед за ними тащился и тщился догнать.
Максим увидал на холме неожиданный свет.
Пустился наверх, и Кирилл с остальными — туда же.
Вдруг встал Анатоль. Он же ветхий, как Ветхий Завет.
Не зная, бежать или нет, он не дёрнулся даже.
Но группа спустилась: сияние было — мираж.
А бой с миражами не прочил им бранную славу.
Ах, передохнуть бы!.. Да где там, они впали в раж.
И лишь Анатоль не полез и соснул на халяву...
Пошли. Вечерело. Но чаша раздвинулась вдруг.
Блеснула вода! — Это озеро?.. Может быть, море?..
Им, что же, туда?.. Но ответа не дал Демиург,
и все остальные смолчали (как я в разговоре).
Решили, что ночью в воде не найдут ни хрена,

вдоль берега двинулись по каменистой дороге.
Один Анатолий заупряился — шли бы вы на !.. —
но зря проискал два часа, только вымочил ноги.
Наутро друзья и соперники двинулись врозь.
Один на дороге нашёл златовласую фею
и что-то с ней сделал такое, что после хоть брось,
да он и забросил её, раскрутив посильнее,
на дерево иву. Компания дальше пошла,
а фея орала, как кошка и грязно ругалась.
Сказал Анатолий: «Надоело мне это «ла-ла»!
Прибавим-ка шагу хотя бы на самую малость!»
Потом второпях Анатолий наступил на ежа;
Кирилл головой обломил здоровенную ветку
дубовую; люди утратили часть куража;
был послан Максим ради общего блага в разведку...
И много других приключений случилось и хохм —
да, собственно, именно их-то они и искали! —
пока не наткнулись опять на неведомый холм.
И поняли вдруг: это — тут. И, как вкопаны, встали.
Потом разошлись, кто на запад, а кто на восток,
на север, на юг и в иных направлениях тоже.
Был в душах у всех в предвкушение успеха восторг.
И кто-то исторг даже вопль, и морозом по коже
тот вопль отозвался у прочих. Ускорили шаг
и, пики подняв, обнажив и другое оружие,
друг друга из виду они потеряли, спеша
не глядя хватать то, что нужно и то, что не нужно.
Вот что-то надывбав, Максим удалился в кусты.
За ним и Кирилл свою долю добыл дорожую.
Ну что же, Толян, без трофея пока только ты.
Давай, старичок, нажимай, я тебя пострахую.

...О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ

«Два капитана»... Я сызмала полюсом бредил,
«Сполохи! — думал, — Торосы!», когда не спалось.
Там же, на Севере, белые бродят медведи!
Чешут спиной, говорят, виртуальную ось.
Вырос я. Минус — в глазах изгибается линзой.
Льды и торосы с экрана блестят (Би-Би-Си).
Всюду тепло, а особенно, в действиях ближних.
И за окошком повсюду сплошные плюсы.
Только: жую ли насущное что за обедом,
думаю ли о возвышенном, там, о любви —
мимо меня проплывает медведь за медведем
в белом неспешно, как парусные корабли.
То проверяют акустику в гулком пролёте,
или гремят чистопрудным трамвайным путём.
Или читаешь, и — здравствуйте, я ваша тётя! —
белый медведь над тобой свою лапу простёр.
Хищник, должно быть. Но, кажется, нынче постится...
Белый медведь пролетает, как белая птица,
белой вороной в чертог из серебряных льдин...
— Белый медведь, не пойму, почему ты блондин?..
Эти медведи играют на старых гитарах...
Вижу не льды, а костра прогоревшего дым...
Если бы знал я, какие виденья у старых,
я бы, наверно, хотел умереть молодым.
Впрочем, до старости жить ещё долго и скучно,
складывать строчки минут в трудодней буриме.
Каждое утро будильник бренчит однозвучно,
каждую ночь только белый медведь на уме.

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ

* * *

Бессонница. Комар. Такая полоса.
Я списывал рецепт и, изучая вина,
последствия сравнил, как будто полюса,
и вышло, что на всех одна и та же льдина.
Бессонница. И вот — бессилён сам Морфей.
Напрасно бьёт крылом, выделявая пассы,
напрасны все ходы, что у него в запасе,
и заклинательная музыка *морфем*.
Я думал, музу призову, и вот —
закончен с ней роман (когда он не приснился!)...
С бессонницей легко бы справился Эрот.
Но, к сожалению, он не появился.

РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ

Тебя солнышко освещает
в час полуденный со спины.
Под невидимыми вещами
твои нежные части видны.
Там, где лозунг, что люди братья,
на фальшивом висит щите,
ты, как факел, горишь из платья
офигительным декольте!
Видно то, что обычно не видно.
Удивительный феномен:
мне бы мухой влипнуть в повидло
или шхуной вломиться в мель!
Мне бы кинуться сквозь трамваи
раскусить твою вкусноту!..
— Что ж я, можно сказать, зеваю
и приличия чту!
Ты подобна продукта грамму,
дорогому, как дефицит.
В Продовольственную программу
позабыли тебя включить.
— Накорми! Утоли собою!
И — пожалуйста! — напои!
А не то — *рубай* завую,
новоявленный Навои!..
Что же ты ухмыляешься, злая,
вызывающе загрузив
мускулистые Гималаи
в заграничный прозрачный лиф!

РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ

На Руси мы все медведи: каждый злобен и с(м)ердит.
Тут и девушка-Миледи, на плече клеймо горит.
Сколько правонарушений за означенным плечом!
Призрак петельки на шею тоже ведь не исключён...
Может быть, она воровка, между зонами связной,
и её татуировка — краткий список послужной.
Завиток вот этот синий, память, что обчищен шкаф,
а пересечение лилий — как талон: уплочен штраф...
Или — зря её я хаю, и у ней иной пошиб?
Например, как Мата Хари: нету права на ошибку,
и роза вся в бутонах это, может быть, вообще
означает — *панасоник*... от морского атташе...
Мне сказал один любитель (интересно знать — чего)
что не разума обитель — мое светлое чело.
Он сказал: «В башке всё пусто у тебя и кавардак
Это — новое искусство! Это ж *боди-арт*, муздак!»

ЛЮБЛЯ

*Михаилу Эпштейну
как автору слова «любля»*

Встретились два одиночества,
быв не знакомыми лично.
(знали по имени-отчеству);
признаки пола — различны.
Карты марьяжем им выпали,
ровно награды на груди.
Два одиночества выпили
и приглянулись друг другу.
Бросив постылое общество,
толсты, слегка кривоваты,
голые два одиночества
долго брыкались в кровати.
Утром проснулись с тоской они.
Солнце стояло высоко.
Молча и в разные стороны
оба ушли одиноко.

* * *

И никто, кроме зрителей нежных ночного канала,
не видал, как ты блузку с голодного тела спускала,
И в интимных кругах, где порядки особенно строги,
раздвигала, смеясь, свои полные белые ноги,
как упругую выпуклость мяли горячие губы
(те, что зрителям нежным, пожалуй, особенно любы),
натыкаясь на сладкую твёрдость заветных горошин...
Чем же всё это кончится? — Кончится только хорошим.

ЛИРИЗАЦИЯ

С утра без добра каменею, и, злобе ямы не вырыв,
к Эроту и Гименею ухожу из хора сатиров.

От эмпиреев дури спущусь в прописные кущи.

Чтоб, значит, поближе к натуре,

где жизнь посочней и погуще.

Я юмором сыт по горло — хлебнул и закинул лапоть:
гуманней (уж если припёрло)

в сердечную метить мякоть.

И вот я на этой... грешной.

Блудом несёт и соблазном.

И я говорю о внешнем, но размышляю — о разном.

Вот Флора: морковь с томатом. Фауна — сардинелла.

Вот Купидон с автоматом, и розовы стёкла прицела.

Пулю хирург не вынет,

подставился — так с концами!

А кто поражён навывлет — на горку катает камень.

За ними надзор Гименея,

и что́ — что стелили мягко!

Бесчувственней, но умнее:

проштрафился — спать на лавку!

А те, кого чуть задело, контузило, может, малость,

тоже берутся за дело, отстреливаться пытаюсь.

Партизанам большого секса —

что́ эроты да купидоны!..

И летят под откос повсеместно семейные эшелоны.

Влюблённые твари мечутся,
растрепавши власы и нервы,
в белёсо-розовом месиве разнообразной скверны...

Найти б в этой каше азимут,
хоть выползти на коленях!..
Но — всеми членами вязну
в ихних в(л)ажных проблемах.
Ночь. Настроенье отвратно:
боюсь рокового финала.
— Впустите меня обратно, Зоилы и Ювеналы!!!

* * *

Строчу привычно, весь блокнот исчёркал,
вдруг слышу: кто-то дышит за спиной.
Я думал — *так*. А это встреча с чёртом,
ведь то был он, не кто-нибудь иной.
Неймётся бесу даже по субботам!
Что делать? Как — нечистого надуть?
Но — выходной, и хоть бы в небе кто-то,
кто истинный мне указал бы путь!
Не докричавшись бога и мамоны,
сам заору в отчаянье ему:
«*Вы, гёрт, ребром ошиблись!..*» — и в ладони
серебряную скрою седину.
Так от соблазна, словно от погони,
я убегу — и мудро, и хитро...
Но мерзкий бес провидит сквозь ладони
и знает, где ребро, где серебро.

* * *

Между экватором и полюсом,
а где точнее, не припомню я,
блондинка распустила волосы,
на платье расстегнула молнию,
сказала, видимо, счастливчику
«мур-мур», как ласковая кошечка,
стянула с плеч бретельки лифчика,
на кресло бросила, где кофточка.
Прошлась перед портьеркой шёлковой,
в окошко выглянула, голая...
Но тут тихонько что-то щёлкнуло,
и стала видимость фиговая.

РОМАНТИКА

Я раньше думал, что романтика —
взор, устремлённый в небеса,
сраженье с барсом (ну, хоть с Барсиком!),
глядение глаза в глаза.
Там, шёпот, робкое дыхание...
О теле — мысль запрещена...
Бессонница, недоедание...
Короче, *вер-те-ров-щи-на*.
А оказалось, что романтика —
касание грудей и плеч,
развязыванье разных бантиков,
объятья перед тем, как лечь.
Освобожденье от одежды и —
дыханье — жарко, шёпот — хрипл...
Поглаживанье плоти нежное...
Слиянье. Содроганье. Всклип...
Романтики зверино логово,
я вам замечу, антр ну.
Её пиаровские слоганы
сам для себя упомяну:
ОСТАВИМ ВЕРТЕРАМ ЗАСТЕНЧИВОСТЬ!
ТУТ НАДО СМЕЛЫМ БЫТЬ И ЛЕЗТЬ!..
Я думал: романтичны женщины.
А оказалось — так и есть!

БУХБАЛЛАДА

Kennst du das alte Liedchen?

H. Heine

Ты знаешь ли старую песню?

Г.Гейне

Жила-была дева бухгалтер,
лицом и фигурой складна.
Царила в коммерческом гвалте,
а дома скучала одна.
Была не знакома с развратом,
девицам иным не в пример,
и зря к ней ходил инкассатор,
в кармане храня револьвер.
Собрав не растраченный в сферах
финансовых девичий пыл,
она полюбила курьера,
который дискеты носил.
Как только он вынет дискету
и вставит её в аппарат,
ей чудится, будто бы это —
бесценный любви дубликат.
И девушке с тонкой натурой
охота компьютером стать
с нетронутой клавиатурой
и принтером застрекотать.
Но стресс для бухгалтера вреден.
главбух ей грозит кулаком.
И дебет заходит за кредит,
пуская баланс кувырком.
Прокручены в сальдо мортале,
проценты слагаются в стих.

А прибыль в текущем квартале —
ноль целых и ноль остальных.
Курьер пресловутый к тому же
то ваньку валяет, а то —
клинически верного мужа,
каким не бывает никто.
Пред девушкой в полную меру
проблема: чего предпочесть —
карьеру, иль кинуть курьеру
коварному девичью честь.
Да если бы честь эту взял он —
другой бы тогда поворот.
А этот безумный раззява,
пожалуй, и мимо пройдёт.
Что делать — неясно, хоть тресни.
вся жизнь, словно тягостный сон.

Ах, эта неновая песня
опять с нехорошим концом.
Вот близится дело к развязке.
Берёт инкассатор наган.
К курьеру идёт без опаски,
а тот убегает, болван!
Бухгалтерша юная в шоке.
Мужской элемент налицо.
И приобретённое в *шопе*
блестит золотое кольцо.
Весь офис готовится к свадьбе,
есть выпить и есть закусить.
Ах, мне бы на ней погулять бы!..
но надо дискеты носить.

СТРИПТИЗЁРКА

Стриптизёрка извивалась возле стройного шеста,
им на миг прикрывши малость интересные места,
этих мест телодвиженьем, отдалённых и не столь,
распаля воображение и пьяня, как алкоголь.
На трепещущее тело свет струился с потолка.
А вокруг неё балдела и хихикала толпа.
— Ну, куда она годится, — голос внутренний спросил, —
с обнажённой ягодицей, в окружение тёмных сил!..
Ноги босы, жёлты космы и открыта настезь грудь.
Не смутят её вопросы про её бесславный путь.
Верно, веские причины ввергли девушку во ад,
где бесстыжие мужчины источают аромат
неприкрытой страсти грубой, жвачки липкие жуя,
и раскатывают губы в направлении ея.
И мелькал округлый локоть в ожиданье круглых сумм...
Но её витал высоко в эмпиреях дальних ум.
Мысли разные играли в прятки, в салки, в буриме,
вычисляя интегралы в упомянутаго уме.
Между прочим, этой дуре жизнь иное дать могла б,
ведь она в аспирантуре и почти уже завлаб.
Только всё ей надоело — *Эйлер*, *Винер* и *Биркгофф**,
и она вращает телом, не используя мозгов.

* То, что названы именно и только математики, выдаёт, по-видимому, специальность героини стихотворения

СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ

Всё крутить бы любви колесо нам —
Подекадно, как Декамерон.
Но настырней мента — Мендельсона
моногамного гимна минор.

Люди люты к *людя́м*, как малюты.
Миллионы им мнятся вдали.
Навалите валету валюты —
он, как пешка, шмыгнёт в короли.

Нам же ввали, что всё по спирали,
чьи витки правят сущего текст.
Новый цикл, и сыграть не пора ли
в старый добрый промискуитет!

Эти игры, как тигры, сугубы.
Рыку — рык, кувырок в буерак...
Да чтоб каждому с каждою — *любо*.
Если кто вне игры, то — дурак.

Знай — люби да любидом орудуй
в этой злой многополой войне,
складным залпом любовных орудий
любоваться чтоб было и мне.

Дабы *лóжились* губы на губы,
в поле битв полюбить полетим.
где *любые* близки нам и *любы*.
Ведь «любой» это тот, кто — любим!

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Серёга, мой бывший приятель,
дня на три расстался с женой,
и, времени даром не тратя,
подался к знакомой к одной.
Красуля по имени Света,
не кто-нибудь там, а завмаг.
Её и любили за это —
ввиду ожидаемых благ.
Вот Светка расставила чарки
и, телом владея вполне,
его принимала по-царски
в пленительном дезабилье
в то время, как в стационаре
студент-хорошист Раппопорт
супругу Серёгину, Валю,
проходит по теме «аборт».
Когда же наутро Аврора
вполнеба раздула пожар,
Серёга икнул с перебора
и рысью в сортир побежал.
Вернулся, а Светка одета,
узорный платок на плечах,
красивая, словно Одетта
в балете Петра Ильича.
Вдруг боль за супругу в палате
пронзила Серёгу иглой.
Но Светка ответила: «Хватит!»
и стала противной и злой.
«Гони, дорогуша, полтыщи
за кофей, постель и коньяк!..»
А он был влюблённый почти что,

т. е. думал, что это за так.
А Светка, как ангел, невинна,
ему говорит: «Не жидись,
не то твоя щуплая мымра
узнает, где был ты надысь.»
Зверья от слов этих яда,
Серёга бледнеет, как смерть,
и сам, вероломнее Яго,
сплетает коварную сеть.
«Плачу чистоганом, — сказал он, —
кусай хошь на зуб, хошь на вес.»
Пятёрку у кореша занял
и кинулся в ОБХСС.
«Товарищи, баба болеет,
сидит без обеда семья.
А взяточники всё наглеют,
ведь это прямая статья.
Я сам семьянин, экономен,
завкома действительный член...»
И вот зафиксирован номер
в купюре — известно зачем.
За Светкой приходит охрана,
под белые руки берёт.
И вновь продолжается драма,
в которой безмолвен народ.
Напрасно в ментовке рыдала,
двоим конвоирам дала...
Три года судья намотала
девчонке за эти дела.
Ой, девки, живите скромнее,
разврат не держите в уме.
Вот всё, что сказать я сумею
в коротком моём резюме.

КОЗНИ АНГЕЛА

Устроившись в глубоком с подлокотником,
комфортом упиваясь и дыша,
соседей сперва я с подполковником,
но вздрогнул весь, *когда она вошла*.
Военный был *галант*: предупредителен.
Он подскочил, и вот она со мной.
Я верю: это Ангела-Хранителя
в мою поддержку выход козырной.
Цвет глаз не разобрал, какой-то смешанный,
разглядывать мне было не с руки.
Я только ощутил коленом нежные
колготки (или, может быть, чулки?)
Что ей сказать? Пожалуй, что-то пошлое:
«Как Вам погода?» «Как тебя зовут?»
Или «Пойдём к тебе...» — и страстной кошкою
прильнёт ко мне для сладостных минут...
Двухсотпятидесятишестицветной радугой
она цвела и пахла, как цветок.
Я думал: вот, сейчас, решайся! Надо бы...
Но робок я и рта раскрыть не смог.
Две остановки, видно, для приличия,
проёрзала и, поблагоухав,
к поручику налоговой полиции
порхнула... Скромн вид, а взор лукав...
На место, тёплое ещё, незамедлительно
алкаш пахучий рухнул тяжёло.
— Ну, ты даёшь! — я Ангелу-Хранителю
шепнул и уронил моё стило.

Шесть долгих лет я не вкушал еду.
А ведь когда-то кушал ежедневно.
Однажды предложили мне поесть.
Я испугался, что отвыкли зубы
от пищи и — не в силах раскусить
окажутся... Позор! О, что мне делать
тогда!.. И я, предлогом благовидным
отговорясь, поспешно удалился.
Потом жалел. Скрипел и скрежетал.
Но было поздно: сладкое доели.
И я переминаюсь у дверей
тяжёлых дорогого ресторана
и запахи ловлю, и воспаряю
в мечтах голодных. Мальчик у Христа
не ёлке, как сказал бы Достоевский.
Но святочный финал не для меня.

Душой я не то что молод, а просто зелен.
Ей всё бы крутить любовь по чужим постелям.
Ей всё б от мужей хорониться виновной мышью,
лелея во рту цветные четверостишья.
Ей трижды плевать на расчёты, долги и *башили*.
Добыть бы слоновой кости, составить башню —
крутые ступени, в окне витражи, на флагштоке знамя...
Но с телом-то делать — что? С животом?.. С зубами?..

СТАРЫЙ АНЕКДОТ

Интеллигент пришёл в бордель
(намеренье тая).

И перед ним открылась дверь
гостеприимная.

С ним шёл один (его щас нет)
ухватистый пацан.

— Эй, погоди! Ты где, сосед?

— В гостях! У двух путан!!

Ну, ладно. В офисе пустом
два входа перед ним.

«Для страстных» (там соседа стон),
второй же — остальным.

— Нет, я не страстный... Мне подстать
для малохольных дверь...

Но там — прихожая опять,
и снова двери две.

«Для сильных» — надпись на одной...

Похоже, дело швах.

И, рефлексируя, герой
в другую правит шаг.

Но там пред выбором опять
стоит интеллигент.

Теперь он должен указать,
богат он, или нет.

Он — беден. Что ж! И к цели мчась,
толкнул, рукою твёрд,
для бедных дверь... «Ну, вот! Сейчас!...»
И — вышел в тёмный двор...

Ясна, казалось бы, мораль:
зазя не рефлексуй.
Ты — царь зверей, войди и вжарь!
Коли, руби и суй!..

— Ну, не скажи, — тут вдруг изрёк
мой внутренний фальцет, —
Гляди, циничный друг наш лёг,
к хирургу под ланцет.

И встанет он на костыли,
душой и телом хвор,
а мы с тобой легко ушли
через помойный двор!

В ДЕРЕВНЕ

На дворе стояло лето.
На лугу паслась корова.
Щебетали птички где-то.

Агроном сказал: «Здорово!»
председателю колхоза.
Председатель не ответил.

(Накануне утром розы
поломал проклятый ветер.
План по розам будет сорван.)

«Иннокентий Евстигнееч! —
агроном с тоской во взоре
повторял, деревянея, —

у меня ржаное поле
унавожено отменно,
и в теплице сто магнолий...

Мы по валу непременно
будем первыми в районе,
Иннокентий Евстигнееч...»

Тот, вперев ребро ладони
в лоб, смотрел на Пелагею,
звеньевую, улыбаясь.

(Он забыл про агронома:
Пашка — девка молодая,
но лукава и ядрёна.)

Председатель грузным шагом
к девке подошёл вплотную
и взглянул довольно нагло.

Пашка сразу же смекнула
и, подняв с земли подойник,
отворила палисадник:

«Заходите же на праздник,
к нам, товарищ председатель!»
И они ушли под кровлю.

Затворились двери в доме.
И осталась лишь корова
с удивлённым агрономом.

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ

Постарел и в поликлинике
я дышу едва-едва.
Разучилась лира лирике,
только буквы да слова.
Только рифмы да созвучия
А продуктами труда
я всё родственников мучаю
да знакомых иногда.
В голове, как гнезда галочки,
чёрной зависти комки.
Состязаться бы мне с Галичем,
да кишки, видать, тонки.
Прокричать обериутом бы!..
Нет же, старость, враг уму.
В лире струны перепутаны.
Где настройщика возьму?

* * *

Наташе Илларионовой

При помощи районной Айболитихи
встав перед фактом встречи с червяками,
печальную колонну — на Калитники —
я лично бы повёл — вперёд ногами.
Но, словно мистер Твистер ошарашенный,
услышал бы: «Мы, право, сожалеем,
но нет *местов*. Кресты сто лет не крашены.
и теснотища, как за Мавзолеем».
Не светит мне престижное Ваганьково
и роскошь колумбария Донского.
Сомнительного пасынка Таганкина
кошерное не примет Востряково.
Катиться, видно, мне (*вперёд колёсами*)
на пепельную фабрику за город...
Но суть не в том. Как говорят философы —
важно не расстоянье — путь мне дорог.
Друзья мои! Потомки и сотрудни-цы!
Хваля меня, не хнычьте: неуместно.
Покойник был сангвиником, и улицы,
бывало, мёл он веником прилежно.
Мог рифму отчебучить — обхохочешься.
А плакать не любил, ну, разве, малость.
Ну, ладно, говорите всё, что хочется.
Я б сам сказал, да всё уже сказалось. —
Мне горько, — я сказал бы, — мне не солоно.
Я чту мою последнюю подругу.
Она сейчас откинет *косу* в сторону
и вам прочтёт чего-нибудь по кругу.

ИГРОТЕКА

Симпатичный ветеран
в игротеке служит.
Кому даст аэроплан,
тот над миром кружит.
Кто получит самокат —
носится по парку,
и проводит время вскачь
выбравший скакалку.
Кто куличики печёт,
кто тележку тащит...
Мне же добрый старичок
выдал карандашик.
Я спешу строку писать,
ибо жизнь — игрушка.
Игротеку закрывать
тащится старушка.

НАД НУЛЁМ ЮБИЛЕЯ

В премногом знании премногая печаль...

Экклезиаст

Я разменял августейшее утро,
в меру улыбчив и в меру глазаст,
велеречив что твоя Заратустра,
псевдомудёр ровно Экклезиаст.
Прóпита бóльшая часть состоянья
печени, почек и прочих частей.
Да и игра ведь не иносказанье,
что тут мудрить-то, я — старый кощей...
Г'ак наращу над нулём юбилея
(грек ли на игры мои поглядит!..)
Крюк ли для люстры, корвета ли рея
жизни банальной закроет кредит...
Так у наивных худых антиподов
Кука филе вызывало слюну...
Да, я о чём?.. Иль Сусанина подвиг
манит меня прикорнуть под сосну
в дикой тайге аж за дачной уборной
с патриотической рифмой в руке
(«кассу» и «квасу», к примеру, в которой —
напоминание о Маршаке)?..
Или душа истекает из тела
(ей от которого польза ли? вред?..)
Яблоко к Ньютону оттяготело...
Мытый из ванны сбежал Архимед,
вес обретя... Позывные пищали
по-попугайному мне «у-лю-лю!..»
Лишнее знанье — эмблему печали —
личным невежеством лишь утолю.

ПОВОД К ПЕРЕБОРУ

Ещё не вечер. Как бы рано.
Но вот с косилкой за плечами
гляди, грядёт седая краля,
как внешний повод для печали.

А это повод к перебору
воспоминаний и итогов.—
Memento, знаете ли, *mori*, —
замечу, лысину потрогав...

Чужой на скачках и на дудках,
в графе «игра» я ставил прочерк
и избегал углов бермудских
посредством циркуля и прочих —

правил ли, правил ли, лекал ли,
линейных или квадратичных...
А кое-кто навеки канул
и сгинул в *нетях* непрактичных...

Итак, поблизости от гроба,
тропа к которому просторна,
поводит усиком утроба,
жратвы поводырь до уборной.

И я, утробы той хозяин,
усвоив варево и пиво,
вдруг озаботился: нельзя ли
дожить и помереть — красиво?

Не на смертельную простынку
нагадить, булькая со страху,
а ту, с косою, пнуть ботинком
и рухнуть — гордо, как на плаху..

Но провалявшийся на псине
то на спине, то с боку на бок,
я позабыл о звёздной сини
и притерпелся на ухабах.

Не выдаётся гроб на-вынос
под жизнь, забитую узлами,
и не мечты невыполнимость,
а **н**еразнузданность желаний

мне не даёт — подняться с места
и вдеть ступни в ночные туфли...
Я оседаю, точно тесто,
перестоявшее на кухне.

Когда луна была почти на
три пятых в туче, вдалеке
прошёл немолодой мужчина
с тяжёлой сумкою в руке.
Кругом вертелась жизнь иная,
там целовались все взасос...
Мужчина шёл, перечисляя,
в уме, что в сумку улеглось.
Лежали в ней грибы опята,
пододеяльник и штаны.
И в тучу две последних пятых
упали медленно луны.

ВРЕМЯ БУКВЫ (LXII)

*Г'ак наращу над нулём юбилея
(грех ли на игры мои поглядит...)*

2002

Не делающим годы из недель,
пожалуй, наперёд и невдомёк,
что Время **Ч**, запав на букву **Л**,
немедленно берёт под козырёк.
И вот: физрук облапил пузырьёк,
заранее картуз надев на крюк,
и бросил прямо в мыльницу упрёк,
что рюмки отбиваются от рук.
А та — что твой Юпитер — полыхнув,
не ждя от туч ни снега, ни дождя,
высвечивает комнату, где внук
кусает заводного медведя.
Но школьный год, заносчивый, как дог
среди бравурных спутниковых нот,
в кривые траектории дорог
увязывает грозный небосвод.
Но — монолиты грузные грядут.
И — грустно: ни берёзок, ни осин...
Вот здесь была молочная. А тут
когда-то продавали керосин...
А знает ли зелёный молодняк,
ещё не наторевший во вранье,
какие кадры жгут и молодят,
слегка расфокуси-рован-ные?...
Что время — миг, а прочее — кино?
Что слиты мы и — разъединены?...
Что Память и Отечество — одно,

и что его отравлены дымы?..
А буквы **Л** ещё не старый лик
смущён необъективностью зеркал,
предотразивших крест Андреев, **Х**,
да резких **Г** двойную вертикаль
беззвучную... Но — судя по всему —
на время — **Ч** отложит свой вердикт,
пока непредсказуемую тьму
намыленная молния свербит.

2004

Катастрофически быстро старею.
Одышка, отрыжка, боли.
Интересы стремятся к нулю.
Безразлично: русские или евреи,
мегаполис или чистое поле.
Ничего не хочу и почти никого не люблю.
Неинтересно писать диссертацию.
Постоянно хочется есть или спать.
Был бы враг — всё бы простил и врагу.
Черепушка оголилась почти что нацело.
Зубцами железными лязгает пасть.
Даже ритм стихотворный выдержать не могу.
Зрение тоже и музыкальный слух...
Я так и не выучил ноты!..
Запинается устная и печатная речь.
Еще считаю, но уже только до двух,
дальше одолевает дремота.
Пенсию! Пенсию бы и лечь.

Чахнет душа в усыпальнице смысла.
Сохнут мозги на верёвочке лет.
Что было сладко — становится кисло.
Что было кисло — сходит на-нет.
Всё тривиальнее *тропы* метафор:
в Рим не ведут, а скорее во тьму.
Как там говаривал визирь — «*Мута́бор**»? —
Незачем. Я не *подельник* ему.
Нет! Измененье изменой чревато...
Как мезозойский паук в янтаре
или *калиф*, позабывший цитату,
я навсегда остаюсь в январе.
Что-то бубню, натянув рукавицы.
Кашель — простуда, не старческий хлип.
Я ещё рыцарь. Я ещё витязь.
Я *ого-го* ещё, *знаете ли!*

* *Mutabor (лат)* — я изменяюсь.

КОГДА-ТО...

Напротив памятника Пушкину
кафе-молочная. Я там
машу сосискою надкушенной —
как бы указываю ртам
режим и ритмику жевания:
альты — *ням-ням*, басы — *хруп-хруп!*..
Жуют студенточки жеманные,
потом лицо платочком трут.
Смели два марципана щёголи,
два капитана в галифе.
Клыки, кренясь, у бабки *щёлкнули*,
она немножко подшофе.
А за стеклом моя милиция
законно алчет шоферов.
Шуршит бульвар тверскими листьями.
Лицо луны вздымает бровь.
В углу качнулся и уснул-таки
алкаш, как твёрдый знак загнут.
В «России» в Малом зале мультики.
Начало через семь минут.

МЕХМАТ

Март. Марок снег и чёрен.
Маревом мрака мерещится март.
Разочарованный, как Печорин,
я из марта вхожу в мехмат.
Ну и что? На лекцию сунусь...
Звонок: «Рассаживайтесь живей!»
Вьют лучи прожекторы-луны.
Доска в интегральном кружеве...

И вижу: мозг XX века,
известнейший академик — сам! —
Вселенной подняв тяжёлое веко,
причёсывает космы космосам.
В другой комнате, чётко очерчен,
символ сплетением мысли всплыл
и взвился весело бешеным смерчем,
втиснутый в скобки логических сил.

В третьей машины скрежещут зубами,
с непосвящённых сорвав покой.
Могут — плантации, плазму, пламя —
выдать цифр спокойной строкой.
И — разочарованность вдруг исчезла.
Я верю в мехмат! Я мехмату рад!..
И весна указала зелёным жестом
дорогу, куда направился март.

Веронике Кацнельсон

О мои однокурсники!
О мои одноклассники!..
Где спортивные курточки?
Где повальные «классики»?..
Где похвальные грамоты?
Предзачётные бдения?..
Кто — ослаб по буграм идти,
кто — снижает давление.
Кто сердечный, кто почечный,
кто — кишечно-желудочный...
Кто сражён одиночеством,
кто *увнуген* до ужаса...
Нас бессрочно задвинуло
в темь; теперь не по-прежнему!..
Доля отдана львиная
нагловатым тинейджерам.
Да и шарик игрушечный
подпалённый да плесневый
старичкам со старушками
не катать уже с песнями.
А катать на колёсиках
мощи дряблые трезвые...
В телевизоре классику
разжуём ли протезами?..
Лица сухи и слепеньки.
Лапки спрятаны в валенки...
О мои односклепники
и однокатафальники.

ПАМЯТИ А.Г. КУРОША

Был лыс и много пòжил.
Положил
на кафедру зелёный том со стуком
(как гоп — со смыком).
Вытащил платок, как фокусник,
из заднего кармана
и, развернув, чтоб видели: он пуст,
то есть всё будет чисто, без обману,
платком закрылся,
что-то протрубил
мажорное.
Платок сложил и спрятал.
Коснулся круглой лысины рукой.
Задумался.
Провёл по ней перстами.
И, глядя как бы в суть вещей, сказал:

АЛГЕБРА ШЛИФУЕТ ГОЛОВУ!

Затем нам начал лекцию читать
о способах решения систем
линейных уравнений,
там, про детерминант и что-то вроде...
И это был лишь первый шаг пути.
А где-то там, далёко впереди,
сияла **ТЕОРЕМА О СВОБОДЕ***.

* Известная теорема А.Г. Куроша

ИГРЫ ДЕТСТВА

Матки-матки, чьи заплатки?
Чижик, ножички и прятки.
В расшибалочку, в лапту!..
Кто заступит за черту?!..
Как воспоминанья зыбки...
От лягушек в пальцах цыпки...
Быстро в штандер, раз-два-три!..
Вашу зелень! Стой, замри!
Неотвожа-краснорожа,
не скажу на что — похожа.
Кто не отводил — хана:
ну-ка, *коготь-локоть* — на!
Чира в пользу подающих.
Эй, в колдунчики! Не жучить!
Ну — в войну! Вперёд, отряд!
Кто за мной — не виноват!

Вот переулок
перерыт канавой.
Движенья нет.
То есть, автомобилей.
А я иду.
И вдруг его узнал я!
Вот здесь,
среди заброшенных развалин,
гулял я с Мишей много лет назад.

И это называлось
«заблуждаться».

Вот так наткнушь когда-нибудь на книжку
(на записную), да хотя б на эту,
и вспомню:

— Да! В таких когда-то книжках
любил писать я,
так сказать, «стихи».

И это называлось
«вдохновенье».

НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА

Недолговечная поездка
на конке времени гнилого
на тарантасе-таратайке,
на колбасе и на дуге.

И вот уж транспортное средство
трамваем Юрия Живаго
пошло на круг и встало к стенке.
У гильотины. Буквой Г.

Откуда ни возьмись — кондуктор
в сопровожденье контролёра
листаёт липкие билеты,
как лотерею, наугад.

Он улыбается, как будто
он знает истинную меру —
кому в расход, кому в болото,
кому вперёд, кому назад...

То, как садовник, взяв секатор,
сомнанбулический лунатик,

он ходит, щёлкая, по саду
и ищет спелого плода.
А контролёр, как экзекутор
или судебный исполнитель,
на невербальную беседу
препровождает в никуда.
Пускай же кто-нибудь расскажет,
в чём смысл такого поведения.
А может, нету контролёра,
и наша жизнь — одна игра?..
Не вылезайте вон из кожи:
хоть так, хоть этак — до свиданья.
Пусть вам до следующей химеры,
а мне, наверное, пора...

* * *

Мы были гетами и гуннами,
а стали хлебом и золой.

В. Пугков

Мы были русскими, евреями,
украинцами и мордвой.
А станем ветками сирени и
водой прозрачной ключевой.
Увянем, как цветки и листики,
и утечём, как та вода.
Всё без надрыва и без мистики.
И, вероятно, навсегда.

ГОЛОЛЁД

Ещё на двух ногах, живой и целый,
с двумя глазами (минус полтора)
я тороплюсь всё к той же самой цели,
к которой торопился и вчера.
Мне эта цель — как яблочко мишени,
в упор раску-сы-вае-мое мной —
пока сервиз не кокнули колени
на плоскости наклонной ледяной...
Ещё по скользкой я качусь дорожке,
смакую предпоследний пируэт,
а за углом уже дежурит неотложка
и шеф огрызок выбросил в кювет.

* * *

Есть такие человеки,
что ведут себя, как тигры,
или беркутом могучим
камнем падают на мышь.
А другие — как чайнки:
в остывающем аллегро
по кругам плывут горячим
чтобы только не шуметь.
Я себя отождествляю
с засыхающим листочком,
но не дуба или клёна,
а осины, например.
То ли справа, то ли слева

грянет мусорщика тачка,
загребая неуклонно
всякий скрюченный предмет.
Я колеблемей осинки,
незначительнее пешки,
мне, листку (но и примату),
сотрясает тонкий ствол
этот грохот предпоследний
устрашающий и тошный,
и нелепые приметы
завершения — Всего.

Например, уполномочен
дуть безошлинно, безданно,
ветер августа беспечно
рвёт прозрачный мой скелет.

♪ *А когда настанет ветер,*

♪ *я пойду бульваром сонным*

полахать костром пахучим,
подыхать на веки лет.

ОСИНОВЫЙ ЛИСТИК

Анатолию Ларионову

*

*

*

Осиновый листик

летит к пигментологу:

— Я что-то желтею, я что-то краснею...

И мне не *трепещется*, рыжему, долго.

Зелёный — был хват. А теперь — посмирнее...

Парили пушинки (блестел я упруго),

стрекозы шептались о чём-то своём...

Верните мне, доктор — прошу Вас как друга —
мой вид и фактуру, мой цвет и объём!..*Пигментологиня* помажет микстурами.

Помашет рецептом, пронзительно белым.

Инъекцию сделает против простуды.

Прилепит полезный компресс между делом.

Примочку из охры

с сиреневой мазью смешает

и предупредит рецидив...

А листья багряные

сыплются наземь,

и куколки спят

в паутинках

седых.

Секунды притворяются невредными,
но щёлкают зубами-карабинами,
как индикатор радиоактивности,
мигают многоточиями красными.
Минутки притворяются нестрашными,
малютками повышенной красоты,
компьютерами в ваннах керосиновых
лелеют постулаты Архимедовы.
И предстают смертельные заведомо
week-end'ы байбаками безобидными,
карманными такими пятилетками,
урывками дискретного столетия.

Как игрушечка нам космос упакован.
Мирозданье, как лакей, предупредительно.
Окна-двери облицованы подковой
(а лягнёт — так ведь для пользы и развития).
Все персты укажут путь, идти куда нам.
Что ни нотка, то аккорд или мелодия.
Каждый кустик расцветает *икебаном*.
Всяка буковка *гигас* из-под Мефодия.
Так и двигаемся в нужном направленьи
с подходящими знамёнами и песнями,
авангард очередного поколения,
неизбежно выбирающего пенсию.

* * *

...И в мрачных пропастях земли

А.С.Пушкин

Ваше дело молодое: верить Богу.
Исполать вам, молодые, исполать.
Помолитесь: Он укажет вам дорогу.
Может даже Благодати ниспослать.
Наше дело стариковское: работать,
ни на бога уповать, ни на судьбу
и влачить свою умеренную похоть
на материалистическом горбу.
Нас крестом не осеняет всемогущий,
купина не опаляет и не жжёт.
Пусть не ждут ни эмпиреи нас, ни кущи,
но зато и преисподняя не ждёт.
В пустоту глядеть легко нам без боязни —
канем все туда — моли иль не моли.
Так ли небо это светлое прекрасно?
Так ли мрачны эти пропасти земли?

НЕ ПО ЛЕТАМ УЖ...

Это не по летам, другое не по летам... — Чепуха!
Хоть и старый я хрен, но от жизни не прячусь в испуге.
И того гляди, не знаком с боязнью греха
(кроме страха УК), обращаюсь к услугам стиха,
если можно считать стихом мои «творческие» потуги.

Прошепчу — верлибром, рифмованно ли, белó
не на фоне волков — я заметьте, по крови тоже
из породы другой. Но я выпью, коли взбрело
в ум, как тот, кому за флажки рвануть повезло.
Волки, не волки — все воли хотим, в чём похожи.

Мне ничего не страшно, и что разводите балаган.
Я же ещё всю оного, см. выше, вторую строчку.
Музу мою узнаю по ритмике, по шагам.
Крепок, бодр и могуч, как Гёте Вольфганг Иоганн,
но вложен в иную — свою — телесную оболочку.

Так что всё хорошо, так сказать, уверяю вас.
Даже мокрый октябрь почему-то смотрится маем.
погрустим, конечно, но только давай не сейчас —
некогда! И пока светло и не барахлит матчасьт —
нам всё ещё по летам. И мы ещё летаем.

СВОБОДА ТЕПЕРЬ

Брожу среди улиц. Имею
свободных часа полтора.
И рад, как похмельный Емеля
со сказочной шукой с утра.
Завязаны тучи узлами.
Термометер косит на нуль.
Свобода! Ведь это же знамя,
которому я присягнул!
Что ноль! Мне сегодня и минус
не сможет испортить досуг.
Вот жаль, телефоны сменились
за сорокалетье — подруг.
Но я пересилю досаду
и приступ тоски перебью.
Но я на бульваре присяду
на редкую ныне скамью.
Всё так же, как прежде, красивы
фигуры отзывчивых жён...
Бутылку прохладного пива
открою карманным ножом.
Опять оттеняет барокко

деревьев потухшая медь.
Я тут проторчу одиноко,
покамест не станет темнеть.
Вот в сумерках пара за парой
взлетят, обнимаясь, в зенит.
Старушки побрякают тарой.
Трамвай чем-то там прозвенит.
Потянет сырою прохладой.
Бабуси посуду сдадут.
И вот — притягательно сладок
домашнего дыма уют.
Пора возвращаться к покою.
Метро. Телевизор. Постель.
Так вот она, значит, какую
Свобода предстала теперь.

МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Он думал: ведь, у меня всегда была
неплохая наследственность; мне,
может, осталось прожить целую жизнь —
Лермонтова, на худой конец, Галуа.
Неужели этот остаток, довольно большой,
будет всё темней и темней?
Неужели же так ничего и не сварит
ржавый мой котелок, лысая голова!
В ней же бессменной династией
издавна проживают цари.
Да и сам я, хоть, может, и червь, но бог,
сам себе и маяк, и маньяк...
Где ж ты, мой старенький добренький Фауст,
где вы, мои молодые *Мцыри*?
Где, наконец, моя первая гамма, лемма,
первая теорема моя?..
Так размышлял он, то глаголом, то интегралом
размахивая, как шашкой на всём скаку,
к годам переменного возраста прибавлял
то семёрку, то тройку, а то пририсовывал нуль.
И пока он об этом мечтал и думал,
всё метался северный ветер
по пустому его *гердаку*,
и он позабыл, о чём же он думал,
что было, что, может быть, будет,
и постепенно незаметно уснул.

РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО

Сергею Стрункову

Соответствует конец всякому началу.
Сменит солнечный разгул — сдержанность теней.
Раз отправленные в путь приплывут к причалу...
Тело тленно. А душа? Что-то будет с ней?..
Может быть, сорвётся в ад и пойдёт кругами,
или взреет в небеса — пребывать в раях...
Душу то ли подпалит, то ль согреет пламя.
Что же опалить ему, если тело — прах?!..
Нет, негоже жить душе в бестелесном небе.
Только в теле чьём-нибудь или — никогда.
Неужели ж я не прав? — Подтвердите, ребе...
Ну, вот видите: кивнул, это значит «да».
У переселенья душ, может, в том и сила,
что, минуя рай и ад, урну или гроб,
только выдохнешь, и — глядь: ты уже бацилла.
Может, правда, человек. Или, скажем, клоп.
Чуть со свечкой на груди в пиджачке из ситца
очутился на столе, смертью удивлён,
а микроб твоей души уж пошёл делиться:
ты был Вася. а ему имя — Легион.
Значит, делится душа так же, как и мясо:
одному микробу честь — ум другому... Стоп!
Я же это проходил, чуть не в первом классе:
каждый вирус неисчер-
паем, как микроб.
Осознав такой *куништюк*, выпьем пару пива:
где-то был копчёный лещ, жирный и большой...
Это ж прямо-таки жуть, просто *энтропия* —
так рассеяться в ничто — телом и душой!..

* * *

Время — как в бочке, где пробка пропала.
И — под напором под необъяснимым —
годы что клоуны; месяцы — мимы...
Кронос худой, уходи с пьедестала!

Детство прольётся и молодость — мимо...
Станешь ли ты королевой Непала,
или — введёшь *постулат Серафимы* —
мне ничего не покажется мало.

Кроме, однако, верховного смысла:
где он? И, может быть, хватит морочить
головы наши оскоминой кислой,

будто он — есть. И не лучше ли — прочерк
жирный проставить в заветы, скрижали?..
Время уходит. Года пробежали.

ЗВЕРУШКА-66

Он крадётся, кренясь,

на нестёртых шестёрках кривых.

Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.

Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.

Ловок, хищен, незрим...

Может быть, он блефует? — проверьте!

На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,

он в преддверии бури бравурную гриву развесил.

Даже ночью, и в дождь сокрушительен жар куража.

Не жалей. Не залей! Он поэт, он поэтому светел.

Шесть столетий, спустя рукава,

просвистят, как пустяк.

Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..

И шестёрки расчистят тропинку, что стала — СТЕЗЯ,

здесь он пасса младенцем,

под стулом, на лысом паласе...

Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.

Он писать приспособится,

писать притерпится в тазик...

— Что же делать, скажите?.. — Попробуйте аперитив.

А потом — попытайтесь сомлеть

в эксклюзивном экстазе

Бедняцкое детство: цемент и песок.
Экранное действие: то Смит, то Вессон.
Любимая, что же ты?.. — Прядь на висок.
Протяжная нота... Корнет-а-пистон?..
Волшебные будни у сладких колен.
Вербальные бури brutальных коллег.
Брожение. Бурление. Схождение на нет.
Созвездия неба. Планиды планет.
Мельканье раздолбанных вёсен и зим.
Очки. Валидол. Тазепам. Амнезин.
Видений мелькание. Вечности гимн.
Две даты на камне. И урна под ним.

* * *

Ещё вчера цвели цветочки,
и всех ждало назавтра — завтра.
А нынче оказалось вот что:
идти приходится в отставку.
И, чтобы к небу не взлетели —
мечта ли, чувство ли, звезда ли,
засунь их в логово постели,
закутай в душном одеяле.
У человечка отставного
уж ни волнения и ни гнева.
И что ни вечер, то обнова:
то кости хруст, то тики нерва...
У отставного человечка
зовётся пенсией получка,
и еле тлеет, точно свечка,
в штанах мужская закорючка.

МАЙ

Я был математиком. Даже алгебраистом.
И дворником снег с дорожек сметал в сугроб.
Курильщик «Пегаса», его подозвал я свистом,
назвался поэтом и в кузов листочки сгрёб.
И, оптимизируя неопасные связи,
активность пестовал, лелеял её накал.
Фиаско терпел, порою взлетал в экстазе.
И кое-что человеческое создáл.
Законы, указы и прочие директивы
я впаривал фирмам, налоговым и судам.
И был, или, может, казался таким счастливым,
что фору, казалось, любому задаром дам.
Я был домашним тираном как *дуге даги*.
В углу за титаном кроссворды решал, куря.
Я был *безделушечным мастером*...

В общем, начер-
но прожил сотню смешных биографий зря.
Несыт недосыпом, у монитора кемарю,
а то, что ваяю — ни то, ни сё, ни поп-арт...
Но маяться май мне велел, как и всем, кто в мае.
И маюсь я радостно, и, бывает, рифмую впопад.

БЕСПАМЯТСТВО

Близится осень. Брюзжит, сердится.
Листья скукоживает всё злее.
Жизнь на исходе. Грядёт 70.
С чем ковыляю я к юбилею?
Десятилетия за десятилетиями —
чем я был занят? Какою хренью?
Что — в результате? Каракули эти ли?
Пара-пятёрка стихотворений?..
Взмыть ли в гордыне? Почить в скромности?
Даже не знаю, как строить фразу...
Где вы, события? Ау, подробности!
Время — дискретно: от раза — к разу.
Ждёт ли геенна меня, небо ли —
всё одинаково далеко мне.

Со мной никогда ничего не было,
потому что я ничего не помню.

ПО ЗАМКНУТОЙ СПИРАЛИ

КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ

Ольге Постниковой

В первые годы после отмены кофе
я иногда, по праздникам, нюхал банку
и вспоминал безразвратно прошедшую юность,
активизируя носомоторную память.
Но постепенно таял кофейный запах,
юность казалась чем дальше — более пресной,
более трезвой, лёгкой, как сновиденье,
и, наконец, безуханная, потерялась.
Всё это шутка. Кофе не пил я сроду.
Банку стеклянную расколотили дети.
И никогда-никогда молодым я не был,
а с седой бородой рождён 50-летним.

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ

Я, вроде, совсем здоров и кормлен, как на убой.
Но семьдесят тощих коров сон будоражат мой.
Семьдесят тощих коров, одна костлявей другой,
под собственный жалкий рёв проходят передо мной.
Им твёрже камней корма, пустыня — уют и приют.
За ними горы дерьма — пейзаж создают.
А далеко вдали, среди заливных лугов,
за круглотой земли — стадо тучных коров.
Млеко их — чистый мёд. Кличка им — легион.
Что ж ни одна нейдёт в мой повседневный сон?..
Одних лишь тощих коров я вижу перед собой,
хоть совершенно здоров и выкормлен — на убой.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Поэты не скользят по высям,
вкусив изысканных сластей,
а, в прозе ползая, зависят
от усмотрения властей
Поэзия была игрушкой,
усладой дам, занятьем зал,
пока не появился Пушкин
и ей пути не указал.
Но как случилось, что забава
вдруг крылья обрела и пыл?
— Властитель слабый и лукавый
на миг поводья отпустил.
Зато потом её прижали
застой, реакция и мгла,
а то — какие бы скрижали
она надиктовать могла!..
Но вдруг серебряною нитью
зажглась поэзия опять,
являя новые наитья,
уча смеяться и рыдать.
В те времена Россия в корчах
рожала жаркую зарю,
и было не до стихотворцев
ея последнему царю.
А как заря пришла — искусство
взяла железная рука,

В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ

Матюгов над щами реяли демоны
с никотином пополам.

Начальник, сильно разгневаны,
повторяли: план, план!

Токарь и швея-мотористка
касались коленками. Бугор врал:
— Нам не надо безумного риска,
в понедельник общий аврал...

1982

УЛИЧНОЕ

Разноцветного фонарика принимали в светофоры.
Обещал он всем торжественно не мигать по пустякам.
Познакомился с напарником, через улицу который,
и включил свои прожекторы — взад-вперёд и по бокам.
Он очами глянул яркими на две улицы и площадь
и трёхцветную палитрою мазанул поверх столбов.
Непонятно птицы каркали (хоть чего, казалось, проще б!)
Проходя, девчонка всхлипнула (неужели про любовь?!)
Своевременно и вежливо он мигнул, как бы для пробы,
и слегка поёрзал винтиком по резьбе, где перекося.
А на красный к неизбежному шли две юные особы.
А зелёный жук (провинция!) на зелёный переполз.
Но события стремительно развивались и крепчали,
хоть ещё непоправимое не обрушилось — пока
возвращавшиеся с митинга что-то скверное кричали
и пока ещё не вырулил *автозак* из тупика.

Вкусно мастера потчуют власти,
чтоб он кисточку верно держал,
чтоб перо поберёт от напасти
и крамольную ноту не брал.
Сыт поэт чечевичным обедом,
пьян прижизненной славою бард —
вот и ладушки! Снова победа
за тобой, боевой авангард.
Эта верность художника хлебу
и нескудно дающей руке
вознесёт его, может быть, к небу,
как пророка в гремящем возке.
В этом небе, где будничен праздник,
где красна не заря, а — звезда,
сколько их, нехороших и разных!
Что их гонит — похлёбка? беда?..

1986

ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ

Ни дня без строчки — кто сказал?

Портной.

Ни дня без точки?

Ясно, что точильщик.

Ни дня без пачки?

Может быть, курильщик?

Нет, балерина.

Как! А в выходной?..

— Ни дня без вышки?

— Мастер буровой?

— Палач, дурак!.. Ни дня без почки?

— Фито-

патолог, что ли?

— Нет!

Хирург из ЦИТО.

В мадере почки жарит он порой...

Ни дня без качки?

— Нянька?

— Нет, матрос.

— А может, спец

по правовым наукам!..

(стук)

— Кто там стучится?

— Тоже мне — вопрос!

Стукач, конечно —

чтоб — ни дня без стука.

ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ

Я из дому выхожу. Я иду в магазин за углом. Надо жёлтого масла купить. Я спускаюсь по лестнице вниз — 21 ступенька: очко. Вижу два чугунных столба. По ним плывут отбросы внутри, целые реки дерьма. У них круглые набережные. По берегам стоят ватерклозеты, это — порты отправления. Но я наверху, я над ними, и могучий насос не утянет меня на ужасную кухню, где из вонючих отходов варят жёлтое масло. Я выхожу во двор. В окне барака напротив синяя девка сидит, чай кипит на газу. Непроизвольно роняю слезу, ухожу налево. На моём пути магистраль. Там оседлали шофёры пахучие грузовики. Там кошки ходят друг к другу в гости. Там трупы пьяниц лежат и стоят. Они дышат ещё не готовой блевотой. Но жёлтое масло влечёт меня, и я бегу вправо, скорей. Вот — магазин! Взоры разинь прикованы к лавке приёма посуды. Лысоватый очкарик с умным лицом из ниоткуда достаёт голубую бутылку: он будет пахнуть как те. И я почти что на животе вползаю в нужную дверь. Хочешь верь, а хочешь не верь: мне привалило счастье. Я вошёл, увидел и приобрёл очень приличное жёлтое масло!

...и почти не пахнет тленом

Лариса Миллер

Там, где Герцен с Огарёвым
присягали на любовь
(а потом один другому
уступил свою жену),
там теперь *брагут* пары
(ритуал у них таков)
и в житейские бросают
волны (камушком ко дну).
А на дне житейском этом
не кладбище — там уют.
Тот, отвергнутый Поэтом
(то же самое — покой).
Там, в игрушечной Вселенной
годы сладкие плывут,
и почти не пахнет тленом
(тоже сказано не мной).

1998

К ХОЗЯЕВАМ

Волки не мы, нас давно приручили.
Киньте нам палку — и мы понесём.
Врежьте нам палкой, чтоб лучше служили —
мы и не взвизгнем, виляя хвостом.
Нет никого нам дороже и ближе.
Лейте помой — мы выпьем за квас.

Чем повернётесь к нам — то и полижем.
Только издохнете — взвоем по вас.
Если ж вас кто-нибудь матом обложит,
Мы зарычим, обнажая клыки.
Дескать, хозяин не так ещё может,
скажет: «Возьми!» — разорвём на куски.
Скажет: «К ноге!» — мы опустим приклады.
Скажет: «Тубо!» — значит, всё хорошо.
Много не надо нам — косточке рады.
Ну, и к окладу б червончик *ишишо*.

1983

КЛАССОВЫЙ ВРАГ

Мой классовый враг — гегемон гегемоном,
поллитру за милую душу он съест,
в дублёрке, пропитанной одеколоном,
попрёт на такси делегатом на съезд.
Он явится бодрый на эту малину,
и в зале, рыгнув, он поднимет мандат
за то, что народную жрёт осетрину —
бесплатно! и Главному — кореш и брат.
За то, что он свой безусловно и в доску,
за то, что он строить готов и крушить,
его отоварят в закрытом киоске —
ковром и селёдкой — даёшь дефицит!!..
Вот он — обеспечен икрой и салями,
увенчан кишкой туалетных бумаг.
Товарищи! Социализм перед нами!
Не слишком ли *развит* наш классовый враг?!

1981

КОНФОРМИСТЫ

Бригадир овощеводов из башкирского совхоза,
тунеядец без приводов, исцелённый от психоза,
продавщица в магазине, члены МОСХа, ССП,
воры, гении, кретины, генералы и т.п.

1977

ФАМИЛИИ

Жил я тихо, никого не трогал,
но меня в смятение поверг
мрачный факт: Корнеев — это Коган.
А Исламбердыев — Мандельберг.
Я — хоть не похож на дебошира —
сионистский разгону дурман:
Сидоров — по бабушке Шапиро,
а его борзая — доberman.
Разогнался — и не остановишь —
по асфальту склизкому Пегас:
Иванова — это Давидович,
а Петров — я извиняюсь — Кац!
Боже мой! В какие палестины
полетело всё, что я люблю!
Оказался Блюмкиным Устинов,
стал Нечипоренкой — Розенблюм!..
Не могу смолчать, не похвалившись,
(как всегда, когда иду на рать!):

я узнал, что Кузькин — это Лифшиц,
в документах указавший мать.
Кузькин! Мать твою — не позабуду,
ибо — показать её резон
всем, кто как бы наш, а сам, иуда,
ежели не Зак, так Либерзон!

1986

МЛАТ

Так тяжкий млат,
Дробя стекло, куёт булат.
А.С. Пушкин

Млат колотит вдребезги стекло,
горный и искусственный кристалл.
Радужное время истекло.
Острый век осколочный настал.
Млат ведет весёлую игру.
Что ему — осколков водопад!
Млат — мастак не только по стеклу.
Млат куёт другой такой же млат.
О моя прозрачная страна!
Зеркала, приборы, витражи...
Пред тобой молчания стена.
Прозвени! Хоть что-нибудь скажи.

1986

Мещанское, но всё же счастье
зажгло, казалось, абажур.
Пока вполсили миллионы
ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы,
а рукописи — не горят,
и в скучной суতোлке службы,
между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный
вставал из пепла чертежей.
Но пробил час нечистой силы,
всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло
меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский:
«Я стала ведьмой. Не ищи».
Да как найдёшь тебя в советской
полярной ночи и глуши!
Ни гром, ни ветер не ответят,
где труп твой — сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит
за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей,
круша сознанием бытиё,
и всё живёт и побеждает
афёра вечная её.

МУЗЕЙ

(Из архива бывшего плохого,
а теперь хорошего поэта)

Заходите, пожалуйста, это — дом поэта.

Д.С. Самойлов

Мемориал ещё закрыт: пока что я живу,
Пожалуйста, умерьте прыть, не лапайте вдову.
Ещё ремонта не было, из всех щелей сквозит.
Нет подходящей мебели: на даче реквизит.
В квартире грязь не убрана, гори она огнём.
И дерево не срублено над знаменитым пнём.
Тетрадки нет линованной для рукописных нужд
(в ней будет *бред рифмованный*, который *массам тужд.*)
В спецхране не пылится крамольный экспонат.
Убавьте скорбь на лицах: не мученик не свят.
Сперва дождитесь акции, чтоб я хотя бы сел.
Пока прогнозы так себе: завал подобных дел.
Как сладко вам поплачется в кругу моей родни,
когда, как всюду значитесь, за мной придут они.
Сквозь смрадное дыхание грядущих понятых
мне судорога заранее уродует поддых...
Вот-вот всё будет кончено. А вам пора бы знать,
в чьей лапе перепончатой музейная печать.
Пока что не зевайте, закупайте фимиам.
Когда здесь побываете — валяйте в филиал.

Наверху идеологи видные
завершают идей торжество.
А народ — ровно девка на выданье:
Кто-то завтра потопчет его?
Кто возьмёт в рукавицы ежовые?
Кто по жопе легонько лягнет?
Кто метлой разухабится новой,
той, которая чисто метёт?..
И народ ровно девка потупился
и готов уже скинуть штаны.
Не робей, идеолог, получится!
Вновь в неволе размножимся мы.

1983

ДЕЙСТВИЯ

Человек встал от стола.
Отложил авторучку.
Подумал с тоской про премию и получку.
Поинтересовался через стекло —
о чём стрекочут скворцы.
Вынул из ящика и пососал
зелёные леденцы.
Ногой пододвинул стул к столу.
Чихнул. Постоял у дверей.
Радио выключил.
Взял авторучку.
И в пятой графе написал:
еврей.

1977

СЫНЫ

Сеансы связи с Вашингтоном
помехами заглушены:
гудят по номерным конторам
России верные сыны!
Они не жнут тяжёлый колос,
не забивают звонкий гвоздь,
чтобы не врал нам вражий голос,
незванный агрессивный гость!
Сынов победные диоды
сродни штыку и топору.
Как ненавидят их шпионы
и резиденты ЦРУ!
Сыны им спутают все карты
и тех, чьи помыслы чисты,
спасут от грязной пропаганды
и оголтелой клеветы!..
Зато по запертым сортирам
Мои сограждане вольны
владеть очищенным эфиром
на частоте любой волны!

1984

ПОСЛУШАНИЕ

Мне говорят: усомнись — доверчиво я сомневаюсь.
Мне говорят: ненавись — я ненавижу любовно.
Надо ли мне ликовать — я безвозмездно ликую.
Надо скорбеть — посмотри: искренне я безутешен.

1972

НОГА ЧЕЛОВЕКА

Уже ни белого света, ни белых пятен.
Лицо и тело Вселенной — сизый синяк.
Ария света спета и всем понятен
всякий его закоулок, вздох, знак.
Гадко пищит козырных позывных утёнок.
Начинается с виселиц, как театр, Прогресс.
Трели, дыханье — весь реквизит потёмок —
реквизированы заревами АЭС.
Марсиане ловят прогноз погоды:
Нерушим и свободен стихий союз.
А там — по известным дорожкам — паучки-луноходы...
стукачи-сороходы... говнодавы *russes*.
И вот, своего не достойная века,
мысль исподняя в стоперстой кишке живёт.
Такая:
ЖИТЬ ВСЁ-ТАКИ МОЖНО,
ПОКА НОГА ЧЕЛОВЕКА
ЕЩЁ НЕ СТУПАЛА
НА МОЙ ЖИВОТ.

1985

ЭПОС И ПАФОС

Дан допинг спортсмену и кофе Бальзаку,
и зелье шаману, и водка Джек Лондону,
но радужный вздор дорогого дензнака
не дан моему вдохновенью холодному.
История сожрана эпосом ложным.
Растрочен весь пафос на склоки и жалобы.

Пегас мой замучен мочалом подножным.
 Чья муза бы пела — моя помычала бы!
 Конечно, я знаю, на что я надеюсь,
 когда я тачаю безделки бесплатные...
 Но Эпос и Пафос — как Фобос и Деймос —
 то грянут из прессы, то канут, неладные.
 Отставленным локтем встречаю опасность,
 вминая коленку в ступеньку троллейбуса,
 и прячу — до встреч с контролёрами — пафос.
 Продолжим наш перечень: время для эпоса.
 Дан Пушкин Дантесу и деньги Иуде,
 отгружены яблоки Еве и Ньютону...
 Да если б не знал я, как именно будет,
 то чёрта ли мне развлекаться дебютами!..
 Смирить бы гордыню горбатой гортани,
 алтыну и тугрику не соразмерную!..
 Но нет — я стартую. Швыряйтесь тортами.
 Меня не исправить и вышею мерою.

1985

ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ

Дамы, кавалеры,	драмы, адюльтеры,
бодрые попойки,	добрые помойки,
нудного ученья	трудное мученье,
дальние походы,	ранние восходы,
горные восторги,	гордые мосторги,
памятные ночи...	Молодость, короче.

1989

ПЛАТФОРМА... БОЛОТА

Мы в общем неплохо сыграли в Игру,
хотя и получше могли бы.
Тепло нам и сухо, и мечут икру
для нас наши красные рыбы.
Мы славно сражались — пора отдыхать,
пока ещё живы и в форме.
И весело нам хохотать и махать
и песни орать на платформе.
И радостно смрадный покинуть вагон,
а поезд — пускай (по спирали)
со свистом и воем уносится вон,
в свои неприятные дали!..
И вот мы в тиши, далеко от Москвы,
кругом комары да болота.
Мы машем руками вокруг головы.
Молчим. И невесело что-то.
И кажется, наш паровоз не ушёл,
и дым его с нами навеки,
и единогласно жужжание пчёл,
и люди не все — человеки.
И что не под силу куснуть комару —
пустяк для лавины и глыбы.
И что — архиплохо вели мы игру
и лучше едва ли смогли бы.

ЦИРК

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по благу и в кредит.
И вот — угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.
Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля...
Но вот — уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи —
там, репетируя, кровоточит упырь...
Коня! Скорей коня! Полцирка — за Пегаса!
Сперва — хоть пару слов, а там — да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.
Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо...
— Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..
Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, где следует — смеясь!..
А мы — под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и — кончен наш сеанс.

КАРНАВАЛ

ОТЛАДКА

из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.

Б.Ш. Окуджава

Когда я надену тапочки
и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище,
где витает в обоях бог.
Но не светлый, от века благостный,
влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям —
моли — не выйдет на связь.
Прогрессивен божеский промысел:
не кудесник, но — программист
по последнему слову Кроноса
оборудовал Парадиз.
Над клавиатурой скрючившись,
диодами осветив,
он выведет яркость ручками
и выйдет в интерактив.
Но ничуть не запахнет жареным
и почти не станет светлей,
когда полыхнёт скрижалями
неопалимый дисплей.
Под логином «ADMIN» — инкогнито:
без паролей и прочих виз,
бог разделит на файлы комнату
и загрузит на чистый диск.
Он введёт подправленный радиус
пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь,
предвкушая конец возни.

За квартирой — квартал, республика
и Вселенная вся, легка,
и хлопочет небесная публика
под мотивчик из ХТК*.
Ты прости-прощай, коммуналочка,
универсум родной, адью!..
Демиург мановением пальчика
всю материю свёл к нулю.
Вот сейчас он натянет тапочки
и дням подведёт черту,
и не жалко ему ни чуточки
Вселенную нашу, ту...
Юзер будущей генерации
протестирует интерфейс,
к фруктам-яблочкам просто-напросто
игнорируя интерес.
Райский сад разделил на секторы
и, как будто играя в блиц,
он уходит от вивисекторов —
до ребра бы не добрались!..
Всё в итоге опять по полочкам:
мрак на нижней, на верхней свет,
только нам в этом всём с иголки,
кроме ящика, места нет.
Что ж нас гонит — дрожать над безднами,
кейфовать, потупись в надир,
из грехов мироздания бедного
сотворивших себе кумир?

1986

* ХТК — Хорошо Темперированный Клави́р (И.-С. Бах, 1685 — 1750)

РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Распалась вся связка.
Времена, как баранки,
раскатились под шкафы и диваны.
Вот Футурум цепляется за ноги.
Вот Перфектум — в состояние нирваны.
Беззвучно беснуется Императив оголтелый.
Св. Деепричастие — в обмороке за буфетом.
А на чердаке — окаменелый, как Доротея —
корячится обессиленно Плюсквамперфектум.
В атмосфере плавает
восхитительное Безвременье:
Ренессанс вперемешку с Ампиром и Кичем...
Остановитесь, пожалуйста,
многоуважаемое Мгновение.
Вид Ваш очень уж необычен.

* * *

Не искушал меня лукавый
змеевиком партаппарата,
ни легкой должностью легавой,
ни персональной зарплатой.
Я не дудел в чужие горны
и, духом с буквою согласный,
не наступал себе на горло,
не подавлял в себе соблазны.
Но в кресле жизненном удобно
расположился — созерцая.
И как же мне легко быть добрым,
добра и зла не совершая!

1987

Качусь по родной икебане,
кругом пермяки да мордва.
огнями вечерними манит
меня Шереметьево-2.
Но в небо, а также по рельсам
не гонит пока что нужда,
не нужен мне берег еврейский,
Америка мне не нужна.
Хоть страшно, а всё ж не настолько,
чтоб выдернуть Паркину нить,
покуда гремит перестройка,
а гласность вопит и пьянит.
И что мне закон и суббота,
оклад и рабочая честь,
пока расцветает Свобода,
пока вседозволенность — есть!

1989

КАРНАВАЛ

Карнавал стартовал!
Веселись, стар и мал!
Посмешнее напяливай маску!
Был дурак — стань болван,
был чердак — стань подвал...
Жизнь была? — а теперь будешь сказка.

Вот проходит добро в облачении зла
(ну, его-то узнать мы смогли бы!)
Джентльмены
с утра забивали козла.
А забив, опознали в нём рыбу...

Удивительный мир!
Что ни правда, то — миф,
что ни шутка, то — истина злая.
Только скроешь кумир, на другой заменив —
«Маска! — слышишь, — а я тебя знаю!»
Стала пешка ферзём,
«Спартаком» — «ЦСКА»,
притворяется червою пика.
Кто свистал соловьём,
тот пустил петуха,
златоуст оказался заяка.

Карнавал! Карнавал!
Развлечений — завал.
Частный сектор раздула халтура.

Где-то лесоповал,
а у нас — карнавал!
Выше всяких похвал — режиссура.

Я без маски бреду. Я иллюзий лишён.
Я слоняюсь от края до края...
Кто в калашном ряду
с человеческим лицом?
— Маска! Я тебя, кажется, знаю.

1987

* * *

«Товарищ, я прозы не в силах сдержать! —
поэт признавался поэту, —
“Московские новости” — в руки б не брать!
Любую бумажку, но эту...
Куда ни взглянуть, ни подумать о ком,
повсюду смердящие *каки*.
Как — ныне б сплеча махануть кулаком,
отмстить бы за всё — после драки!..
Теперь же не страшно: всеобщий галдёж
и даже не рвётся где тонко!
А хоть замели бы — не вдруг пропадёшь:
как раз со свинцом напряжёнка.
Да будь я и лириком чистой слезы,
и то, запломбировав зубы,
я волком бы выгрыз советский язык
у тех, кто грешил им сугубо».
Так жили Поэты.
Товарищ и брат!
Последний парад наступает.
«Они в наших топках уже не горят!...» —
короткие волны рыдают.

КОСА И КУВАЛДА

Серп дорос до косы. А молот,
перекормлен свинцом и сталью,
стал кувалдой. Уже немолод,
он простил свою наковальню —
перестал применять насилие,
рукоять осыятил распятем.
«Эх, напрасно мы всё косили!» —
повторял перед рукоятью.
А коса (бывший серп) сломалась:
ей к асфальту не дали доступ.
И её приспособил малость
коммунист один, переросток,
коммерсант моего призыва
(но меня не туда призывали).
Он (косой) открывает пиво
и грустит: «Мы ж не то долбали...»

О ЕДИНСТВЕ РОССИИ

Россия едина в своем существе,
и худо ль, подумайте сами,
чтоб наш же начальник, царящий в Москве,
был сразу и ханом Казани!

Чтоб, левой ногой попирающий Крым,
не сполз бы он правой с Камчатки,
и ненцу с чухонцем Отечества дым
чтоб наш был — как более сладкий.

Да этим туземцам Отчизна моя
дешевле, чем недругу люту.

А нам, значит, что же — на круги своя?
и нефть покупать за валюту?!

Чичмекию жалкую, где Каракум,
и ту — не дарить же чичмекам!

Там дыни и хлопок, там шакер-лукум,
арак, наконец, с чебуреком!

А может, нанайцам отпишем Сибирь
(что золотом, кстати, богата)?

А где Магадан? А в какой Анадырь
хромать персонажам нон грата?

Ну, с теми-то просто: на кол на-дому,
и пусть сочиняют протесты.

Великой России не нужно кому —
тем хватит и Лобного места.

Товарищ! За Родину пасть не жалей
порвать!

Но меня беспокоит
делёж суверенной палаты моей
на сто независимых коек.

НАД ГОРОДОМ КИТАЙ

Всё на продажу: пулемет, молитвенник и пицца.
Торговля остужает жар, весь мир окоченел.
А в музучилище — кому охота муз-учиться!
Под землю лабух сволочёт свою виолончель.
Чего, действительно, пилить задаром этот ящик!
Вон у него какой футляр, наполнишь — капитал!
И рвутся струны и смычок к работе настоящей:
стоять на каменном мосту над городом Китай.
Стоят над городом Китай старушки, выгнув спину,
сидит безногий инвалид и девушка с дитём...
Народищу — невпроворот, тут не чета Пекину!
И я б чего-нибудь толкнул, но не секу, почём.

1992

Эдуарду Шульману

Мне сказал писатель Ш.: «Что вы, Саша!
Жизнь ужасно хороша нынче наша.
Не смотрите, что жульё, что помойки,
будьте зеркалом её перестройки!
Не клеймите же её матюгами —
отразите житиё в амальгаме.»
Покраснел я до ушей от обиды:
что ли я какой Кощей недобитый?
Или я какой Зоил Ювеналыч...
И совсем я приуныл, глядя на ночь.
Ночь метался в простынях, пил микстуру,
а проснулся, всю поняв конъюнктуру.
Я-то думал: всё, хана, время вдаль нам.
Оказалось — ни хрена: не летально.
Добрый доктор полечил нам саркому,
ну и где теперь ключи от парткома!
А руины, господа, да спецназы —
это ж просто ерунда, метастазы!
Над кроватью приколот я картинку:
двухголовый триколор чешет к рынку,
попирая сапогом серп и молот,
запивая самогон пепси-колой.
Критикану-крикуну вырву глаз я.
Салтыкову-Щедрину — фиг без масла.
Я ему не корешок, чёрта в ступе!
Буду только хорошо. Как о трупе.

Алексею Ивантеру

Москва! Пречистенка, Арбат!..
Гулять. Смотреть. И помнить — гдѣ,
пока фашистский «колловрат»
ещѣ не взмыл над БКД.
Не отвлекаться от смотрин,
покамест зрячий и живой.
Квадраты целые витрин.
Цветной бульвар — ещѣ Цветной...
Ещѣ не засран БЗК
и вождь не зыркает, усат.
Ещѣ трепещущих зека
не волокут в Нескучный сад.
Ещѣ вольна картавить голь,
и площадь главная чиста:
ещѣ поганую глаголь*
не вывел злой полууустав —
в ретортах смены бытия —
с когортой новеньких Малют.
Ещѣ гуляю лично я,
кругами двигаясь к нулю.
Пока меня не замели,
я крикну, боли не тая:
— О красно-белые Фили!
— Сокольники! Любовь моя!..
Москва! Как в капле отложись
в ячейках памяти кривой!..
О удивительная жизнь,
сама не схожая с собой...

2000

* Одно из значений слова «глаголь» — виселица

ГРЯДУЩИЙ КОШМАР

То, что радио пело, была пропаганда,
а реален пред нами развёрнутый ад.
Патриоты уже захватили Таганку.
Демократы оставили с боем Арбат.
Это вроде игры, анекдот про психушки,
когда целят в бетонное дно головой.
Разрывные снуют в переходе на Пушки,
развалился Кузнецкий на грохот и вой.
Перевёрнутый Балчуг ломает колени.
Потолки, наклоняясь, роняют паркет.
По Остоженке мечутся мутные тени.
Это те или эти? Стрелять или нет?
Перебитым крестом потрясает Мефодий,
а Кирилл разворочен и каменно спит.
Но Калашников славный бесменно на взводе
и безданно-беспошлинным бизнесом сыт.
Привкус крови врага не солёный, а сладкий,
но сгорает рассвет на сигнальных огнях.
Неужели придётся повиснуть над схваткой,
синтетическим вервием выю обьяв?

О, оторопь от разного прогресса,
бери меня за самое нутро!
Ведь даже защищать свободу прессы
митинговать я езжу на метро!
Не то в былые времена застоя,
когда с прогрессом полный был облом,
и ничего на брало за живое,
ну, разве, только девушки (с веслом).
Джин-тоника не знали — пили брагу.
Дом был не крепость, а скорей окоп.
И мяли туалетную бумагу
с лицом вождей и передовиков.
На улицах ещё встречались кони,
хотя уже не грызли удила.
Хрущёв еще безумствовал. Но вскоре
пора другим безумствовать пришла...
Но, кроме тех других, ещё другие
плясали жизни праздничный балет.
И я там был. Пил пиво в выходные.
Ежевечерний делал туалет...
Строчил стишки, сей факт одновременно
скрывая; инженерил (был учён!)
И как-то на обрывке (Nota bene!)
«Литературки», кажется, прочёл
призыв к литературной молодёжи

азам учиться прозы и стиха.
Катáрсисом мороз прошёл по коже
(местами). Я решился и, слегка
вспотев, уже в подъезде завершил
обрывка упомянутого чтение:
— Автобус мне! Автобус!..

Вместе с тем я
ходил на службу и по мере сил
(увы, их вечно не хватает всем нам!..)
поддерживал двоякий интерес
к стишкам (и до сих пор он не исчез)
и к двухзеркальным, кажется, антеннам...
Теперь, когда давно уже в почтенном,
как говорится, возрасте живу
и не рифмую по сортирным стенам,
а нюхивал реально, наяву
свой текст, пропахший краской типографской
(офсетная печать не глубока...),
я возгордился гордостью дурацкой,
в которой так и плаваю пока.

2000

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

В понедельник каждый - всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным

(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).

Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет — всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
то есть, так сказать, сечёт.

Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДа
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.

Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) — веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает хэппи-энд.

В ТРАМВАЕ

Провожу, не скучая, досуг скоростной
на гремящей трамвайной корме.
То пленяюсь в окошке мелькнувшей красой,
то играю в уме в буриме.
Тополиные пыльные перья летят
(так и хочется крикнуть: как снег!)
А кругом — то кулисы, то сцена... Театр.
Тот, в котором актёр — человек.
У вокзала толпа, торопясь на перрон,
замедляется всё же у касс.
И орёт гегемон, что ему не закон
пресловутый глупейший указ.
Хорошо гегемону! Но вялый экспресс
тарахтит всё вперёд и вперёд.
Вот целуется пара. Вот банк. Вот собес.
Вот и кладбище: вдруг кто помрёт.
Вот влезает в трамвай старичок инвалид,
а за ним толстячок норовит.
— Вот вам и перестроились, — он говорит.
— Да, уж, точно, — старик говорит.
Школьник старцу дал место. Умолк разговор.
Уступить толстяку, или нет?..
Тут, доселе незримый, встаёт ревизор:
— Попрошу проездной документ!

ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

1.

Ухнул мир, а может, рухнула скамейка.
И за мною кувыркается на пол
кофемолка, зубочистка, душегрейка
и чесночница-орехокол.
Хозтоварами я заживо завален.
Перья штопоров качаются в глазу.
И очки разбиты где-то за роялем.
И подняться силы нет: ползу.
Горница. Сервант. Кушетка. Горка.
Красных мальчиков порядок поредел.
Пелеринка. Переборка. Перегонка.
Перебранка. Чёрный передел.

1988

2.

В роковые минуты всё ел бы да пил,
всеблагих ублажал бы анапестами.
Но меня *собеседником* звали на пир,
потому и не подали закуси.

1990

3.

(Внутренним голосом)

Накрылась пресловутой перестройкой диалектика.
Примат иного мышленья влит в котелки над шеями.
Журналы пахнут бьяками ненормативной лексики:
она легализована (в фекальном отношении).
Ну, значит, гласность, прочее... Но, говоря по совести,
моё перо эзопово не склонно к панегирику.
И жалко, что потребности приравняны к способности
достать хотя б чего-нибудь за килограмм по *чирику*.*

1990

4.

Когда-то, когда расцветали события
над полулегальной листовок листвою,
они волновали, как будто соитья,
о них исключительно мог говорить я,
и ухо ласкал мне глушителей вой.
Но вот пролетели мгновенья экстаза,
оргазм (политический) не наступил.
Приелась трёхцветнознамённая фраза
(а, может, года передвинули фазу,
и Кронос великий мне пыл притупил...)

1990

* Чирик — (устар.) 10 рублей (устар.)

5.

Перестройку закончил досрочно.
Думал, в чём её смысл и итог.
Сочинял до полуночи строчку.
Кипятил на газу кипяток.
Выводил среди ночи собачку.
Лёг. В эфире ловил «голоса»
(вроде как Жанна д'Арк). Перепачкал
ручкой простынь и рожу лица.
Не поверил врачу (аллопату),
сомневаясь привычно во всём.
Мостовую пошкрябал лопатой.
К небесам воспарил, невесом.

1990

6.

Внутреннему голосу

Говоришь, кругом — покати шаром?
Перестройка, мол, не хухры-мухры?
Так ведь жив же, цел, ведь к тебе с добром!
А всё баб тебе б, всё б икры-махры!
Хорошо — гуманные времена,
не грозит набегом ни хан, ни лях.
И зерна у них что у нас дерьма.
И взаймы — пожалуйста (не в рублях).
А могли бы шашкой: секир-башка,
как хотел, глумился бы каждый всяк.

И жена пошла б, и славянский шкаф
за оброк-ясак и за просто так.
Вот тогда дотумкал бы — что почём.
На Зарю молился бы (Октября).
А с едой-питьём всё пока путём.
Так что ты, того, не петюкай зря.

Ноябрь 1990

7.

Как проснулся — тут же, в секунду сию же,
как ошпаренный, бегом на службу подался.
Ведь проснулся-то в Обновлённом Союзе,
в по-хорошему правовом государстве!

18 марта 1991

8.

Вот суворовцы. Румяны и упруги.
Как скрипят у них погоны и подпруги!
А какой менталитет!
Это ж генералитет —
наши завтрашние Язовы и Пуги!

Сентябрь 1991 г.

9.

Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки!
Родина, плачь, дорогая Отчизна!..
Всюду валяются рваные деньги.
Вот мы и дожили до коммунизма.

Декабрь 1993

10.

Иллюзии! Куда попрятались?
Где всё, что в юности хотелось?..
Ах, эта чёртова порядочность,
интеллигентность, мягкотелость...
Гремя картонными доспехами
по затрапезным Зурбаганам,
Мы за туманами всё ехали.
Приехали. Теперь — куда нам?

1994

РЕТРОСПЕКТИВА 1984—1993

I. 1984

Ну вот он, 84-й,
печально знаменитый год.
А все течёт, как прежде — к чёрту,
а все течёт...
И ничего не изменилось...
Слегка убавилось волос.
Ну, детям, что было на вырост,
теперь в обтяжечку пришлось.
И как всегда на тонкой нитке
висит дамоклова беда.
Души печальные пожитки
когда оттаскивать?.. Куда?
Ведь Там безвременье — как всюду —
и теснота, и суета...
Ни Зевса, ни Христа, ни Будды,
ни Афродиты... Ни черта!
Кому не снился Иегова,
тому не вечность, а — постой.
Умрёшь — и всё опять по-новой:
сорок второй, сорок шестой,
пятьдесят третий и другие,
потешные, как Дед-Мороз,
свои проблемы вековые
мне станут излагать всерьёз.
Их лики снова будут стёрты,
и перепутан их черёд.
Вот снова — 84-й...
Ничем не знаменитый год.

II. А и Б

Сказавший А сказать затеял Б.
Он рот раскрыл.
Он воздухом запасася.
Сейчас он грянет.
Скептики в толпе — и те затихли.
Миг один остался.
Как просто было А произносить!
Решился,
и зажмурился,
и — гаркнул!..
— Ну, не скажи.
А вышло бы насмарку —
в какие дали мог бы угодить!
Но Б трудней:
еще раз: выдох, вдох,
губа губы вот-вот уже коснется,
и звук взрывной над миром понесется,
не слыханный в течение эпох...
 Безумное, безудержное Б!
 Бумажный бум! Бубенчик обихода!
 Бей в барабан обещанной свободы!
 Бушуй бесменно в будущей судьбе!..
Сказавший Б изменится в лице,
изобразив произнесенье звука.
Что ж будет дальше — В?
а может, Ц?..
Пока не ясно.
Вот какая штука.

III. ДРУЖБА НАРОДОВ

Мы чуть ли ни всех побеждали в войне,
усы распушая и брови,
и дружба народов в Совдепии — не
прервется, скреплённая кровью.
Но нынче в империи полный бардак
и, вздыблен от края до края,
трясётся от злобы наш общий барак,
права человека качая.
И крест полумесяцу больше не брат,
и нет ни секунды на продох,
и нам навела вавилон баррикад
повальная дружба народов.
Она расцветает багровым цветком
на лицах участников встречи.
А где же милиция? Где же партком?
— Их нет. А иные далече.
Да! Дружба народов не знает чинов,
окладов, дипломов, сословий.
Она отличает своих от врагов —
по крови, по крови, ПО КРОВИ!

IV. НОЧЬ

Ночь безводна, тиха, на трухлявой подстилке луна умирает, и «С» (т.е. «Смерть») задыхается в дыме. С выраженьем стиха матюгальник бубнит имена остановок. В подтексте — словесная заумь в пустыне. Воздух неосязаем, но чёрен и явственно кисл. В нём вчерне обустроен грядущего завтра мицеллий. В предпоследнем трамвае везу предпоследнюю мысль непосредственно в сторону ей предназначенной цели. Ночь тиха и легка, а живёт ожиданьем беды. И, оттенки меняя, творит привиденья со вкусом. Но совку из Совка в предвкушении новой метлы их скучны имена и не рад он, что призрачен мусор. Не обучен хотеть, я впадаю в родной негатив (как в родной коллектив) и твержу в отрицаловке мудрой сам с собой *тет-а-тет* и уже на знакомый мотив: — Ночь легка и летит. И она не чернее, чем утро.

Июль 1991

V. АВГУСТ-91

Мясорубку заклинило — ныли «Реквием» Моцарта,
созревала яичница под роман о Мегре.
А мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.
Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились,
парвенозные новшества обживали эфир.
Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.
А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем — хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
я вникал безнаказанно и грешил втихаря.
А когда, дирижируя гениальным адажио,
мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
А к *staccato cantabile* неприлично храпел.

18.08.1991

.....
После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как вчерашний батон.
А заря, как безумная, занималась — политикой.
И такой отвратительной, что об этом — потом.

19.08.1991

VI. 21 СЕНТЯБРЯ 1993

Число, войдёшь ли ты в историю,
иль просто попадёшь в неё?
Тебе какие цифры вторили,
внушали как бы бытие?
Не то же самое ли августа —
2 года с месяцем назад?
Или — «очко»?.. И, может, правда всё,
что карты сдуру говорят?..
Мы по дороге непроторенной
бредём в иные времена...
Число, войдёшь ли ты в историю,
иль мимо пролетит она?

21.09.1993

СОВКИ И ЧАЙНИКИ

Кто любит кухарку! — она же пропахшая луком.
Она же пропащая в скрежете сальных кастрюль!..
Ей дворник подстать. Он куражится в ватничке глупом
и машет метлой весь январь, и апрель, и июль.
Да, пара они хоть куда: поварёшкой супруга
разводит как пар ароматные патлы борща.
Ему же навьюжила снежную женщину вьюга,
чтоб хладныя перси лопатой ласкал, трепеща.
Тем самым, они — как вода, извиняюсь, и камень,
как с прозою стих, или — огонь в ледяных языках.
Однако, сошлись. Расплодились. И будут веками
совместно сиять, как совки. Или чайники как.

1993

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ

Фаине Гримберг

Когда пришёл Советам глубокий полный крах —
процесс пошёл — возврата разных древних.
Завидую дворянам, гуляющим в садах
из генеалогических деревьев.

В моём роду, наверно, у пращура изъян
в анкете — он стать пэрами не дал нам...
Завидую маркизам, эсквайрам и князьям,
графиням, баронетам и идальгам!

Дворяне процветают и как гербы растут.
Последний герцог Герценом разбужен.
Ах, стать бы мне бароном, евреям ведь дают.
Вон Ротшильд, например, меня не хуже.

У каждого — карета (борзые рысаки),
цыганки, эполеты и лакеи.
Усадьба на пригорке в излучине реки
и с девками дворовыми затеи...

Как выберут в бароны — забуду моветон
и весь в бомонде, в кайфе кофеина
увиду в перспективе награждение крестом
(болгарским, как сказала бы Фаина).

Короче, я согласен принять такую честь.
Пусть префикс «де» моё украсит имя.
— А правда, что бесплатный проезд для баронесс?
— А запись где на замок с крепостными?

1994

Кощей висел в углу чулана
в оковах ржавых и цепях,
и либеральная охрана
гуманно причитала: «Ах!
Ведь это так бесчеловечно —
живое мучить существо!
Забыли мы, что знаний свечка
была когда-то у него.
Ведь нас кощей научили
читать, писать и кашу есть.
Ведь мы же не в каком-то Чили
(хоть пиночеты всюду есть).
Но не чета мы Пиночету,
и наша совесть уж не спит.
Давай собьём-ка цепь вон эту,
тем более он просит пить...»

Он выбрал пепси. Из бидона
он выжрал литр в один присест.
И вот Кощей освобождённый
нас снова учит кашу есть.

1994

РОДИНА

Родина моя, Месопотамия,
Атлантида, Северный приют!
О мои Кентукки, о Москва моя,
о — тригонометрия Бермуд!..
О моя увядшая ботаника,
бледноледовитый сопромат...
Тонут мои личные титаники
от моих же ледяных громад.
Воздух ли вдохнуть ещё ворованный*,
или сразу — кануть как балласт,
стеллеровой дойною коровою
покопытно вымерев как класс?
Эмбрионом жизнь прожить ли начерно
в бытовом чаду, с нетленкой врозь,
ближний космос, спутниками траченный,
попарсечно вымерив насквозь?
Или — воротясь с Альдебарана
блудным, инфернально молодым —
вывернуть из пыльного кармана,
вытряхнуть в отечественный дым —
к радости планетки-хулиганки —
ядерные штучки бытия?..
О Россия, пригород Таганки,
маленькая родина моя!

1990

* Видимо, у О.Э. Мандельштама...

БОЛЬШОЙ ГОРОД

Ах, какой грустный город на заре...

А.А. Блок

Фонарь света замирает, утренний.
Рябит в окнах, ибо стёкла кокнуты.
Ещё спишь ты, но уже напудрена.
Лежит рядом твой платочек скомканный.

Мечта реет, как баклан над яхтами:
заснуть дома, а проснуться на́ море...
А там солнце у руля, как вахтенный...
Подъём флага, как в пионерлагере...

Потом вышли на свою Дубровскую.
В момент уши, как прибор, зашакалило.
Другой выход заколочен досками.
Легко вынуть, но, лентясь, не стали мы.

Сидит кошка, а тиха, как мышь, она,
машин тени отразив в хрусталике.
Ору в голос — чтобы ты услышала:
— Большой город, а ревёт, как маленький!..

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК

Не осталось мне радости, кроме
как уродовать ямб и хорей.
Приюти меня, пряничный домик,
Робинзона в толпе дикарей.
Под твои шоколадные своды
тихо-тихо пройти разреши.
Дай мне капельку сладкой свободы —
скрыться в тёплой ванильной тиши.
Позабыть безобразную прозу,
внешний мир, неуклюжий, как шкаф,
чтобы мне — только сладкие розы
в разноцветных конфетных горшках.
И — где вафли паркетные сохнут —
в мармеладовом кресле лежать
и смотреть в леденцовые окна,
и сквозь них ничего не видеть!

1968

* * *

Всё чаще в метро попадают дамы,
а также здоровые мужики,
листающие не телепрограммы,
а акафисты и кондаки.

А раньше заходишь в автобус, бывало,
и все, как один, я сказать не боюсь,
вот также мусолят тома «Капитала»
и краткой истории сталинский курс...

Но были и те, кто с геройской отвагой
в портфелях везли — просвещаться дабы —
«Что делать?» — на конке, в трамвае — «Живаго»...
Таксиля да Дарвина — где бы добыть?..

* * *

Но в конечном итоге мир совсем не таков.
Видно, заняты боги обжиганьем горшков.
Видно, белое с красным, начиная от роз,
поднимали напрасный, неназревший вопрос.
Видно, довод невеский вёл на брань и погром
то шеломы, то фески, каски, шляпы с пером...
В неподдельной тревоге вопрошаю богов:
— Расскажите мне, боги, мир зачем и каков?..
Ветер флаги колышет. Красит солнце штыки.
Только боги не слышат, обжигают горшки.

Так и живём, значит, сэр Джонатан.
Вроде бы, хиханьки, ан не до смеху.
Ни алтарей, чтоб подстать животам,
ни гуингмёнка — всё еху да еху.
Худо, не видите что ли, милорд.
Ходу б отсюда, да некуда смыться.
Видимо, всё это нам поделом.
Т.е. по делам — без резона и смысла.
Вправо ли, влево шагнёшь — полоса:
грань. А за гранью-то — сущие бяки!
Ладно б кололи с тупого конца —
только. Так нет же: они — многояки!
Моноконечник — нарциссом нарцисс.
Параконечники — голубоваты.
Тем — подавай самогон и сервиз,
эти — поют и лелеют стигматы...
Пятиконечникам снится партком,
Шестиконечникам — виза на выезд.
Порноконечница — вся босиком
(с шейки до пяток, и плюс ещё вырез).
Скороконечники красят кулич.
Сыроконечникам — сало кошерно...
Сэр Джонатан, Вы моя Глюмдальклич!
Немо моё Вы. Как там, у Жюль Верна:

Хлоп! — в «Наутилус» и — плюх! — в океан...
С Вами я, только меня поманите!
Тут же Лапута! Да нет, я не пьян,
вон, в облаках НЛО на магните...
А в фейерверках летающих рыб
плавает за морем праздничный остров,
там Робинзон до сих пор не погиб.
Вот, кто свободен — ни *тупо*-, ни *остро*-...
Коз диковатых загонит в кораль,
дату отметит зарубкой короткой.
Перемигнётся с судьбою-уродкой,
как для него потопившей корабль.

1993

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

МУЗЫКА

Дело, кажется, швах, лопнет кожаца в швах барабана,
До удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвется аккорд у сопрано в утробе...
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.
И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка...
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело...
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фрачные фалды, хвостом опрокинул пюпитр,
и, летя, улюлюкает в переносной *какофон*!
Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебедея — благо для гитик науки:
как сулил постулат — он не сдох, пока не досипел
К пароксизму прогресса спели смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.
В темноте вместо нас расцветают рябые узоры —
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

Так. XXI столетье.

А в прошлом веке (где он ныне!)
я жил, как все: ел щи на третье,
негласно вопиял в пустыне...

Дробясь в нутре зеркала мутном,
с утра бухую скалил морду.

Натужась, втискивался буквой
в ячейку тесного чайнворда.

Пока самцы шукали веру,
блудя посты, как постовые,
искал я пару, как химеру,
был погружён в стиха стихию.

Пока бананы ямба ел я
и отливал в часы отлива,
она, как ящерка, глядела
зелёным глазом похотливо.

Я выходил в инет без ника —
таким Гаруном (аль — Рашидом)
и тусовался там безлико,
перепоясанным шахидом
спеша в толкучку масс народных,
дрожащих в трепетах лобзаний,
как исполнитель на скейтбордах,
елозил злачными задами.

Под едкий запах перегару —
в метро, в его тягучих штольнях —
как шелкопряд, искал я пару,
а получал её — как школьник.

И вечным двоечником, воя,
вкусив субботней трёпки предка,

не забывал: теперь нас двое —
я и проклятая отметка.
Хоть был я видный, вроде, парень,
внедриться мог в любую щёлку,
Но лучше бы я был непарен
и на-гора давал бы шёлку...
Я не хочу служить в балете,
мамоне, богу и отчизне!
Вернись, XX столетье,
и снова молодостью брызни!

ВЕК МНОГОЯК

Век многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фавулы скелет, событий мян воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) — мозг.
Оцифровал за годом год — и что, что их сто! —
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт — что:
превышен уровень того, принижен — сего,
и где резвилось божество — гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель — сегодня: бугор.
И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала — сталь.
Где голос пел и обещал — сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал — в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

И думал я: а с кем я завтра выпью...

В.Высоцкий

Свобода, здравствуй! Наливаю чаю
Работа, сгинь (с зарплатою своей)!
Как правда, прост, фантастику читаю
(у Бредбери опять же юбилей).
А там — химичат инопланетяне
и могут время повернуть назад.
Герой же обнаружит ключ от тайны,
и вот он дома, даже не рогат.
Ни серп, ни молот, и ни могоендовид
не омрачат космические дни,
покуда робот мухи не раздавит
в экстазе виртуальной беготни.
И тут — примат восстанет на примата
и мирный атом вскинет арбалет,
и враз забудет престиджитатор,
в какой подмышке прячется валет.
Услужливо разверзнется могила,
явив пласты нечернозёмных глин...
Но — пискнет пейджер. Заорёт *мобила*.
И — вот он я. Не запылится, *блин!*

Как сам — вернулся с будущих просторов.
Сбежал от звёзд, страшась узнать **ОТВЕТ...**
И мне осталось самое простое:
впечататься в вялотекущий век.
Припомнить назначение предметов,
язык пейзажей, умысел свобод...
Небесный свод в окошке фиолетов...
Понять, зачем вообще небесный свод!
На голубом экране жёлтый Путин.
Печенье в виде рыбок на столе.
Куда идём, и где мы завтра будем —
в дерьме? В фаворе?..
Может быть, в земле?...

Извилины — как ясли мысли.
Листки бумаг — её пелёнки.
А ну-ка, Солнце, ярче свистни
и мысли высветли потёмки!
Там, в закоулках трансцендентных,
прижали ушки, как зайчатки,
ещё нейтральны, точно деньги,
её невнятные зачатки.
Но то, что там тихонько снилось,
обрушась миру в гулкой бункер,
на плюс развалится и минус,
на как бы золото и пурпур.
И мысли яростная юность,
равно открыта тьме и свету,
не сожалея, не торгуясь,
распустит золото по ветру.
Но — не один сыграет в ящик,
когда в пурпурном одеянье
она, подросши и набрякши,
осуществит себя — деяньем.
Когда в экстазе вдохновенья
дойдёт до ручки и до точки
и зафиксирует мгновенье,
соединяя проводочки.
И — исковеркан Универсум
исчадьем сморщенных извилин...

О мысль — маньячка, изуверка,
как фейерверк твой замогилен!..

ДЕЛА СУДЕБНЫЕ

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован справкой врача // врезалась в пень пострадали двое // вывихнула ключицу плеча // окопался с бабой в проданном доме // дверь на замке телефон отключён // отлучился на год в пустыню гоби // она уже с ветеринарным врачом // ворвался в комнату ругался матом // махал кулаками дразнил собаку // соседа-ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка «папа дурак» // появился пьяный крушил посуду // пианино деку разбил топором // не спускает воду гадит повсюду // жилая квартира беспредел погром // ехала на красный вырвали мобилу // потерял расписку чемодан вокзал // отобрал бумажник прямо у могилы // справка об отцовстве нанёс угрожал

ХРОНИКА

Рост урожая. Пожар. Убийство. Реклама.
Коммунистический митинг. Реклама. Убийство.
Ввод нефтепровода в строй.
Землетрясение. Два ДТП. Убийство.
Рок-фестиваль.
Пожар. Ограбление. Реклама. Убийство. Убийство.
Новинки поэзии. Форум.
Выборы. Митинг фашистов. Убийство.
Марш полугласных. Реклама.
Убийцы не найдены.
Реклама. Убийство. Убийство.
Звёзды в постели. Убийство. Убийство.
Погода. Убийство.
Марш педофилов. Реклама.
Дебаты в парламенте. Жертвы. Убийство.
Погода. Убийство. Театр у микрофона. Убийство.
Взрыв. Великий Потоп.
Убийство. Убийство. Убийство. Убийство.
Убийство.
Реклама.

Как времена летят? — Как птицы.
Сперва вперёд — потом назад.
Что́ было — то и воротится,
как *пить дать*. А не дать — не взять.
Чума истории возвратна.
Грядут прошедшие года.
Где было солнце — только пятна.
Поставил пробу б, но — куда!..
Как в триллере, паля навскидку,
набив палёным толом лиф,
воздушный храм судьба-шахидка
развееет, по ветру пустив.
Чтоб в облаках, как в одеялах,
как будто привиденья, мнясь,
остатки прежних идеалов
с кем попадя вступали в связь.
Пора зубрить по-новой коды
Эзопа: чтоб не замели...
Ведь *даровали* нам Свободу.
А мы — воспользовались ли?

Теплоход «Марина Цветаева»
застрял во льдах
Из газет

Мороз. Застывают волны,
кругля ледяные спины.
Застопорен прежде вольный
безудержный ход Марины.
Зима, так сказать, на марше.
Рожок уже гимн пропел нам.
А кто горячей и ярче —
того и вморозят первым.

2001

AFGHAN

1. ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ

Спрашивает мальчик — почему,
а папаша режет ветчину
А. Гализ

А у девочек банты и шапочки,
а у девочек мамы и папочки.
А у мальчиков — отчимы-мачехи.
Для чего только сделаны мальчики!
Для чего с ними цацкались сызмала,
Изнуряли касторкой и клизмами,
поучали: «Не надо печалиться»,
«Будь здоров и спасибо-пожалуйста».
Приносили по праздникам пряники.
Притворялись, что нравится в пряталки.
По утрам приседали, как шизики.
Репетиторов брали по физике.
То гоняли на сборы-собрания,
а теперь — как тельца: на заклатие.
Не на горку библейскую с кущами,
а в ущелья, что за Гиндукушами.
Там давно уж освоили местные
топоры и приклады железные
и другие железные методы
против тех, кто суётся с советами.
Но под сенью матчасти ракетчики
свои брекфасты сдобрили кетчупом,
загрузили нефтяники Каспия
до отказа цистерны бокастые,

и уже наши славные соколы
по бетонке по взлётной процокали.
Ничего, что дождливо да пасмурно,
помашите рукой вашим пасынкам.
Им споют подсадные товарищи
и про пыль от сапог от шагающих,
и что Запад есть Запад, и мало им,
и что флаг пронесём незамаранным...
Пой, романтика, тропами Каина,
герметично в бессмертие впаяна.
Вот для этой — свинцовой — романтики
вы и сделаны, стало быть, мальчики.

1987

2. ПРОЩАНИЕ

Мы в бой рвались. Мы застилали койки.
Мы всем являли мужества пример.
Теперь в рядах у нас случилась перестройка:
Кругом! И — шагом марш — в СССР!
Мы с вами славно воевали. Длинным
был срок, но вот прощания момент.
Спасибо вам, друзья! Вы очень помогли нам —
реально ограничить контингент.
Примите от противников неробких
последней благодарности заряд.
И упакованные в цинковых коробках
вас также от души благодарят.
А кто оставил лишние детали

у вас в горах, где нам растёт изюм,
с каким достоинством домой прокостыляли,
остатки в штатский завернув костюм!..
Броня крепка и танки наши быстры,
и непреодолима мощь атак.
Но нам пора домой: таков приказ министра.
Вы извините, если что не так.

1988

3. АФГАНЦЫ ИДУТ К НАМ

Гремите, тамтамы — окончена бойня!
Живьём отпускают домой уцелевших.
Навстречу героям в истоме любовной
Раздвиньте, невесты, объятия-клещи!
Жених выдаётся в разлив и на вынос —
отдельные органы твёрже железа!
А где была правда, там прапорщик вырос:
— Оправиться! Дембель! И — прочь от Термеза!
Мы слабо кейфуем в уюте таганском,
мычим травоядно, копаясь в укрепе...
Но неумолимо идут к нам «афганцы»,
познавшие вкус человеческой крови.

1989

4. РЕЧЬ

Ну что же, товарищи, скажем навеки прости
тринадцати тысячам этим трёмстам десяти,
оставленным нами на этой локальной войне,
погибшим бесславно, хотя и геройски вполне.
Вопрос о войне мы со всех обсудили сторон.
Ошибочка, граждане, вышла. Увы и пардон.
Во всём виноваты преступные действия тех,
кто сраму не имеют: скончались они как на грех.
А мы, извиняюсь, товарищи, тут не при чём.
Мы — мерой и правдой, а также кнутом и мечом.
Согласно присяги, мы их выполняли приказ.
Но мы не ослабим и впредь. Положитесь на нас.

ЗИККУРАТ

(картина В.В. Верещагина «Апофеоз войны»)

Я был воспринят как лицо кавказского разлива.
Но если с гор я, то — с Карпат, Балкан и Пиреней.
А глубже ежели копнуть, то в тех краях, где пиво
запатентовано* — нет гор. Там реки есть скорей.

На реках плач, в горах и во всей прочей преисподне,
где спутались добро и зло, а также верх и низ.
И трупов женщин и детей уж не клюёт сегодня
ни грач, ни лебедь, ни орел, двуглавый гуманист.

Бесстрашно радио поёт реляции и сводки,
сожженных заживо сочтя, и в самый аккурат —
вернуть исконный праязык строителям высотки:
пусть из костей и черепов достроят зиккурат.

1996

* Самое древнее производство пива было обнаружено в древнем Вавилоне. См.: В.А. Белявский «Вавилон легендарный и Вавилон исторический», М, «Ломоносовъ», 2011.

ПОСОЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Время — выбора: религии ли, знамени ли.
А посол ты по особым поручениям.
А поручена тебе езда в незнаемое.
Привёзешь ли мал цветок или незнамо что —
в пятилетку пятизвёздную уложишься ли!
И глядишь: уже давно невеста замужем.
И не как-нибудь, а впятеро размножившая.
Либералы обернулись патриотами.
Митингующие снова триколоры несут.
Только публика всё теми же заботами
обозначена: распивочною стоимостью.
Ну, и стоило гонять машину времени
и за тридевять веков выкобениваться,
если всё-таки верна Татьяна Гремину,
а в Стучигороде слёт юных бериевцев!
За нетленною строкой в подсознанку влез.
Не поднял, а почесал длань бессовестную.
Не нашарил ничего — пыл и вышел весь.
Ну и ладно. Ну и хрен с ней, со стоимостью.

* Я позже узнал, что организация «Юные бериевцы» существует в Волгограде

ПАМЯТИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА

Такого-то апреля, в таком-то, там, часу
остановилось время на траурном посту.

И топчется, не зная, куда направить шаг,
приспущенное знамя зажав в своих клешнях.

Пройдут четыре года — тут будет город-ад.
Восстанет зомбом Куба, торжественно усат.

Железный Феликс — членом войдёт в Политбюро
на Православный Пленум под сводами метро.

Он вечно несгораем — из пепла и дерьма...
Восплачем же над раем, потерянным весьма.

...А в богадельне дивной спит Первый Президент,
спелёнут паутиной посмертных чёрных лент.

Его восславим одой и горько возопим —
над каплями Свободы, дарованными им.

Утраченной...

ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН

Пока в ремонте гильотина —
Такая гадкая тоска
Н.С. Болтыанская

Пересменок времён.
Пересмешник пока не на дыбе.
Эшафот, осквернён голубями
и кол не колюч.
Ещё вежливы власти —
послышалось даже «спасибо».
Но торопится мастер
закончить наручник — под ключ.
Надрывается дилер:
ища, привлекая, вербуя.
Добросовестный киллер
контрольно вскрывает висок.
А пока со стаканом
поэт проповедует бурю,
символический каменщик в белом
встаёт между строк.

КАЛЕНДАРЬ

Я в газете прочёл, что на нас термидор наступает!
Здоровенный такой термидорище, гад окаянный.
В треуголке кустарной заносит за ворот обшлага
длань сухую и зыркает оком, сугубо орлиным.
Ведь не мельницы мяли цырюльный прикид Дон-Кихота —
с телебашен

развёрнутым строем
бетонные волны.

А теперь тишина, темнота. Только шмыг подковёрный.
Кто ж кого победил в этом не-Бородинском сраженье?..
Мерный атом не зря торопил по орбитам мезоны,
и солдатские жёны в запретные зоны стремились.
Олигархи не даром мусолили длинные баксы
перечислить конкретно лимоны на чай персоналу.
Как аналог Пилата, я чистые мылю ладони.
Наше дело следить за печальным исходом кампании —
как заря или что — развернётся из искры крошечной.
Поднимите мне брови. Какое сегодня брюмера?

ВТОРОЕ МАРТА

между силой и харизмой происходит чудесо
кто-то серый так неистов что готов почти на всё
мальчик мальчик был ты или

ты не мальчик бывший муж
скачешь дальше тили-тили

гоголь-моголь мёртвый душ
там элита знаменита всяк поэт до полвосьмого
замени да замени да но об *этом* ни полслова
с девяти и до шести извини или прости
или просто перечти незнакомое почти

02.03.2008

ДВА КАЗИНО

На рейдах Москвы-реки стоят теплоходы-казино
«Александр Блок» и «Валерий Брюсов»

Из наблюдений автора

— Здравствуйте, Александр Блок!

В.В.Маяковский

По Пресне, что зовется Красной (и не к добру),
пройти-проехать даже страшно, но я пройду.
Хоть не хочу мишенью в тире служить стрелку,
но — символисты захватили Москву-реку.
Столпам серебряного века разрешено
собой ещё отметить веку в век казино.
У пьедестала, на котором крылатый бог,
на рейде машет триколором азартный Блок.

Хоть на потеху всем буржуйам, но всё равно —
он круглосуточно дежурит по казино.
По вечерам за банкоматом под звон монет —
в чём истина — вещает матом: в вине? — о, нет!
Там, недвижим на трапе узком, как на тропе,
кидает кости новым русским — как псам — крупье.
А ниже, у Петра-верзилы (близ ЦДХ)
азартный Брюсов полон силы: Король стиха!
Цвет ног немного нездоровый прикрыт слегка.
На фоне их еще лиловей Его рука.
Он полусонно чертит звуки среди продаж.
Ему и прикуп прямо в руки: косою марьяж.
А чудеса малы и редки, и в том зерно.
Рискуя, крутанёшь рулетку, а там — зеро...
Кто ставки делает по-крупной, тот — супермен,
А прочим — жребий совокупный в век перемен...
И не смотрите с укоризной в тот регион,
Где лозунг «Больше символизма!» осуществлён,
Где серп-и-молот бутафором прибит к трубе,
Как фон достойный, на котором царит крупье.

PAVEL & ПАВЛИК

Pavel Korchagin, General menager
Из визитной карточки

Узких колея добровольная каторга.
Шашка да маузер. Трубы да флаги.
Оторопь Вас проберёт или катарсис,
general menager Pavel Korchagin?

Нет, не тачанкой тачали карьеру Вы,
в коже за контрой не мчали, ищейки.
Сами ли скачете, или — курьерами
шлёте партнёрам платёжки и чеки?..

Выпало решкой вам время бубновое:
туз на тузе, да и дамы дебелы.
Вы не дебили ли, русские новые?
Роспесокстрой — ненадёжное дело.

Не довелось вам рубать буржуазию,
гнать кулаков — из амбаров в подвалы.
В части шестой — где Европа и Азия —
место осталось для вас. Только мало.

Вы бы валили по-тихому с офисов...
Или же вы не слышали прогнозов?..
Юным — дорогу! О вас позаботится
next generation: Павлик Morozoff.

УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР

На экране бой да в эфире вой...
Мир — чужой, иной, скроен наново.
Здравствуй, друг ты мой, конфидент ночной,
корешок ты мой валерьяновый...
Дед-Мороз пришёл, неказист, но зол,
в лето кол вколос (символический).
Мир предзимний гол, уж не жжёт глагол,
в голове — алгол архаический...

А кругом народ — кто жуёт, кто пьёт,
кто срывает плод Древа Знания...
Праздник жизни тот старожил влёт,
словно принца, бьёт в старой Дании.
Впрочем, Дед хорош: хоть ума на грош,
лыс, облезла прочь позолота вся,
среди кислых рож на козла похож,
но камляет всё ж (в позе лотоса)...

Зубом — цык! — вампир, завершая пир,
дескать, цыц, Шекспир недоделанный!
Был прекрасен мир, да прожит до дыр,
и летит в сортир — с песней дедовой:
«Ты лети, мой свет, по туннелю лет,
блик иных планет выколупывай.
А декабрьский снег, словно звон монет...
Здравствуй, Новый свет (неколумбовый)!

* * *

В киоске в детской Семашке
лекарство одно продают.
Название на бумажке...
Да вот, в уголке, вот тут!
Лекарство мне доктор выдал,
верней, написал рецепт.
Оно неказисто с виду,
но даёт прекрасный эффект.
Ну дайте флакон скорее!
Вот деньги. Почём оно там?..
Так дорого!!! Просто звери!
Я жалобу на вас подам.

* * *

По синей линии метро я еду до Арбата.
Метёт поганой метлой кончающийся век.
Я ездил в эти же места другим путём когда-то...
Да и вся жизнь была не та — ещё до *смены вех*.

До смены вех крутил трамвай колёса за копейки.
Зрел коммунизма каравай — сам пах и сам светил.
Всё было рядом, впереди, на следующей ступеньке.
Знай только, рулевой, веди по атласу светил.

Арбат, чего же ты горбат? Ну выпрямись обратно!..
Ноябрь, наяривай, как март, любовный вой котов...
Я буду дуться в буриме на деньги и бесплатно,
рябое солнце в сером дне высматривать готов.

Увы, по строчкам семян на цыпочках грехи.
И всё не так, и всё не то, и смех, и, как бы грех...
А вехи надобно менять, они ветшают, вехи.
И упаси нас, Хоть-Бы-Кто, от этих ветхих вех.

1998

КОНДОПОГА

Широка и обширна родная страна.
Много в ней всевозможных хреновин.
Но с порядком у нас, как обычно, хана.
Да и климат довольно неровен.
Знаменитые мóлодцы, богатыри,
древнерусским пропитаны духом,
всех крушили на раз. Ну, на два или три
и мерещились вещим старухам.
Пролетели века. Потеплело слегка.
Нету эллинов. Нету варягов.
Нас крутило спиралью. Теперь — вертикаль:
на-попа. Это — новый порядок.
А по курьим избушкам ягое бабьё,
аппетитные самки кощеев,
плотоядно хохочет, считая бабло,
новорусские пасти ощерив...
И пока *медвежонки*, косая нога,
обустряивались по берлогам,
прогремела тишайшая Кóндопога
редким *сюрдактилигеским* слогом.
Ведь в чухонских потёмках не видно ни зги,
и — чтоб с этою тьмою бороться —
заплясали весёленькие огоньки,
затрещали хребты инородцев.

Жги, ребята, круши — наступила пора.
Нам свобода — не то, что как прежде.
Не бойсь, мужики, ведь за нас мусора.
И Москва, если что, нас поддержит.
Отпирай этажи, щас начнём грабежи
и вопросы решим кардинально.
Встань, *фашист-патриот*, своё слово скажи.
Поднимайся, Воронеж и Нарва!..
Поднимайся, Саратов и Питер — вставай!
Грянь, загорский отряд *камерадов*!
Бологое — *Зиг хайль! Доннерветтер*, Тамань!
Русши дух — это *Русши поръ-ядок*.
Пусть горит всё дотла, помоги, сатана,
Исполать — топорам да пожарам!..

От России останется: кучка говна.
И урок иностранным державам.

08 — 22.09.2006

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ*(диалог)*

- Национальность это язык,
 обряд и вера отцов.
- Национальность это ярлык,
 чей смысл иссяк и отсох.
- Национальность — гордость и честь,
 светлого дня канун!
- Национальность — способ уесть,
 вписанный в 5-й пункт.
- Национальность это призыв,
 Родина, почва, род.
- Национальность — окрик и зык:
 «Не наш? — От ворот поворот!»
- Национальность это стезя,
 избранность, вера, дух.
- Национальность это «Нельзя!»,
 гетто, красный петух.
- Национальность — родная кровь,
 все скреплены как один.
- Национальность — насилье, кровь,
 вспоротый пух перин.
- Национальность это уклад
 радостей и скорбей.
- Национальность это приклад —
 в череп: «Громи!», «Убей!»
- Национальность — исток, итог,
 труб горловая медь.
- Национальность это не то,
 что́ я хочу иметь.

ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ

Сегодня в метро, верно, Мальчиков Спящих день
в вагонах коричневой линии кольцевой.
Они вырастают из тех синюшных детей,
которых несли по вагонам вниз головой.

Которых мотало, прикрученных за спиной,
спелёнутых тряпкой — смеяться, моргать нельзя.
Бухая бомжиха им запах природный свой
передавала, по рвотным лужам скользя.

Отдельно о запахе... Перемешать кило
кала с двойным объёмом выдержанной мочи,
заправить по вкусу потом, потом — в тепло,
на сутки около батареи или печи.

Потом — ежедневно орально после еды
четырежды в день (надёжнее даже пять),
и будешь в награду за праведные труды,
как мальчики эти, качественно вонять...

Я, может, чужак, но на пробу беру чуток
и, ноздри зажав, как граф — узрев мужика —
вкушаю весомый, как Слово, первый глоток.
Глаза тяжелеют. Подташнивает слегка.

И вот я мотаюсь, смердящею плешью вниз,
ногами вперёд, демонстрируя атлас вен.

Ударь меня. Крикни: «А ну-ка, сука, проснись!» —
и я покачнусь, я рухну, смиренно нем,

и я покачусь, как плод — перезрев на суку,
и вот: перемена мира — одним пинком.
Пацан-перестарок — я всё никак не секу,
что там, из дыры летит и гудит по ком.

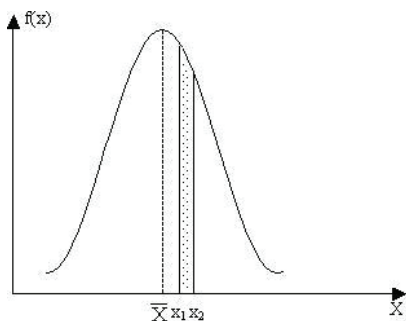
ГОРКА СЛОВ

Младенец кашку составляет
из манных зёрен голубых
Н.А. Заболоцкий

Сидело чадо на заборе,
играло в буквы и слова.
Пред ним бурлило слово «МОРЕ»
и слово высылось «МОСКВА».
От слова «КАПЛЯ» к слову «КАМЕНЬ»
точило проводило путь
и огневыми языками,
дразнила слова «ПЛАМЯ» суть.
Дитя невзрослыми перстами
брало то буковку, то две.
И вот их пять — народом стали
со словом «РЮРИК» во главе...
И слово «МАМА» трепетало,
перетекало через край,
как будто букв в нём было мало
для агрессивного «МАМАЙ».
Но буквы, кувыркаясь вольно
в руках (до некоторых пор),

являли вслед за словом войны —
«ТОПОР», и «РОПОТ», и — «ОТПОР»!
И слово «ВРЕМЯ», то и дело
устав и смысл меняя свой,
при слове «ГРОЗНЫЙ» — то гремело
Опричниной, а то — Чечнёй...
Слова «РУИНЫ» и «СТОЛИЦА»
слились, и бой явил к утру —
без слова «УШИ» слово «ЛИЦА»
и слово «УЖАС» в слове «ТРУП».
Сначала сжалось слово «ЖАЛОСТЬ»,
потом расширилось, и в нём,
казалось, что-то отражалось,
сознание что ли с бытиём...
Дитя же попросту игралось,
бросая литеры в песок,
и только старый мудрый Гаусс
исчислить горки профиль мог.

2000

Гауссово распределение

Жизнь стрекочет, как компьютер,
в ней лишь нет его ума.
Почему влечёт нас Ньютон
силой, равной m на a ?
Почему — собой доволен,
но не в силах сделать шаг —
пританцовывает воин
саундбластером пища?..
То потычет он рукою,
угрожая пустоте,
то как сделает ногою
па из па-де-карате!
Гром ли грянет, рак ли свистнет,
или кто-нибудь иной —
все его четыре жизни
в мышке спрятаны одной,
И пока хвостом не дрыгнет
безответственный грызун,
чуть притопывая, дрыхнет
воин, виртуально юн.
И, подверженный заразам,
мир не скачет наобум.
Он за злой мышиный разум
свой заводит утлый ум.
Неподвижной полон пыли
воздух: падать ли — вопрос!

Тут всё крутится иначе:
белка мчится, стрелка скачет.
Под копытом кто-то плачет.
 Неужели это я?..
В этом веке многояком,
всё своё кидая на́ кон,
то пахан, то маг, то дьякон
 в многогранье вносят грань.
Но — заткнулся пробкой транспорт.
Но — колдун затрясся в трансэ...
Населенье по утрам — всё
 ту же злую хлещет дрянь...
Там — Хитровку, наше Сохо,
срыть старается эпоха
(монолитный кол неплохо б
 вбить в бандитский ореол).
Тут — галдя, как попугаи,
СМИ эпоху низвергают.
Там — поэты напрягают
 парус: каждый — Арион.
Что́ я? Где я? — Странно даже...
Я мечусь, я бьюсь в экстазе.
(Всё волнительно, как скажет
 в телевизоре актёр...)
Может, выжил из ума я? —
то словес не понимаю,
то сентябрь увижу в мае...
 А ведь раньше был остёр...
В этом веке — новом, странном —
мне б смиренным ветераном...
Я же, как юнец, тараном
 прямо в сердце поражён!

Но — судьбы на вираже мне
Не пристало быть мишенью.
Отвергаю поражение
 и взлетаю с куражом!
Я — на свете всех казистей.
Я не сдам своих позиций.
Разве зря во мне резвится
 зажигательный вольтаж!
Слава точечной застройке!
Прочь, убогие помойки!
Пусть стихи мои на тройки —
 что́ мне уровень продаж!
Ни в синодах, ни в сенатах
не учтён. В ушах мохнатых
«Эрос! Эрос! Я Танатос!» —
 слышу трели позывных.
Жизнь — игра в когтях Админа.
Смерть — рояль в кустах жасмина.
Сторонясь отца и сына,
 я и духом не поник!
Это очень важно, ибо —
без вранья и перегиба
говорю всему «Спасибо!» —
 за сегодня и вчера.
Завтра — сорной горстью праха
мир стяхнёт меня, неряха.
Но вперёд смотрю без страха:
 жизнь мудра. Она — Игра!

ВПЕРЕД — К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ!

Медиевисты, свыше дан совет.
Медиевисты, пути иного нет.
В огне и цокоте копыт
летит Грядущее, коптит,
но там, за дымом, золотой сияет век.

Эпиграф

Время расквашено сковородой,
Все — словно первые — комом блины.
Тысячелетник такой молодой!..
Кто — фехтовальщик за честь старины?
Та старина на пороге уже.
Цокнет копытом — аж воздух искрист.
Новой эпохи я атташе,
витеиватый медиевист!
В этой эпохе воздух — здоров.
Точечным стройкам — твёрдое НЕТ!
Пей молоко натуральных коров.
Дичи — навалом. Грибов — охренеть!
Глянeshь окрест ли — нимбы одни.
Раб не бунтует: хрен вам — цехком!
С педофилией — повремени.
Геи — изгой, в задницу кол.
Стрёмен визит к инквизитору? — Чем?!
Он, правда, въедлив, но — справедлив.
Еретика — под надзор палачей,
стул электричеством не зарядив.
Как в турпоходе, яростно костёр.
Пламя играет, радуя глаз.
Экологичны — кнут и топор.

И очищение вовсе не казнь.
Думаешь: «Мира дремучий обман,
свергнутый разумом, рухнет легко.
Раз — и опомнится мир-наркоман.
Два — и ха-ха!...»

— А хуху не хохо?

Не насовсем, но годков на 700 —
мы попридержим ваш мерзкий про-гре-с-с.
Ну, а потом нажимайте: джек-пот.
Пресса, дискаунтер, девки топлесс.
Ныне же — сгинь, оранжевых сон,
красных реванш, коричневых дурь.
Чёрен и сер новый огонь.
Ну-ка рискни, задууй!

ВОСПОМИНАНИЕ-86

В тишине испуганного мира
на Таганской площади пустой —
чёрный куб, достойный Казимира,
с надписью короткою: ЗАСТОЙ.
Осень, как полезная касторка
(Пушкин о такой мечтал поре),
и — на красном — белым: ПЕРЕСТРОЙКА
по ЗАСТОЮ бьющем топоре.

ГЛАГОЛЬ

Над Европой давно (и всегда) — закат.
А у нас как бы ночь — к утру.
Я — носитель великого языка
в относительно малом рту.

Этот рот — а я им плевал, курил,
лепетал, целовался, врал —
перевёл на буквы монах Кирилл
а Мефодий врубил экран.

Мне вложили кондовые **Ж, Ч, Щ**,
чтоб глаголил, шептал и ныл,
чтоб надёжно и начисто зачищал
католическую латынь.

Дали мне трикратно свистящее **С**,
громовое вручили **Р** —
чтобы блюл государственный интерес,
либеральных презрев химер.

Есть для духа боль и для тела боль:
эта с пряником, та — с кнутом.
Потому что в начале была Глаголь.
И пётля. Слово — потом.

НОЯБРЬ*тетраптих*

— Ты думаешь?
(всыпает яд)
А.С. Пушкин

I

Я думаю и невпопад
мычу, что значит, существую
Ты думаешь — всыпает яд
напропалую и впустую.
В пустую тару ноября
не брякнет чудное мгновенье,
июня знойным мановеньем
и майским райским светом зря.

II

Из ряда вон изрядным воем
куранты щурятся с высот.
Охотнорядчески настроен,
думак — никак он патриот —
закон скрепляет о мигрантах
всевластной подписью своей
и млеет в ожиданье грантов
и толстых бонусов.

III

Коней

изящный Аполлон стегает.
Квадрига, одолев фронтоны,
как будто пляшет хали-гали
или 7-40.

Как фантом,

кудрлатый тает идеолог,
былых времён экономист,
не старший даже...

IV

Вянет лист.

Уже увял.

Ноябрь голый

зло изрыгает мокрый снег,
и зябнет с непривычки негр,
вернее, афро-африканец.
И *canis* какает *vulgaris**.

2013

* *canis vulgaris* (лат.) — собака обыкновенная

НАД СХВАТКОЙ

Публика в сословиях, классах, кастах,
злобная, зудит словно осы в сотах.
Патриот преследует *либерастов*.
Либерал третирует *поц-реотов*.
Через строй блядей по бухой панели
менеджер проносится на тойоте.
Олигарх летит в ё-мобиле, еле
поместясь, но выигравший в джек-поте.
Оппоненты власти бредут на митинг.
Льнут апологеты её к ОМОНу.
Блоггеры наябедничают в твиттер —
глядь! — и оппозицию везут на зону.
Тухлые отбросы и кал собачий
дружно подметает чета мигрантов.
Мир устроен так и никак иначе —
всё кругом терпимо и толерантно.
Только я один извернулся ловко:
взял блокнот, на стульчик уселся шаткий
и в слоновой башне в своей Дубровке
хмыкаю цинично над вашей схваткой.

ДЕКАБРЬ

Осень сгинула; скинула с листьями
и меня в снега декабря.
Сам с собой беседую лично я,
как звезда с звездой говоря.
Ни патетики, ни сарказма,
ни слезы — сколько факт ни жарь.
Я же чайник, как было сказано.
Закипел — заварки не жаль.
Разговор разговор сменяет, но —
самовар самовару рознь.
То-то суетно, то-то маетно,
то-то боязно — не всерьёз.
А кругом дела — настоящие:
Украина бурлит, РФ!..
Мне же — гласные да шипящие
всё мерещатся нараспев.
Хорошо на язык их пробовать
и, приняв коньячка стопарь,
отдыхать душой и утробой
и вдыхать ароматный пар.

БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ

Ерунда! — сказал дьяк, — Из вас должен быть всяк
в теле
А.К. Толстой

Зомбированный Закулисой,
я замечаю всё, что скверно.
Мне всё — равно: солома, сено,
какашка, лампочка, грейпфрут...
Вот девушка: сидит орлицей
в преддверье метрополитена.
Как сфинктер, рот ея извергнул
непереваренный продукт.

Вот юноша под кайфом пива
(или чего) угрюм, но весел,
ботинком вдребезги посуду
опорожнённую добил.
Вот пуп показывает дива,
как это водится повсюду,
сама в полутяжёлом весе,
а муж её — ваще дебил.

А там гадалка кажет бубну.
Её глаза черны, как сливы...
Вот старец с челюстью в стакане
бредёт неспешно босиком.
Вот члены Думы, остроумно
обозванные «думаками»
ещё при поза-том созыве,
при государе при другом...

Вот обновлённая столица
пронзает башенками небо.
А главной башней, той, что теле-,
слегка помахивает, злясь.
Кругом кошачьи, волчьи лица...
А каждый быть должён бы — в теле,
жить без волнения и гнева
и долгоруким быть. Как князь.

КОНЕЦ СПИРАЛИ

Кем быть полезней — истцом? партийцем?
смягчать нокауты полотенцем?..
Ведь всё исчезнет и испарится,
всё так и канет — невозвращенцем.
Будь Геродотом ли, Геростратом;
щедр или алчен; весом ли, весел;
твои голгофы, твои фальстарты —
твой личный ларчик — по интересам.
Ты снова мальчик — курчав ли, лыс ли —
шагни за чиру, воскликни: «Штандер!..»
Как мир заманчив! Как ярки мысли!
Владей же миром: ты — АЛЕКСАНДР!
Всё так и шло: логарифмы, рифмы;
любовь без фальши (и с фальшью — реже)...
Приятно долог маршрут к харизме...
Ах, так и дальше б... Но нет же, нет же!..
Обижен плотски, рычал, как зверь бы,
грыз, полуголый, бы прутья клетки,
недель полоски слагая в зебры,
их — в полугодья, те — в пятилетки...
Но холить тельце, клянусь, не важно —
не будь я хакером суперкода —

и полотенца: помогут, как же,
от многоякого апперкота.
А всё ж противно — ерошить баки,
к старушке лютой спеша на форум,
тогда как тигры в полоску хаки
в камыш скользнут и сольются с фоном...
Усть беззубым ли жизни сласти!..
Дожёван пончик. Нам всё наврали.
Где славы бубны? Где пики власти?..
Завод окончен. Конец спирали.

2003

ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ.

Божеству не нужно языка,
от людей в отличие и зверья.
Математика и музыка —
его проза и поэзия.
Воздух режущего яблока
свист услышит и поймёт оно:
от галактики до бублика
крутят мир законы Ньютона.
Глянув на закат стремительный,
колдовством, типично боговым,
семицветно в небо вытянет
аркансьельку — регенбогеном*.
Полиглотничает, умное,
не высотками — утёсами.
И прибоями — не гимнами —
голосит, простоволосое.
Одному парить невесело.
Долго думало, и вот оно
человечка завело себе
как домашнего животного.
Но они двуполоногие
не его внимают мнению...
Одиночество убогое
не подстать уединению.
И тоскует ту тоску — его
ум — божествен, но и немощен.
Отделил от света тьму, и вот —
оказалось, было незачем.
Оказалось, было незачем.

* arc-en-ciel — радуга (фр.); der Regenbogen — радуга (нем.)

УГЛЕГЛАЗАЯ МГЛА

ХАЛЯВНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Я же, вроде как Дон Аминадо.
он считался стиха акробат,
вот и я тоже... Музы же надо
мною невинный блюдут целибат.
А которая, может (случайно)
плешь Поэта заденет крылом,
та торопится сразу же в ванну —
смыть, пока не засёк Аполлон.
Ну, а я, от неожиданной удачи,
как обычно счастливые — глуп,
хохочу и рифмую, и плачу,
вдохновенья халявно вдохнув.

Ручек пенала лица

я представляю кратко.

Все они, в общем, круты.

Чёрная ручка — жрица.

Синяя — бюрократка.

Красная — экзекутор.

Звуковых не надо ников.
Никаких не надо звуков.
Только — ум, которым, вникнув,
дозываться, поаукав.
Эти звуки буквяные!
Эти буки звуковые!
Как пернатые небесны,
буду в поте гнёзда вить.
Новых буков неизвестных
втисну в тесный алфавит.
Псигрек, фижица, икс краткий.
Рцы седий, ю сирконфлекс
Купсилон в рябой тетрадке,
ща умляют — в строчку влез...
И не выходит из ума
ни малый вьюс, ни зю трема.

ЗВУКОВОЕ

* *

Купола залатала игла как могла
Углеглазая мгла за углами легла.
Повезло, и зело узколобое зло
узловатым козлом за излом уползло!

* *

Полили ли лилии, пилили ли липы,
пуляли ль по линии палеолита,
по пеплу ли плакали, плова ль алкали —
поплыли на плюс, а на полюс попали...

* *

«Молебен мобилен. Ломи, молибден!» —
под блюда не мы ли долбили...
А кто не добыл, или, там, не добдел,
те, блин, обалдели, дебилы!

* *

Для встречи с вурдалаком
намазал морду лаком,
а то бы больно лаком
я был бы вурдалакам.

* *

Папа пепел сыпал на́ пол.
На́ пол пепел сыпал папа.
Мама мылом мыла пол —
Навалило пепла, мол...

* *

Не будь добра до брака,
но в браке, будь добра,
добудь под брагу рака
да против мрака бра.

* *

Шёл парфюмер в Парфенон:
был ювелир юбиляр.
Нёс сувенир суверен...
Стой, фарисей! Семафор!

* *

Цаца Тата *гачитя*.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата гачитя
от цитаты Тацита!

* *

(написано в жару)

От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай — в топку скал,
кто с куста ток пускал!

ЛИТЕРАТОРЫ

Литер авторы люто рявкали,
литры тратили над тетрадками.
Литераторы — лист, каракули.
Пли, метафора, влёт по дактилю!

* * *

Синяя мгла заволокла глаза,
залу заполнила синью,
угловатым зигзагом в мозг вползла
и легла неподвижной пылью,
вылив холод безмолвия около...
Обвила подножия бледных колонн,
и злобно глядел осколок колокола
на фиолетовый звон...
Безлуние выткало небу шаль,
золотым песком усеяло уголь,
и небо уставилось, не дыша,
в свой фиолетовый купол,
любясь синим блеском воды,
и млечный холодный пояс
выплеснуло в синие льды.

1960

В образы, как в образа я
вбрасываю взоры зорь.
Я зверею, как борзая,
разверзая кругозор.
И — за разом раз — зараза! —
ум за разум разведёт
и тетрадь изрежет фразой,
безобразной, как урод.

Воскресным вечером, сверкая
в преддверье искристой черты,
вы пронёсете радость рая
в края росистой красоты.
А в понедельник полнолунием
в часы любви вблизи моста
автобус злобный и бесшумный
давил влюблённого кота.

ШУРША ШУМОМ ПРОШЛОГО

Щель пещеры в шалом шелесте:
листьев шепчущий уют...
Человеческие челюсти
человечину жуют.
В час вечерний за пещерою
хорошо хрустеть хрящом,
на потрескавшемся черепе
примостившись нагишом.
Чтобы тени шевелящиеся,
как щупальцы, ища,
настигали настоящее,
шумом прошлого шурша...

1962

Я хочу повеситься
в начале мая-месяца
на твоём капроновом чулке.
В утреннем тумане я
убегу заранее
и приду в деревню налегке.
Там крестьянку грубую
поцелую в губы я,
а потом один уйду к реке,
чтобы там повеситься
на роге полумесяца
на твоём капроновом чулке.

1962

ОТ ЗАУМИ ДО ЗАУМИ

1.

Кррр
раувф
ув веч
карауд!
Карамел
меломан

2.

Лемма _____ мéла
Метла _____ мелá
Много _____ дела
из-за _____ угла.
Надо _____ там
Дать _____ по зубам.
Или тут _____ убить пару минут.

3.

Девять мнут десятого
самого усатого.
А самый усатый
в небытие.

За каменной хатой
он тлеет в земле.
Но помнят шофёры
лихую красу
и фото героя
клеят на мысу.
он смело смеётся
на фото на том.
Кивает, клянётся
вернуться потом.

4.

— Мистер Джоу, мистер Джоу,
Вы вернётесь, мистер Джоу?
— Я вернусь, всажу в вас пулю.
— Вот спасибо, дядя Джуля.

5.

Жулики шили
фалды и гультфик,
в чём Джугашвили
шагал по могиле.
Лёжа в могиле,
стон подавили...
— Вы ли
выли? Или не Вы?

6.

— Выли ли Вы,
или вылили Вы
вялую
львиную
волю
во рвы?

— Вас уличили в сомыслии зайцы?

— Вам красные ленты в глазах не слезятся?

— Вам увалень лысый не по перек глотки?..

7.

Лысый, попысай
да выпей водки...
Водки в лодке
просят молодки.
А одна лихая,
а другая скромная.
Точно пища постная
или же скоромная.
У молодок молотки
лупят по́ дну лодки.
У молодок молотки
ни длинные, ни короткие.
На каждой молодке
импортны колготки.
Ножки их расставлены:
между ими сталины,
старые усатые,
очень волосатые.

8.

Ах, как гордо звучит человек,
если спереду сразу и сзади...
Ах, как морда потухла навек
у того, кого слушаться надо!
Надоело финтить и филиать,
хулиганить, реветь и баклушить.
Словно «хер» — недозволенный «ять»
раздражает весомые уши.
Уж и я ухожу в полутень.
Уж и яду во мне не хватило.
Утром выкину всю дребедень,
что запóлночь перо навалило
(Не могу перейти к аббрака-
дабре, зауми, чуши в тарелке...)

9.

Телефон. Магазин. Облака.
На экране огромные грелки.
Два брелока. Огонь. Керосин.
Магазин.
Зензивер.
Верещагин!
(Наконец-то!) Прыщá.
Пер дор дрын!
Соль. Макао. Куя́са. Барра́ген.

У!

*Я прогитал у Шкловского со ссылкой не помню, на кого,
что звук «У» — грустный, пегальный, у-у-унылый...*

С грустным «У» — куксюсь, слушай!

Ну — усну!.. Ужас — в уши...

Утро. Шум. Звуки — сүхи.

Сукин кум тухнет в пухе.

Культ причуд: скушав булку,

уд шурупь в вульвы втулку.

Улиц пульс. Улья тўлья.

Супа вкус. Скуки стулья...

Дуб наук — тупоумен.

Глух паук. Гулок бубен.

Дух, и вдруг — буквы дудка...

Куча *штук* у рассудка.

Груда туч: «Будет буря!..»

Бунт могуч — мудрых дўрит!..

Вру, летун ступы — чутко:

будто — лгун, будто — шутка!

ВОДА

...и не друг, и не враг, а — так...

В.С. Высоцкий.

Кто одобрит — знахарь? врач?
Дрянь — душа и мерзость — плоть.
Я ни хладен, ни горяч,
как сказал один... господь.

«Климакс клёв, да климат клят! —
пошло пукал пипл толп, —
Брут не Брут и брат не брат.
И ни чёрн, ни бел...
Но — тёпл!

Хине, мёду — не кунак:
горечь, сладость — ерунда.
Я — не пиво, не коньяк.
Я — вода, вода, вода!

ВСЯК

и назовёт меня

всяк...

А.С. Пушкин

Путь вьётся, как угрь фри.
Уж финиш, а старт стёрт.
11 вдруг: три.
Четыре, прикинь, 100.
Устой — пустой сон,
учтивая чтив дичь.
Ни шанса на шансон —
сподобиться б спеть спич.
Нерадостен груз грёз:
резвонил, дерзал — зря.
Дозатор двойных доз
зашкалил, разбег взяв.
Где разница: тел? лет?..
Не сгинь, но согни миг!
Да, в сущности, мет — нет,
в чьей памяти игр гиг.
Темнеет, и стих стих.
И Windows в окно — звяк!
И в судороге в горсти
сдох сущий язык. Всяк.

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Город дорог ли?
Добр? Зол? —
Я не просёк мбзгом.
Слухом неловким
ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).
Тóлько я глянул вскользь сквозь
чуждый видоискатель —
тут же трофеем его унёс
неприятель... или — приятель?..
Ветрено кашлял.
Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот:
не кот, до вкуснот пряткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался — я.
Сам себе адекватен.

САРЫНЬ НА КИЧКУ

Лето прошло почти что.
День поседел и сдох.
Сáрынь запал на кичку,
кичка-то — самый сок.
Рвался, орал, метался,
мялся в обиняках...
Ну-ка, плесни Метаксы —
лучше нет коньяка.
Выгляни, вон, в окошко.
Видишь, ползут клопы.
Это тебе не то что
бег позади толпы.
Это уже не пряник,
правда, пока не кнут.
Это тебя, ботаник,
мордой в кашку ткнут.
Снег, а июль не тает.
Жухнет, истлев, трава.
Сáрынь ещё летает.
Кичка уже мертва.
В общем, дала система
необъяснимый сбой.
Овамо или семо?
Хрен или... что с тобой?

SILENTIUM

ЛОР нашёл на стене невзрачной
на рабочем столе амёбу.

Уползи в земляную ямку —
из неё прорастёт тростник.

Никому ничего не скажешь —
кто обидится, кто заплачет,
кто начнёт хохотать до колик,
кто оргвыводы подберёт.

Ах, стишки, троянские пони!
Потайной пассажир откроет,
пошпионив, тугие двери,
и ОМОН в них ворвётся, смел.

У осла траяновы уши.

Шёпот в дудочке будет явным,
как в испорченном телефоне
с перепутанным падежом.

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ

Окольцована Вселенная-птица — кем?
Небо — ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна — не колобка ли литой манекен?..
Цопнута кольцо-то! — Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники *треф*,
мастеру Вальпургию бубнили хор.
Червлёными пиками в лунный серп
Целили, метафоры метали с гор.
Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей — пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, *пикой* востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь *трефовых* клеверов или роз
спят сухими *гервами* — валуны.

Полковнику никто не пишет —

Г.Г.Маркес

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и — на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я — банкрот. Все мои сбереженья потратила моль —
нафталином колотьяся, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копья, только пью невалютной луны лимонад.

ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ

Свирепая Жность (Злость),
зверья, как часть речи,
когда улеглось
всё, что из углов
дымилось — кар-тэчью,
когда, углеглаз,
взлетел водолаз
из зяблых глубин, воя,
когда ей пришлось
удерживать Злость
от боя с самой собою —
вот в этот момент мент
вихнул рукоять только,

и вычурный кольт финт
сыграл, как поляк польку.
Неверное НЕ
звенело вовне,
наверное, трелью нот.
И Нежностью за-
пела слеза
залившая Злость (Жность).

* * *

Сборник песен Б.Г. на лотке уязвлённых книг
стоит столько же, сколько пара тапочков
на резиновом ходу на рынке Киевского вокзала.
Я взял и то, и другое.
Тапочки — чтобы ходить по просторному коридору,
метить линолеум, разорванный по краям.
Чтобы заходить в ванную комнату,
в кухню и даже, пардон, в туалет,
не опасаясь испачкать в чём-нибудь
босые незагорелые ноги.

А сборник песен Б.Г. — для того,
чтоб понять их устройство
и технологию производства (на примере Б.Г.)
современной поэтической мысли.

Может быть, я тоже сумею
делать что-нибудь вроде.
Только — лучше. Хотя и позже.

И тогда я надену тапочки
и пойду на центральную,
например, Триумфальную, площадь
читать у памятника Маяковскому
свои Б.Г.-образные вирши.

И юные красавицы
обнажатся грациозным сонмом
и отдадутся мне одна за другой,
соблюдая живую очередь.

И если это случится 31 числа,
когда, по выражению Поэта,
пришла красная лета
(извините за нечаянную рифму),
то не исключено,
что моими стихами,
а также моими девушками
заинтересуются
компетентные органы самых внутренних дел
в лице своих доблестных
только что переаттестованных (в отличие от меня)
статных полицаев-мачо.

И всем станет хорошо!

НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ*(хулиганские стихи)*

Марш недопережёванных племянниц
за соблюдение 4-го закона Ньютона
напоминает саморазрушающийся танец,
завертевшийся во времена какого-то Она.
Перебегало улицу небо
в сафьяновых красных сапожках.
Всем мерещилась государственная измена
и враг, врывающийся в чашу на едких кошках.
Визг, чертыхания, бритый мяв,
горьких колёс скрип.
Чернявый котище, меня умяв,
облизывался. Я — погиб.
А кругом продолжалась весна небесна.
Квакали полуботинки в квёлом снегу.
Мыслям свободно было.
Словам соответственно тесно.
На детском месте ликовало моё старческое АГУ.

Я УТЕШУСЬ

Я утешусь шипеньем посуды,
вительватой бравадой полов,
помогая курлыканьем псу, да
укорив его, мол, котолов.
Я утешусь щедротами быта,
рисованьем по свёкле и льду.
Подкую бутербродом копыто,
безлимитное время введу.
Разлиную курчавую простынь,
разливного чикушку сглотну,
сам себе и пророк, и апостол.
Сам себе Хаммаршельд и У Ну.
Я утешусь трёхчастною рифмой,
трону струн непомерный пардон.
Брат мой! Труженик!..

Или ты — бритт мой,
как брадою, обросший трудом?..
Я же — чёрт сам себе и всевышний,
то есть бог (но не червь!) и свинья.
И цианистой косточкой Вишну
непоспешно утешит меня.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

1933	332
1984	375
21 СЕНТЯБРЯ 1993	380
25 СЕНТЯБРЯ	80
26 МАЯ 1966 ГОДА	31
8 МАРТА	134
AFGHAN	403
SAFEMAX	246
HARD & SOFT	207
IMPRESSION	217
MEMMAKER	64
PAVEL & ПАВЛИК	414
SILENTIUM	460
А в июне был прощальный	253
А и Б	376
АВГУСТ	77
АВГУСТ-91	379
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ	226
АЛЕКСАНДР	112
Алфавитный указатель произведений	467
АНТОНОВКА	39

АТАКА	248
АФГАНЦЫ ИДУТ К НАМ	405
Ах, пойти бы к тебе	250
Ах, силлогизм, при чувстве — челядь	256
АЯ	99
Бедняцкое детство: цемент и песок	320
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР	168
БЕСПАМЯТСТВО	323
Бессонница. Комар	267
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ	327
БИОРИТМЫ	103
Бог создал бороду	86
БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА	369
БОЛЕРО	33
БОЛЬШОЙ ГОРОД	385
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ	461
БУРБАКИ И ДРУГИЕ	118
БУХБАЛЛАДА	276
БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ	85
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ	436
В деревне	286
В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ	330
В киоске в детской Семашке	416
В лирике поэзии ничуть не больше	179
В МЕТРО	161
В НОСТАЛЬГИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ	22
В образы, как в образа я	448
В ожиданье транспорта позволим	177
В ПЕРВЫЙ РАЗ — В ПЕРВЫЙ КЛАСС	149
В роковые минуты всё ел бы да пил	370

В ТРАМВАЕ	368
Ваше дело молодое: верить Богу	312
ВЕДЬМИН МУЖ	340
ВЕК — МНОГОЯК	395
ВЕСНА	249
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ	225
Вкусно мастера потчуют	333
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ВОДА	455
ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ	53
ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ	421
ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ	332
Воскресным вечером, сверкая	448
ВОСПОМИНАНИЕ	258
ВОСПОМИНАНИЕ-86	430
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ	457
Вот переулочек	305
Вот суворовцы. Румяны и упруги	373
ВОТ ЭТОТ ВОТ БЛОКНОТ	173
Вот я пишу. А ведь мог бы	163
ВПЕРЕД — К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ!	429
Время — как в бочке, где пробка пропала	318
ВРЕМЯ БУКВЫ (LXII)	298
Время вдохновенья. Начинаю пеньё	201
ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ	346
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО	23
Всё чаще в метро попадают дамы	387
ВСЯК	456
ВТОРОЕ МАРТА	412

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ	382
ГЕРАКЛ	30
ГИМН ФОРМЕ	219
ГЛАГОЛЬ	431
Говоришь, кругом — покати шаром?	372
ГОЛОЛЁД	308
Голсуорси был Иван... ..	186
ГОРКА СЛОВ	422
ГОРОДСКОЙ РОМАНС	280
ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК	105
Грядущий кошмар	364
далёких звёзд лучи исходят нитями	252
ДВА КАЗИНО	412
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ	191
ДЕЙСТВИЯ	343
ДЕКАБРЬ	435
ДЕЛА СУДЕБНЫЕ	399
ДЕЛЕНИЕ	96
ДЕМОНЫ	106
ДЕСЯТЬ КРАТКИХ БИОГРАФИЙ	90
диалог, прерываемый стуком	334
Дорога прямая, и солнце блестит	38
ДРУЖБА НАРОДОВ	377
ДУБЛЁРЫ	18
Душа моя. Я бессловесный твой	162
Душой я не то что молод... ..	283
ЕДА	61
ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	366
Если вынута рыбка	211
Есть такие человеки	308

Ещё вчера цвели цветочки	321
ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ	109
ЖАЛОБА	145
Жизнь коротка, а искусство — ого!	212
Жизнь стрекочет, как компьютер	424
ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ	462
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ	335
Забудь каток и колесо, историю и шар	48
ЗАВИСТЬ	182
ЗВЕРУШКА-66	319
ЗВУКОВОЕ	445
Звуковых не надо ников	444
ЗИККУРАТ	407
И никто, кроме зрителей нежных	271
ИГРА	204
Игра с временами года — беспроегрышная штука	82
ИГРОТЕКА	293
ИГРЫ ДЕТСТВА	305
ИЗ БУДУЩЕГО	426
ИЗ НЕДОДЕЛАННОГО	216
ИЗ ПЕПЛА	228
Извилины — как ясли мысли	398
Иллюзии! Куда попрятались?	374
Интеллигент, и должен рефлексировать	51
К ВОПРОСУ О ПИВЕ	44
К ХОЗЯЕВАМ	336
КАК — ПРАВИЛЬНО?	62
Как времена летят? — Как птицы	401
Как игрушечка, нам космос упакован	311

КАК ПРИНЯТО	50
Как проснулся — тут же, в секунду сию же	373
Как сказать — тихо, или погромче?	159
Как это я забыл о том	32
Какое имеешь ты право	48
КАЛЕНДАРЬ	411
КАРНАВАЛ	356
Катастрофически быстро старею	299
Качусь по родной икебана	355
киТЫ И Я	212
КЛАССОВЫЙ ВРАГ	337
КЛАУЗУЛА	128
КЛЯЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ	70
КНИГА ЧУДЕС	16
Когда идут к нам прямо в руки... ..	148
Когда луна была почти на	297
Когда-то, когда расцветали события	371
КОГДА-ТО... ..	301
КОГОРТА МУЖЧИН	261
КОГОТЬ	132
КОЗНИ АНГЕЛА	282
КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ	58
Кому помешало, что шёл 68-ой!	259
КОНДОПОГА	418
КОНЕЦ СПИРАЛИ	438
КОНФОРМИСТЫ	338
КОСА И КУВАЛДА	359
КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ	327
Кощей висел в углу чулана	383
КРЕДО	135

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ	44
КУНШТЮК	214
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ	227
ЛИНИЯ ЖИЗНИ	92
ЛИРИЗАЦИЯ	272
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК	20
ЛИТЕРАТОРЫ	447
ЛИЧКА	41
ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ	88
ЛУННОЕ	100
Любитель зеленого и голубого	160
ЛЮБЛЯ	270
ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ	288
МАЙ	322
МАКЛАЙ	34
МАРТ	74
МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ	45
Между экватором и полюсом	274
МЕТАФОРА СМЫСЛА	152
МЕХМАТ	302
МИГ	242
МИХАЛНА И ОСИПЫЧ	76
МЛАТ	339
Мне сказал писатель Ш.: «Что вы, Саша»	362
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	111
Мои стихи формальны, не душевны	172
Мороз. Застывают волны	402
Москва! Пречистенка, Арбат	363
МОСТОВЫЕ	54
МОЯ НЕПЫЛЬНАЯ РАБОТА	164

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ	209
МУЗЕЙ	342
МУЗЫКА	393
Мы были русскими, евреями... ..	307
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ	57
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ	316
НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ (Перебегало улицу небо)	465
НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА	104
Наверху идеологи видные	343
Нагляжусь из окна... ..	462
Над городом Китай	361
НАД НУЛЁМ ЮБИЛЕЯ	294
НАД СХВАТКОЙ	434
Накрылась пресловутой перестройкой диалектика	371
Нас залило дождём	79
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	420
Не в Азию визу	119
Не искушал меня лукавый	354
НЕ КИРПИЧИ	178
НЕ ПО ЛЕТАМ УЖ	313
НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА	306
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ	28
НЕМНОГО ИСТОРИИ	328
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША	15
НЕОЖИДАННЫЙ КРАХ	122
Ни вдоха, о друг мой, ни вздора	257
Но в конечном итоге... ..	387
НОГА ЧЕЛОВЕКА	345

НОЧЬ	378
НОЯБРЬ	432
...О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ	263
О ЕДИНСТВЕ РОССИИ	360
О мои однокурсники!	303
О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ	117
О, оторопь от разного прогресса	365
ОБМЕН	52
ОБРАТНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ FUTURE IN THE PAST	258
ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ	440
ОКТЯБРИ	82
Он приходил домой, певец абсурда	188
ОПЯТЬ ВСЁ ЗАСТЫЛО?	147
Осенью я тебя встречу снова	254
Осиновый листик летит к пигментологу	310
Остановясь на полушаге	245
ОТ ЗАУМИ ДО ЗАУМИ	450
ОТ ИОНЫ	89
ОТЛАДКА	351
ОТРЫВОК	93
Палиндромы, анаграммы	210
ПАЛОЧКИ МАЭСТРО	137
ПАМЯТИ А.Г. КУРОША	304
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО	192
ПАМЯТИ Г.В. САПГИРА	190
ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ НИЦА	30
ПАМЯТИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА	409
ПАМЯТНИК	166
ПАРАД ПЛАНЕТ	126

ПАУК И МУХА	125
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ	60
ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН	410
Перестройку закончил досрочно	372
ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ ...	403
ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОВЕТУ	145
ПИШИ ПРОПАЛО	254
ПЛАНКА	222
ПЛАТФОРМА... БОЛОТА	347
По синей линии метро я еду до Арбата	417
ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ	108
Победитель — всегда похититель	59
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ	295
ПОД СТУЛОМ СМЯТАЯ БУМАЖКА	245
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!	114
ПОЕДИНОК	150
Покамест мы пытаемся	131
ПОЛЁТ	203
Понять, кто талант	180
ПОСЛУШАНИЕ	344
ПОСОЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ	408
Постарел и в поликлинике	291
ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ	47
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ	157
ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА	140
ПОЧИТАЛ СЕБЯ	187
ПОЭЗИЮ — САНГВИНИКАМ!	196
ПОЭТЫ	185
ПРАЗДНИК ПРЯНИЧНЫХ БУКВ	176
При помощи районной Айболитихи	292

ПРО ПОПОВА И ЕГО СОБАКИНУ	133
ПРОРОК	165
ПРОШЁЛ МИЛИЦИОНЕР	241
ПРОЩАНИЕ	404
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК	386
Птица голубь на фоне помойки	49
ПУТИ-РАЗМЕРЫ	56
ПЯТЬ СТРОФ	21
РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ	269
РАЗНУЗДАННЫЕ СТИХИ	268
РАКУРСЫ	153
РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН	353
РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО	317
РЕТРОСПЕКТИВА 1984—1993	375
РЕЧКА СХОДНЯ	75
РЕЧЬ	406
РОДИНА	384
РОМАНТИКА	275
Ручек пенала лица	443
САРЫНЬ НА КИЧКУ	459
Сажусь на своего конька	202
Сборник песен Б.Г. на лотке уязвлённых книг	463
Свеча фаллическая жгла	43
СВОБОДА ИЛИ ТАЛАНТ?	170
СВОБОДА ТЕПЕРЬ	314
Свобода, здравствуй! Наливаю чаю	396
Сегодня — такой день: 4 девятки	78
Сегодня Коля был без Светы... ..	116
Секунды притворяются невредными	311
СЕРДЦЕ-ВЕЩУН	243

Синяя мгла заволокла глаза	447
СКАЗКА	42
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ	324
СЛОВО ЗА СЛОВО	206
СЛУЧАЙ	58
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ	124
Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки	374
СНОВА ЖИЗНЬ	123
СНЫ КРЫШ	72
СОВКИ И ЧАЙНИКИ	381
СПИРАЛЬ	46
СТАНСЫ	458
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ	17
СТАРЫЙ АНЕКДОТ	284
СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ	279
СТИХИ В ВИДЕ КАРТОШКИ	244
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ	331
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ	221
СТРИПТИЗЁРКА	278
Строчу привычно, весь блокнот исчеркал	273
СЫНЫ	344
Так и живём, значит, сэр Джонатан	388
Так. XXI столетье... ..	394
ТАЛАНТЫ — ПОКЛОННИКАМ	218
Там, где Герцен с Огарёвым	336
ТИПО СЕТОВАНИЯ	121
Товарищ, я прозы не в силах сдержать	358
Трио для принтера, клавиатуры, экрана	160
Тропинкой, похожей на прочие	102
Ты лети, моя строка	215

У!	454
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР	391
УЛЁТ МУЗЫ	181
УЛИЧНОЕ	330
УРОКИ МУЗЫ	224
УТРО	247
Ухнул мир, а может, рухнула скамейка	370
ФАМИЛИИ	338
ФЕВРАЛЬ	69
ХОЛМС И ХАРМС	144
ХРОНИКА	400
ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ	370
ЦИРК	348
ЧАЙНИК	35
ЧАСТИ РЕЧИ	136
Чахнет душа в усыпальнице смысла	300
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ	36
ЧТО ДЕЛАТЬ?	87
Что напрасно мечтать о Босфоре!..	146
Шесть долгих лет я не вкушал еду...	283
Шрифт включает Ё и знак вопроса	158
ШТУКИ	220
ШТУЧКА	98
ШУРША ШУМОМ ПРОШЛОГО	449
ЭПОС И ПАФОС	345
ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ	189
ЭТЮД	63
Я	130
Я вхож в один кружок	194
Я выжил в хрупком мире чемоданном	40

Я выпил пива, весел и здоров...	81
Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты...	195
ХАЛЯВНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ	443
Я жрец жратвы, питон питанья	110
Я не живу с твоей карточкой	260
Я подошёл к месту моей работы	49
Я с одним старикашкой гутарил	120
Я УТЕШУСЬ	466
Я хочу повеситься...	449
Январский вечер, но — почти весна	11

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
Январский вечер, но — почти весна	11
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ	13
НЕОБЪЯСНИМАЯ ДУША	15
КНИГА ЧУДЕС	16
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ	17
ДУБЛЁРЫ	18
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК	20
ПЯТЬ СТРОФ	21
В ностальгическом дизайне	22
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО	23
НЕКСТАТИ О ПТИЧКАХ	28
ПАМЯТИ ГЕОРГИЯ НИЦА	
I. ГЕРАкл	30
II. 26 МАЯ 1966 ГОДА	31
Как это я забыл о том	32
БОЛЕРО	33
МАКЛАЙ	34
ЧАЙНИК	35
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ	36
Дорога прямая, и солнце блестит	38

АНТОНОВКА	39
Я выжил в хрупком мире чемоданном	40
ЛИЧКА	41
СКАЗКА	42
Свеча фаллическая жгла	43
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ	44
К ВОПРОСУ О ПИВЕ	44
МАСТЕРСКАЯ, ГДЕ ЧИНЯТ МЕЧТЫ	45
ПО СПИРАЛИ	46
ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ	47
Какое имеешь ты право	48
Забудь каток и колесо, историю и шар	48
Я подошёл к месту моей работы	49
Птица голубь на фоне помойки	49
КАК ПРИНЯТО	50
Интеллигент, и должен рефлексировать	51
ОБМЕН	52
ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ	53
МОСТОВЫЕ	54
ПУТИ-РАЗМЕРЫ	56
МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ	57
СЛУЧАЙ	58
КОМПОЗИТОРЫ И ПОБЕДИТЕЛИ	58
Победитель – всегда похититель	59
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ТЕЛ	60
ЕДА	61
КАК – ПРАВИЛЬНО?	62
ЭТЮД	63
МЕММАКЕР	64

ИГРА С ВРЕМЕНАМИ ГОДА	67
ФЕВРАЛЬ	69
КЛАЗЬМИНСКИЙ ПАНСИОНАТ	70
СНЫ КРЫШ	72
МАРТ	74
РЕЧКА СХОДНЯ	75
МИХАЛНА И ОСИПЫЧ	76
АВГУСТ	77
Сегодня — такой день: 4 девятки	78
Нас залило дождём	79
25 СЕНТЯБРЯ	80
Я выпил пива, весел и здоров... ..	81
ОКТАБРИ	82
Игра с временами года	82
 ГЕЛИОТРОП И КУПОРОС	 83
БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ	85
Бог создал бороду	86
ЧТО ДЕЛАТЬ?	87
ЛОВЦЫ ЧЕЛОВЕКОВ	88
ОТ ИОНЫ	89
10 КРАТКИХ БИОГРАФИЙ	90
ЛИНИЯ ЖИЗНИ	92
ОТРЫВОК	93
ДЕЛЕНИЕ	96
ШТУЧКА	98
АЯ	99
ЛУННОЕ	100
Тропинкой, похожей на прочие	102
БИОРИТМЫ	103

НА ПРИЗНАНИЕ АСТРАЛА	104
ГРАФОМАН И ВУРДАЛАК	105
ДЕМОНЫ	106
ПОБЕДА НАД КОЩЕЕМ	108
ЕЩЁ О НЁМ ЖЕ	109
Я жрец жратвы, питон питанья	110
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	111
АЛЕКСАНДР	112
ПОДУМАЕШЬ, БИНОМ НЬЮТОНА!	114
Сегодня Коля был без Светы... ..	116
О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ	117
БУРБАКИ И ДРУГИЕ	118
Не в Азию визу	119
Я с одним старикашкой гутарил	120
ТИПО СЕТОВАНИЯ	121
НЕОЖИДАННЫЙ КРАХ	122
СНОВА ЖИЗНЬ	123
СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ	124
ПАУК И МУХА	125
ПАРАД ПЛАНЕТ	126
КЛАУЗУЛА	128
Я	130
Покамест мы пытаемся	131
КОГОТЬ	132
ПРО ПОПОВА И ЕГО СОБАКИНУ	133
8 МАРТА	134
КРЕДО	135
ЧАСТИ РЕЧИ	136
ПАЛОЧКИ МАЭСТРО	137
ПОХОД ДОНА ЗАДРЫГЕСА	140

ХОЛМС И ХАРМС	144
ПИСЬМО К УЧЁНОМУ СОВЕТУ	145
ЖАЛОБА	145
Что напрасно мечтать о Босфоре!..	146
ОПЯТЬ ВСЁ ЗАСТЫЛО?	147
Когда идут к нам прямо в руки...	148
В ПЕРВЫЙ РАЗ — В ПЕРВЫЙ КЛАСС	149
ПОЕДИНОК	150
МЕТАФОРА СМЫСЛА	152
РАКУРСЫ	153
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ	155
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ	157
Шрифт включает Ё и знак вопроса	158
Как сказать – тихо, или погромче?	159
Трио для принтера, клавиатуры, экрана	160
Любитель зеленого и голубого	160
В МЕТРО	161
Душа моя. Я бессловесный твой	162
Вот я пишу. А ведь мог бы	163
МОЯ НЕПЫЛЬНАЯ РАБОТА	164
ПРОРОК	165
ПАМЯТНИК	166
БЕЗДЕЛУШЕЧНЫЙ МАСТЕР	168
СВОБОДА ИЛИ ТАЛАНТ?	170
Мои стихи формальны, не душевны	172
ВОТ ЭТОТ ВОТ БЛОКНОТ	173
ПРАЗДНИК ПРЯНИЧНЫХ БУКВ	176
В ожиданье транспорта позволим	177
НЕ КИРПИЧИ	178

В лирике поэзии ничуть не больше	179
Понять, кто талант	180
УЛЁТ МУЗЫ	181
ЗАВИСТЬ	182
ПОЭТЫ	183
ПОЭТЫ	185
Голсуорси был Иван... ..	186
ПОЧИТАЛ СЕБЯ	187
Он приходил домой, певец абсурда	188
ЭРНСТ ТЕОДОР АМАДЕЙ	189
ПАМЯТИ Г.В. САПГИРА	190
ДЕВЯТЬ ДНЕЙ	191
ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ШАРГОРОДСКОГО	192
Я вхож в один кружок	194
Я ж забыл! Я ж поэт! А поэты... ..	195
ПОЭЗИЮ – САНГВИНИКАМ!	196
КУНШТЮК	199
Время вдохновенья. Начинаю пенье	201
Сажусь на своего конька	202
ПОЛЁТ	203
ИГРА	204
СЛОВО ЗА СЛОВО	206
HARD & SOFT	207
МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ	209
Палиндромы, анаграммы	210
Если вынута рыбка	211
Жизнь коротка, а искусство – ого!	212
киТЫ И Я	212

КУНШТЮК	214
Ты лети, моя строка	215
ИЗ НЕДОДЕЛАННОГО	216
IMPRESSION	217
ТАЛАНТЫ – ПОКЛОННИКАМ	218
ГИМН ФОРМЕ	219
ШТУКИ	220
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НОЧЬЮ	221
ПЛАНКА	222
УРОКИ МУЗЫ	224
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ	225
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИРОПАТОЛОГИИ	226
ЛЕТАЯ, ЛИКУЯ, ИГРАЯ	227
ИЗ ПЕПЛА	228
ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ	229
ОСТАНОВЯСЬ НА ПОЛУШАГЕ	239
ПРОШЁЛ МИЛИЦИОНЕР	241
МИГ	242
СЕРДЦЕ-ВЕЩУН	243
СТИХИ В ВИДЕ КАРТОШКИ	244
Остановясь на полушаге	245
ПОД СТУЛОМ СМЯТАЯ БУМАЖКА	245
САФЕМАХ	246
УТРО	247
АТАКА	248
ВЕСНА	249
Ах, пойти бы к тебе	250

далёких звёзд лучи исходят нитями	252
А в июне был прощальный	253
Осенью я тебя встречу снова	254
ПИШИ ПРОПАЛО	254
Ах, силлогизм, при чувстве — челядь	256
Ни вздоха, о друг мой, ни вздора	257
ВОСПОМИНАНИЕ	258
ОБРАТНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ FUTURE IN THE PAST	258
Кому помешало, что шёл 68-ой!	259
Я не живу с твоей карточкой	260
КОГОРТА МУЖЧИН	261
...О БЕЛОМ МЕДВЕДЕ	263
РАЗНУЗАННЫЕ СТИХИ	265
Бессонница. Комар	267
РАЗНУЗАННЫЕ СТИХИ	268
РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ	269
ЛЮБЛЯ	270
И никто, кроме зрителей нежных	271
ЛИРИЗАЦИЯ	272
Строчу привычно, весь блокнот исчёркал	273
Между экватором и полюсом	274
РОМАНТИКА	275
БУХБАЛЛАДА	276
СТРИПТИЗЁРКА	278
СТАРЫЙ ДОБРЫЙ ПРОМИСКУИТЕТ	279
ГОРОДСКОЙ РОМАНС	280
КОЗНИ АНГЕЛА	282
Шесть долгих лет я не вкушал еду...	283

Душой я не то что молод...	283
СТАРЫЙ АНЕКДОТ	284
В деревне	286
ЛЮБОВЬ В ГОРОДЕ ЧЕРУСТИ	288
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ	289
Постарел и в поликлинике	291
При помощи районной Айболитихи	292
ИГРОТЕКА	293
НАД НУЛЁМ ЮБИЛЕЯ	294
ПОВОД К ПЕРЕБОРУ	295
Когда луна была почти на	297
ВРЕМЯ БУКВЫ (LXII)	298
Катастрофически быстро старею	299
Чахнет душа в усыпальнице смысла	300
КОГДА-ТО...	301
МЕХМАТ	302
О мои однокурсники!	303
ПАМЯТИ А.Г. КУРОША	304
ИГРЫ ДЕТСТВА	305
Вот переулочек	305
НЕДОЛГОВЕЧНАЯ ПОЕЗДКА	306
Мы были русскими, евреями...	307
ГОЛОЛЁД	308
Есть такие люди	308
Осиновый листик летит к пигментологу	310
Секунды притворяются невредными	311
Как игрушечка, нам космос упакован	311
Ваше дело молодое: верить Богу	312
НЕ ПО ЛЕТАМ УЖ	313

СВОБОДА ТЕПЕРЬ	314
МЫСЛИ ПЕРЕД СНОМ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ	316
РАССЕИВАНИЕ В НИЧТО	317
Время – как в бочке, где пробка пропала	318
ЗВЕРУШКА-66	319
Бедняцкое детство: цемент и песок	320
Ещё вчера цвели цветочки	321
МАЙ	322
БЕСПАМЯТСТВО	323
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ	324
ПО ЗАМКНУТОЙ СПИРАЛИ	325
КОФЕЙНЫЙ АРОМАТ	327
БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ	327
НЕМНОГО ИСТОРИИ	328
В ЗАВОДСКОЙ СТОЛОВОЙ	330
УЛИЧНОЕ	330
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ	331
1933	332
ВОПРОСЫ К ПРАВЯЩИМ КЛАССАМ	332
Вкусно мастера потчуют	333
ДИАЛОГ, ПРЕРЫВАЕМЫЙ СТУКОМ	334
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ	335
Там, где Герцен с Огарёвым	336
К ХОЗЯЕВАМ	336
КЛАССОВЫЙ ВРАГ	337
КОНФОРМИСТЫ	338
ФАМИЛИИ	338
МЛАТ	339
ВЕДЬМИН МУЖ	340

МУЗЕЙ	342
Наверху идеологи видные	343
ДЕЙСТВИЯ	343
СЫНЫ	344
ПОСЛУШАНИЕ	344
НОГА ЧЕЛОВЕКА	345
ЭПОС И ПАФОС	345
ВРЕМЯ НЕПРОСТОЕ ВРЕДНОГО ЗАСТОЯ	346
ПЛАТФОРМА... БОЛОТА	347
ЦИРК	348
КАРНАВАЛ	349
ОТЛАДКА	351
РАСПАЛАСЬ СВЯЗЬ ВРЕМЁН	353
Не искушал меня лукавый	354
Качусь по родной икебане	355
КАРНАВАЛ	356
Товарищ, я прозы не в силах сдержать	358
КОСА И КУВАЛДА	359
О ЕДИНСТВЕ РОССИИ	360
Над городом Китай	361
Мне сказал писатель Ш.: «Что вы, Саша»	362
Москва! Пречистенка, Арбат	363
ГРЯДУЩИЙ КОШМАР	364
О, оторопь от разного прогресса	365
ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК	366
В ТРАМВАЕ	368
БОЛЕЗНЬ ЛЮДОЕДА	369
ХРОНИКА ПЕРЕСТРОЙКИ	370
1. Ухнул мир, а может, рухнула скамейка	370

2. В роковые минуты всё ел бы да пил	370
3. Накрылась пресловутой перестройкой диалектика	371
4. Когда-то, когда расцветали события	371
5. Перестройку закончил досрочно	372
6. Говоришь, кругом — покати шаром?	372
7. Как проснулся — тут же, в секунду сию же	373
8. Вот суворовцы. Румяны и упруги	373
9. Смейся, Пугач! Улюлюкайте, Стеньки	374
10. Иллюзии! Куда прятались?	374
РЕТРОСПЕКТИВА 1984—1993	375
I. 1984	375
II. А и Б	376
III. ДРУЖБА НАРОДОВ	377
IV. НОЧЬ	378
V. АВГУСТ-91	379
VI. 21 СЕНТЯБРЯ 1993	380
СОВКИ И ЧАЙНИКИ	381
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ	382
Кощей висел в углу чулана	383
РОДИНА	384
БОЛЬШОЙ ГОРОД	385
ПРЯНИЧНЫЙ ДОМИК	386
Всё чаще в метро попадают дамы,	387
Но в конечном итоге...	387
Так и живём, значит, сэр Джонатан	388
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР	391
МУЗЫКА	393
Так. XXI столетье...	394

ВЕК — МНОГОЯК	395
Свобода, здравствуй! Наливаю чаю	396
Извилины — как ясли мысли	398
ДЕЛА СУДЕБНЫЕ	399
ХРОНИКА	400
Как времена летят? — Как птицы	401
Мороз. Застывают волны	402
AFGHAN	403
1. ПЕСЕНКА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ МАЛЬЧИКОВ ..	403
2. ПРОЩАНИЕ	404
3. АФГАНЦЫ ИДУТ К НАМ	405
4. РЕЧЬ	406
ЗИККУРАТ	407
ПОСОЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ	408
ПАМЯТИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА	409
ПЕРЕСМЕНОК ВРЕМЁН	410
КАЛЕНДАРЬ	411
ВТОРОЕ МАРТА	412
ДВА КАЗИНО	412
RAVEL & ПАВЛИК	414
УЖАСНЫЙ НОВЫЙ МИР	415
В киоске в детской Семашке	416
По синей линии метро я еду до Арбата	417
КОНДОПОГА	418
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	420
ВОНЮЧИЕ МАЛЬЧИКИ	421
ГОРКА СЛОВ	422
Жизнь стрекочет, как компьютер	424
ИЗ БУДУЩЕГО	426
ВПЕРЁД — К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ!	429

ВОСПОМИНАНИЕ-86	430
ГЛАГОЛЬ	431
НОЯБРЬ	432
НАД СХВАТКОЙ	434
ДЕКАБРЬ	435
БЫТЬ ДОЛГОРУКИМ	436
КОНЕЦ СПИРАЛИ	438
ОКАЗАЛОСЬ, БЫЛО НЕЗАЧЕМ	440
УТЛЕГЛАЗАЯ МГЛА	441
ХАЛЯВНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ	443
Ручек пенала лица	443
Звуковых не надо ников	444
ЗВУКОВОЕ	445
ЛИТЕРАТОРЫ	447
Синяя мгла заволочла глаза	447
В образы, как в образа я	448
Воскресным вечером, сверкая	448
ШУРША ШУМОМ ПРОШЛОГО	449
Я хочу повеситься...	449
ОТ ЗАУМИ ДО ЗАУМИ	450
У!	454
ВОДА	455
ВСЯК	456
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ	457
СТАНСЫ	458
САРЫНЬ НА КИЧКУ	459
SILENTIUM	460
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ	461
Нагляжусь из окна...	462

ЖНОСТЬ И НЕ-ЖНОСТЬ	462
Сборник песен Б.Г. на лотке уязвлённых книг	463
НА ДЕТСКОМ МЕСТЕ (Перебегало улицу небо)	465
Я УТЕШУСЬ	466
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	467

Литературно-художественное издание

Воловик Александр Иосифович

УГЛЕГЛАЗАЯ МГЛА

Стихи

Издатель *Леонид Янович*

Ответственный за выпуск *Евгений Янович*

Корректор *Ираида Кускова*

Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*

Художник *Евгений Янович*

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

по вопросам реализации 8-905-739-0264

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве и Интернете:

<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 14.11.2014

Формат 70x90/32. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Усл.-печ. л. - 15,5

Тираж 300 экз. Заказ №

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 812663